

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025, Том 4, № 4

Подписано к публикации: 24.07.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор **Крас-**
нощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) — доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) — доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) — доктор филологических наук, доцент
Чезрчиев Мугума Чезрчиевич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2949-4656 (online)

E-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2025

Содержание

Никонов Я.А. Сторителлинг как инструмент медиакommunikации: теоретический аспект	5-10
Терских Т.Ф. Организация обучения иностранных студентов социально-культурной адаптации в России	11-14
Муртазалиева Е.А., Нурмагомедова Р.О. Мотив идейного безумия в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»	15-19
Иванцова Н.А., Покровская М.Д. Определяющие факторы влияния на формирование новозеландского английского	20-26
Гужова Н.В., Ступина Е.С. Логичность речи как основа риторических кодов к логосу: дидактический аспект	27-31
Чилингарян В.В. Конвергенция и мультимедиа, а также их роль как ключевых компонентов развития коммуникации в современном мире	32-38
Стоянова Н.И., Абдулбасирова Р.А. Гемаль аль-Гитани как писатель и историк	39-43
Гаврилович И.А. Ассоциативно-корпусный анализ слова «топ-менеджер»	44-49
Гаджиева С.М. Формирование фразеологического фонда: влияние традиций, обычаев и окружающей реальности на формирование фразеологического пласта даргинского языка	50-53
Малецкая Ж.В., Кичилиева Э.И. Типология женских образов в творчестве Ф.М. Достоевского	54-59
Мясищев Г.И., Масленникова А.С., Ковалева А.С., Шац А.В., Черкашина Е.Е. Опыт создания типологического и индивидуального синхронного речевого портрета участника Великой Отечественной войны	60-67
Сун Яцян Репрезентация советского прошлого в нарративе петербургских писательниц 2010-х годов	68-76
Мороз Ю.А. Перспективы использования нейросетей на занятиях иностранного языка в высшем учебном заведении	77-84
Чжан Цзясинь, Чжэн Вэньдун От текста к культуре: семиотический анализ русского перевода стихотворений в династии Тан И.А. Бродским	85-91
Абдуллаева Ульвия Салам гызы О взаимосвязи русского сленга в азербайджанском языке при переводе	92-97

Магомедова С.И., Ибрагимова А.А.

Сопоставительная характеристика глаголов движения в номинативно-производном значении в русском и арабском языках

98-103

Касимова М.М.

Ментальная идентичность нации и ее выражение в русскоязычной азербайджанской прозе (на материале творчества Н. Расулзаде)

104-108

Бен Айсса Ибрахим Аталлах

Функционально-семантическое поле итеративности во французском языке

109-113

Шарифуллина С.В.

Влияние медиакоммуникаций на переосмысление классических произведений в контексте современных трендов: к постановке вопроса

114-118

Стоянова Н.И., Абсаламов А.З.

Особенности сирийского романизма XX века: между традицией и реализмом

119-123

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 81'42:316.77

Сторителлинг как инструмент медиакоммуникации: теоретический аспект

¹ Никонов Я.А.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в статье рассматривается сторителлинг как самостоятельный медиакоммуникационный инструмент, сформировавшийся на стыке литературных традиций и современных цифровых технологий. Подчеркивается его отличие от устаревших моделей коммуникации, ориентированных на одностороннюю трансляцию информации. Автор акцентирует внимание на том, что сторителлинг заимствует композиционные, стилистические и сюжетные приемы из художественной литературы, адаптируя их под задачи медиа и маркетинга. В работе проведен теоретический анализ ключевых структур сторителлинга (модель Фрейтага, структура ABDCE, универсальные сюжетные схемы), раскрываются их функции в формировании вовлекающего нарратива. Исследование базируется на методах дискурсивного анализа, литературоведческого сопоставления, индукции и сравнительно-исторического подхода. Показано, что современный сторителлинг теряет индивидуальный стиль автора, приобретая черты стандартизации и шаблонности, но при этом становится эффективным инструментом эмоционального воздействия и формирования доверия аудитории. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его выводов при создании медиа- и бренд-контента, построенного на принципах сторителлинга. Также обозначены риски и ограничения, связанные с массовым использованием упрощенных сюжетных конструкций. В результате сторителлинг предстает как сложная культурно-коммуникационная практика, отражающая трансформации современной медиасреды.

Ключевые слова: сторителлинг, медиакоммуникации, массовая культура, нарратив, дискурс, сюжетные схемы, литература, визуальные медиа, эмоциональное воздействие

Для цитирования: Никонов Я.А. Сторителлинг как инструмент медиакоммуникации: теоретический аспект // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 5 – 10.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Storytelling as a tool of media communication: a theoretical aspect

¹ Nikonov Ya.A.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article examines storytelling as an independent media communication tool that has emerged at the intersection of literary traditions and modern digital technologies. The study highlights its distinction from outdated models of communication based on one-way information transmission. The author emphasizes that storytelling borrows compositional, stylistic, and plot techniques from classical literature, adapting them to the needs of media and marketing. The paper presents a theoretical analysis of key storytelling structures (Freytag's model, the ABDCE structure, and universal plot schemes), revealing their functions in shaping engaging narratives. The research is based on methods such as discourse analysis, literary comparison, induction, and the comparative-historical approach. It is shown that contemporary storytelling tends to lose the individual authorial style, becoming more standardized and formulaic, yet it remains an effective tool for emotional influence and building audience trust. The practical significance of the study lies in the potential application of its findings in the creation of media and brand content based on storytelling principles. The article also outlines the risks and limitations associated with the

widespread use of simplified narrative templates. As a result, storytelling is presented not merely as a trend, but as a complex cultural and communicative practice reflecting the transformations of the modern media environment.

Keywords: storytelling, media communications, mass culture, narrative, discourse, plot structures, literature, visual media, emotional impact

For citation: Nikonov Ya.A. Storytelling as a tool of media communication: a theoretical aspect. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 5 – 10.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 1, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Современные медиакommunikации переживают стремительную трансформацию, обусловленную развитием цифровых технологий и изменением потребительского поведения. В этих условиях усиливается интерес к форматам, способным эффективно привлекать и удерживать внимание аудитории. Одним из таких форматов стал сторителлинг – технология повествования, активно применяющая литературные приемы в медиа- и маркетинговой среде. Она сочетает рациональное структурирование текста с эмоциональным воздействием на восприятие, что делает сторителлинг мощным инструментом построения коммуникативных стратегий.

Понятие современного сторителлинга возникло одновременно с развитием медиатехнологий и появлением формата сторис в социальных сетях, тем не менее искусство рассказывания историй при помощи метафор и картинок появилось еще в глубокой древности. Например, сторителлингом можно считать не только комиксы с приключениями героев, но и рисунки пещерных людей со сценами охоты.

Предполагается, что технология сторителлинга помогает донести авторские идеи, привлечь и удержать внимание аудитории, будь то зрительской или читательской. Для современного человека массового сознания она становится своего рода эрзацем литературы. «Вовлекающими историями» заполнены страницы глянцевого журналов. Ее культивируют новые медиа (паблики в социальных сетях, онлайн-СМИ, сайты газет и журналов, спецпроекты СМИ и других организаций), она становится востребованным навыком на рынке труда.

Актуальность обращения к сторителлингу продиктована его повсеместным использованием в журналистике, рекламе, бренд-коммуникациях и социальных сетях. Несмотря на высокую востребованность, в научной среде до сих пор отсутствует единое понимание сторителлинга как самостоятельного медиакommunikационного инструмента,

отличного от жанровых форм публицистики или художественного нарратива.

Цель данного исследования: теоретическое осмысление сторителлинга как структурированного коммуникативного формата, обладающего собственной логикой построения, функциями и медиасредой применения. В рамках работы принята попытка проследить эволюцию сторителлинга от классических литературных стратегий к современным медийным форматам, а также выявить характерные черты его функционирования в контексте массовой культуры и цифровых коммуникаций.

Материалы и методы исследований

Исследование построено на комплексном теоретическом анализе сторителлинга как медиакommunikационного феномена. В качестве основного материала выступают научные труды по теории литературы, журналистике и медиакommunikациям, а также практико-ориентированная литература, описывающая современные подходы к сторителлингу (работы Э. Ламотт, Р. Макки, А. Симмонса, Дж. Готтшалла и др.). Дополнительно рассматриваются примеры из классической художественной литературы (А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.), иллюстрирующие происхождение сюжетных и композиционных моделей, используемых в сторителлинге. Эмпирическую основу также составляют наблюдения за функционированием сторителлинга в современных медиаформатах – глянцевого журналов, социальных сетях, спецпроектах СМИ.

Для анализа применены следующие методы исследования: Качественный анализ контента – используется для интерпретации текста как основного коммуникативного инструмента сторителлинга. Проводится анализ сюжетных схем, образов, стилистики и заголовков.

Дискурсивный анализ – применяется для выявления особенностей функционирования сторителлинга в медиаполе, его роли в формировании смыслов и влиянии на массовое сознание.

Метод литературоведческого сопоставления – позволяет выявить параллели между классически-

ми литературными структурами и современными форматами сторителлинга.

Индукция и дедукция – используются для формирования общих выводов на основе частных наблюдений и теоретических положений.

В совокупности эти методы обеспечивают системное осмысление сторителлинга как инструмента, находящегося на стыке литературы, журналистики и медиакommunikаций.

Результаты и обсуждения

Сторителлинг до сих пор является предметом дискуссий в научном сообществе. Так, известный публицист и телеведущий Александр Архангельский определяет сторителлинг как форму литературного материала с жизненной основой [3]. Литературовед Г.Н. Боева склоняется к мнению, что сторителлинг есть искусство массового письма, конструирование текстов на основе «высоких образцов» [2]. Многие рассматривают его как новую практику порождения текстов в эпоху цифровых технологий, доступную широкой аудитории и существующую в рамках определенных правил.

В настоящее время сложился круг своего рода «гуру от сторителлинга» – профессиональных коучей, прежде всего, зарубежных, которые подробно рассматривают его приемы и инструменты (научно-популярные книги Э. Ламотт [5], Р. Макки [6], А. Симмонс [10], Дж. Готтшалла [4]).

Приемы сторителлинга изучаются в онлайн-школах, на интернет-площадках регулярно проводятся вебинары и курсы для маркетологов, копирайтеров, дизайнеров. Интернет наводнен инструкциями по освоению навыков рассказывания историй. Если подытожить существующие в разных источниках пошаговые руководства по сторителлингу, то складывается определенный канон данного формата, следующего устойчивым рекомендациям:

- создайте базу данных;
- следите за трендами и помните о современности и актуальности;
- обращайтесь к мифологической основе или «бродячим сюжетам»;
- обращайтесь не к разуму, а к чувствам;
- рассказчик и слушатель – две равновеликие и взаимодополняющие роли;
- удачный заголовок – залог успеха;
- добавляйте в ваши истории новые детали.

Лучшие произведения литературы, не ограничиваясь публицистическим решением актуальных проблем, всегда обращались к вечным вопросам человеческого бытия, истины и смысла жизни, используя при этом и мифологические образы, и «бродячие» сюжеты. А в литературе XX века бродячие сюжеты стали предметом интертекстуаль-

ности или постмодернистской игры (от Джойса и Набокова до Пелевина и Акунина). Художественная литература неизменно обращалась к чувствам читателя, стремясь вызвать их эмоциональную реакцию.

Реалистическая литература XIX века с ее основополагающим принципом детерминизма и вытекающим из него пристальным вниманием к социальной среде многосторонне использовала бытовые детали при изображении жизни людей различных сословий. Писатели начала XX века через деталь показали уже не устоявшийся быт, а колебания, непрочность, проявляющуюся во всех его областях.

Достаточно вспомнить Чехова, в произведениях которого жизнь предстает в ежедневной конкретности, в водовороте случайностей, что позволило Д. Мережковскому заметить, что «по произведениям Чехова можно было бы восстановить картину русского быта в конце века в мельчайших подробностях» [7].

Но за этой безусловной реальностью открывался ее символический смысл, когда «символы ... непроизвольно врастают в действительность», на что указывал А. Белый [1]. «Миллион мелочей» превращался в «оковы», «сети» быта, враждебные личности, создавая общую картину неблагополучия – и внутри отдельного дома, и во всем сложении жизни.

Именно Чехов, постулируя принцип объективности письма и отказываясь от догмата авторской позиции, декларировал расчет на сотворчество читателя, когда писатель ограничивался лишь намеком, выразительной точной деталью, включающей работу читательского воображения.

Значимость названия произведения как важнейшего компонента художественного целого давно стало общим местом. Названия – всегда емкие художественные формулы, которые рассматривались или как «авторский посыл, дискурсивная стратегия, организатор и активизатор читательского восприятия» [9], или как суггестия смыслов.

Тщательно обдуманные писателем, они, как правило, несли в себе метафорическое, символическое значение, участвующее в создании философско-социального подтекста («Преступление и наказание» Достоевского, «Война и мир» Толстого, «Красный цветок» Гаршина, «Пещера» Е. Замятина), или представляли собой отвлеченные, «сущностные» понятия, свидетельствующие об интересе к вечным категориям человеческого бытия («Молчание», «Смех», «Мысль», «Ложь» у Л. Андреева).

Перечень приведенных писательских имен и произведений может быть взаимозаменяем и бес-

конечно расширен. Все инструменты сторителлинга, которые подаются как некое открытие, на деле оказываются давно известными устойчивыми приемами художественной литературы. Но в технологии сторителлинга как «рассказывания историй» они снижаются, травестируются и, как справедливо отметила Г. Боева, «огрубляются, схематизируются, превращаются в примитивные шаблоны - ситуаций, сценариев, эмоций, образов и т. п.» [2].

Принципы композиционного построения текста сторителлинг также позаимствовал у художественной литературы. Первые алгоритмы организации текста были даны Аристотелем. Они касались драмы и были достаточно простыми: композиция состояла из трех актов (начала, середины и конца).

Первый представлял персонажей, устанавливал между ними отношения, сообщал о воле героев. Во второй ситуация достигала накала и в третьем – разрешалась. В XIX веке Густав Фрейтаг разработал классическую модель построения истории, получившую название «Пирамида Фрейтага», которую активно используют коучи сторителлинга. В соответствии с его концепцией из «экспозиции» читатель должен получить важную вводную информацию, узнать контекст будущих событий, бэкграунд героев.

«Конфликт» должен познакомить с главным героем, в жизни которого происходит событие, меняющее его жизнь. На этапе «нарастания действия» в повествование вводятся антагонист или препятствие на пути главного героя. После «кульминации» – самого важного события – наступает «угасание действия». «Развязка» нивелирует конфликт, и произведение подходит к «завершению», в котором раскрываются все тайны и загадки [12].

В XX веке американская писательница Элис Адамс создала схему «ABDCE», где А – action (действие, совершаемое героем и привлекающее внимание читателя); В – background (контекст повествования, важная информация, объясняющая поступки героев); D – development (развитие действия, преодоление героем препятствий); С – climax (кульминация, ключевое событие) и Е – ending (короткое окончание, из которого читатель узнает, что произошло с героями после перипетий и как они изменились).

Особенно много советов от сторителлеров касается сюжетологии. При этом круг предлагаемых сюжетов, как правило, ограничен и рассчитан на стереотипы восприятия массового сознания. Известный американский писатель Курт Воннегут в книге с названием «Мочить в сортире» – пародии

на семинар для начинающих писателей – иронически обыграл несколько ходовых сюжетов.

Первый – «человек в яме»: герой истории попадает в беду («яму»), но в результате преодолевает сложную ситуацию. При этом уточняет писатель, в начале повествования герой должен быть удачлив, так как массовый читатель не любит истории о больных и бедных, а в конце он должен достичь еще большего успеха по сравнению с началом. Подобные сюжеты «вдохновляют» читателя.

Вторая схема: «Парень встречается девушку» (в настоящем девушка может быть заменена на юношу). Заурядный герой, жизнь которого скучна, встречается другого человека, и это событие делает его жизнь содержательной и эмоционально насыщенной. Затем столь же резко наступает «падение», но к концу все налаживается.

Третий алгоритм – популярный сюжет Золушки. «Униженный и оскорбленный» герой, благодаря действиям третьего лица (феи-крестной) переживает постепенный жизненный подъем. Непродолжительное время он находится «на вершине», затем «падает», но не до первоначального состояния, так как память об «успешном дне» греет его душу. К финалу страдания растворяются, и жизнь становится счастливой.

Четвертый сценарий имеет литературным источником рассказ Ф. Кафки «Превращение»: стартовые условия жизни главного героя плохие и по мере развития сюжета становятся еще хуже. Наконец, пятая схема вдохновлена «Гамлетом», история которого, в трактовке Воннегута, похожа на историю Золушки, отличаясь лишь тем, что у Шекспира события невозможно охарактеризовать как однозначно положительные (удачные) и решительно плохие (неудачные) [8].

Подобные композиционные приемы и сюжетные схемы рекомендуются современной практико-ориентированной литературой по сторителлингу и охотно используются его авторами. Например, схему писательницы Элис Адамс приводит в своей книге «Птица за птицей» Энн Ламонт. История литературы и отечественной журналистики, которая при своем зарождении была непосредственно связана с литературой, демонстрирует этапы формирования повествовательной стратегии сторителлинга.

Так, сближение коммерческой и социально значимой медийной деятельности, которые сегодня являются наиболее популярными направлениями использования сторителлинга, можно усмотреть еще в XVIII веке, когда самые известные писатели (Сумароков, Фонвизин, Крылов, Карамзин) начинают издавать профессиональные журналы, в

которых продвигались жанры фельетона и сатирического очерка, основанные на реальных событиях и выражавших размышления о будущем России.

Выводы

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что технология сторителлинга складывалась в течение нескольких веков и стала итогом творческих поисков литераторов и журналистов. От первой она взяла базовые принципы составления сюжета и композиционного построения произведения. От нарративной журналистики – отклик на социальные проблемы, кинематографичность, стремление к визуализации информации, к ослаблению функции автора, уступающего место более яркой фигуре главного героя, с которым массовый читатель ассоциировал самого себя.

Сторителлинг – технология, которая принципиально лишена личностного начала, создается по навязанным шаблонам и готовым рецептам. Если мы посмотрим на публикации, к примеру, в гляцевых журналах, таких как «Vogue», «Voice», «Psychology», «Караван историй», «Биография» и подобные им клоны, или тексты, появляющиеся на различных интернет-площадках, то увидим, что они практически неотличимы.

В них нет авторской индивидуальности, она прячется за судьбой героя, изложенной по сюжетным стереотипам. Отсутствие индивидуальности находит отражение и в стандартизированном, упрощенном языке. Если литературное произведение большого автора обладает неповторимым стилем, его можно узнать по первым строчкам, то текст «вовлекающих историй» стерт, унифицирован. Категория стиля заведомо отсутствует.

Сторителлинг становится одной из форм самопроявления и самореализации. Главным инструментом сторителлинга является текст как таковой. В этом он истинный феномен постмодернизма, который, отказавшись от понятия реальности, провозгласил реальность как текст, предполагающий свободу интерпретаций.

Долгое время под «рассказыванием историй» понималось создание только вербального (письменного или устного) нарратива. До появления Интернета сторителлингом можно было считать повествовательный иллюстрированный текст или телевизионную программу. В условиях информационного общества, с распространением глобальной сети обязательным условием стало использование разнообразных цифровых инструментов. Технология сторителлинга рассматривает текст, фотографии, видеоматериалы, аудиодорожки и компьютерную графику в качестве равноправных приемов, имея целью создание коммуникативной ситуации и вовлечение аудитории в коммуникативный акт.

Таким образом, сторителлинг является мощным инструментом для создания эмоциональной привязанности к бренду. Истории помогают брендам привлечь внимание, вызвать эмоциональную реакцию и ненавязчиво убедить потребителей в ценности продукта или услуги. Практическое использование сторителлинга требует аутентичности, оригинальности и соответствия ценностям аудитории. Создание собственных историй становится важным элементом современной маркетинговой стратегии брендов.

Список источников

1. Белый Андрей «Вишневый сад» // Вesy. 1904. № 2. С. 45 – 48.
2. Боева Г.Н. Классика и / или сторителлинг // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: XIII Всероссийская научно-практическая конференция, 5 апреля 2019 г. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 61 – 64.
3. Выровцева Е. «Журналистика как литература». Дискуссия после дискуссии // Журналист. 2019. 29 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://jrnlist.ru/discussion>
4. Готтшалл Дж. Как сторителлинг сделал нас людьми: пер. с англ. Н. Кряжиной. М.: КоЛибри, 2020. С. 247 – 267.
5. Ламонт Э. Птица за птицей: заметки о писательстве и жизни в целом: пер. с англ. М. Сухотиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 250 с.
6. Макки Р. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только: пер. с англ. Е. Виноградова. М.: Альпина нон-фикшн, 2008. С. 9 – 17.
7. Мережковский Д. С. Чехов и Горький. СПб.: Мультимедийное изд-во Стрельбицкого, 2022. 66 с.
8. Мотылев Л. Курт Воннегут, пародия на литературный семинар [Электронный ресурс] // Esquire. URL: <https://esquire.ru/archive/4794-kurt-vonnegut1/#part0>.
9. Саморукова И.В. Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения // Вестник Самарского госуд. университета. Гуманит. вып. 2002. № 1 (23). С. 76 – 82.
10. Симмонс А. Сторителлинг. Как использовать силу историй: пер. с англ. А. Анваера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 38 – 40.

11. Цветкова О.Л. Сторителлинг как инструмент бренд-коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 66 – 74.
12. G. Freytag. Die Technik des Dramas . Leipzig, 1890. P. 170 – 184.

References

1. Andrey Bely "The Cherry Orchard". Libra. 1904. No. 2. P. 45 – 48.
2. Boeva G.N. Classics and. or storytelling. Electronic mass media: yesterday, today, tomorrow: XIII All-Russian scientific and practical conference, April 5, 2019. St. Petersburg: SPbGUP, 2019. P. 61 – 64.
3. Vyrovtsseva E. "Journalism as literature". Discussion after the discussion. Journalist. 2019. November 29 [Electronic resource]. URL: <https://jrnlst.ru/discussion>
4. Gottschall J. How storytelling made us human: trans. from English by N. Kryakina. M.: KoLibri, 2020. Pp. 247 – 267.
5. Lamotte E. Bird by Bird: Notes on Writing and Life in General: trans. from English by M. Sukhotina. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 250 p.
6. McKee R. The Million Dollar Story: A Master Class for Screenwriters, Writers, and More: trans. from English by E. Vinogradova. M.: Alpina Non-Fiction, 2008. P. 9 – 17.
7. Merezhevsky D. S. Chekhov and Gorky. SPb.: Strelbitsky Multimedia Publishing House, 2022. 66 p.
8. Motylev L. Kurt Vonnegut, a Parody of a Literary Seminar [Electronic resource]. Esquire. URL: <https://esquire.ru/archive/4794-kurt-vonnegut1/#part0>.
9. Samorukova I.V. Title as an index of the discursive strategy of a work. Bulletin of the Samara State University. Humanitarian issue. 2002. No. 1 (23). P. 76 – 82.
10. Simmons A. Storytelling. How to use the power of stories: trans. from English by A. Anvaer. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. P. 38 – 40.
11. Tsvetkova O.L. Storytelling as a brand communication tool. Upper Volga Philological Bulletin. 2021. No. 4 (27). P. 66 – 74.
12. G. Freytag. Die Technik des Dramas . Leipzig, 1890. P. 170 – 184.

Информация об авторе

Никонов Я.А., Московский финансово-промышленный университет Синергия, nikonovaal@yandex.ru

© Никонов Я.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161

Организация обучения иностранных студентов социально-культурной адаптации в России

¹ Терских Т.Ф.,

¹ Байкальский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается организация необходимого минимума информации для адаптации иностранных учащихся в России. Прежде всего это создание комфортной социокультурной дидактической среды. В статье описывается также использование активных методов обучения: использование современных активных методов обучения помогают академической и социокультурной адаптации. Немаловажную роль играет в адаптации формирование межнациональных учебных групп, использование учебных пособий, адаптированных к уровню владения иностранными студентами русским языком. Для неуспевающих студентов обычно организуются дополнительные занятия по наиболее трудноусваиваемым дисциплинам. И, конечно, главную роль играет организация досуга иностранных студентов. Это могут быть различные мероприятия: вечера знакомств, дискотеки, концертные программы, олимпиады, спортивные состязания, которые делают жизнь студента разнообразной, насыщенной, интересной. Качественный образовательный процесс может возникнуть только путем межличностного общения преподавателя и студента.

Ключевые слова: иностранный учащийся, адаптация, культура, история России, нормы поведения, социальный контакт

Для цитирования: Терских Т.Ф. Организация обучения иностранных студентов социально-культурной адаптации в России // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 11 – 14.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Organization of training for international students of socio-cultural adaptation in Russia

¹ Terskikh T.F.,

¹ Baikal State University

Abstract: the article discusses the organization of the necessary minimum information for the adaptation of foreign students in Russia. First of all, it is the creation of a comfortable socio-cultural didactic environment. The article also describes the use of active teaching methods: the use of modern active teaching methods helps academic and socio-cultural adaptation. The formation of interethnic study groups and the use of textbooks adapted to the level of proficiency of foreign students in the Russian language play an important role in adaptation. For underachieving students, additional classes are usually organized in the most difficult subjects to learn. And, of course, the main role is played by the organization of leisure activities for international students. These can be various events: dating evenings, discos, concert programs, Olympiads, sports competitions that make a student's life diverse, intense, and interesting.

Keywords: foreign student, adaptation, culture, Russian history, norms of behavior, social contact

For citation: Terskikh T.F. Organization of training for international students of socio-cultural adaptation in Russia. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 11 – 14.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Необходимо признать, что иностранным учащимся недостаточно получение только профессиональных знаний по предмету, значимым элементом для них являются и социальные контакты в обществе. Многие лингвисты писали о социально-культурной адаптации иностранных учащихся в России, ими были определены виды адаптации иностранных студентов к российской действительности: «учебно-трудова, социально-познавательная и адаптация в области общения друг с другом» [4].

В работе нами были рассмотрены цель и задачи адаптации иностранных студентов в России. Были отобраны пособия, по которым возможно проводить обучение адаптации, а также рассмотрены основные темы, необходимые для развития адаптивных свойств иностранца в России.

Материалы и методы исследований

Основная задача курса «Социально-культурная адаптация в России» – обеспечить обучаемых страноведческими знаниями в области культуры, истории, социальной организации в России, особенностях повседневного уклада жизни русских и дать представление о правах и обязанностях человека в Российской Федерации (в том числе права и обязанности иностранца, проживающего в России), а также познакомить обучаемых с Основным законом нашей страны – Конституцией Российской Федерации.

Цель курса «Социально-культурная адаптация иностранцев в России» – «преодоление иностранными гражданами социальной изоляции, установление ими социальных отношений, способствующих бесконфликтному проживанию в российском обществе, а также обеспечение государственной и общественной безопасности» [9].

Результаты и обсуждения

Попутно при изучении курса ставятся задачи овладения навыками и умениями русского языка в пределах изучаемой темы. Например, при изучении культурных особенностей страны, происходит знакомство не только с традициями и обычаями народа, но и с культурой поведения в определенной ситуации, то есть с речевым этикетом, который предполагает овладение навыками и умениями свободно начинать и заканчивать разговор, уметь поддерживать беседу, усваивая принятые в российском обществе правила и нормы поведения. Также важно обучение иностранных учащихся взаимодействию с органами государственной власти, со служащими банка, с администрацией уни-

верситета, общежития, с работниками медицинских учреждений, а также получить доступ и пользоваться государственными услугами в различных сферах деятельности (социальной, миграционной, информационной).

И.А. Орехова считала основной задачей преподавателя «методическое осмысление, отбор, адаптация и использование лингвокультурных реалий языковой среды» [6, с. 388].

Необходимо проводить сопоставление с конкретной культурой адресата в национальном варианте, которая позволяет выделить актуальные именно для данной аудитории единицы, например, страноведческой информации. Например, в список культурно детерминированных слов, ориентированном на китайских учащихся, особенно приехавших из северных провинций Китая, не стоит включать такие слова, как тайга, медведь, степь, сани, так как они являются неактуальными для китайской аудитории с точки зрения наличия в семантике данных слов национально-культурного компонента. Но для иностранных учащихся из развивающихся стран данные слова будут яркими носителями русской национальной культуры, так как отражают в своем содержании специфику природных условий России.

Известно, что межкультурное общение невозможно без знания когнитивной базы того лингвокультурного сообщества, на языке которого ведётся общение, например, в теме «Русское жилище: история и современность» встречается большое количество слов-наименований нового и старого быта, такие слова могут быть включены в группу детерминированной лексики как яркие носители русской национальной культуры в сопоставлении с китайской. Здесь же может быть использована диалектная фразеология Байкальского региона, которая подчеркивает этнические особенности людей, населяющих Прибайкалье. Соответственно, данный круг лексики требует и другой системы работы, начиная от способов семантизации вплоть до системы упражнений.

При сопоставлении семантики слов русского и китайского языков в каждом слове можно обнаружить национально-культурный компонент: в ядре лексического значения, например, монархия, республика, федерация; или на периферии структуры лексического значения слова, в его лексическом фоне, например, хлеб, национально-культурные семы данного слова: батон, каравай, лаваш, калач, лепешка, кусок хлеба, ломоть хлеба и др.; чай, национально-культурные семы лексического фона

данного слова: индийский, краснодарский, цейлонский, китайский, липовый чай, чай с чабрецом, чай с мятой, крепкий чай, сладкий чай и др. [3, с. 133-138].

Но, кроме активных методов обучения, использования учебных пособий, адаптированных к уровню владения иностранными студентами русским языком, вуз учитывает национально-психологические особенности каждого студента, использует их прошлый этносоциальный опыт. Также обеспечиваются комфортные условия для снятия психофизических трудностей первого этапа адаптации: консультации психолога, медицинское обслуживание, организация быта и досуга. Не менее важна организация дополнительных занятий по наиболее трудноусваиваемым дисциплинам.

Особое внимание уделяется организации досуга иностранных студентов. В Байкальском государственном университете этот фактор считается одним из наиболее значимых для вовлечения иностранных студентов в социально-культурную жизнь университета и города. Так, для первокурсников обязательно организовывается «День первокурсника», в течение года студенты участвуют в олимпиадах, научных конференциях, КВН, студентам предлагается участие в спортивных и творческих секциях, обязательно к каждому празднику проводятся концерты, организованные самими учащимися. Обязательными мероприятиями для социально-культурной адаптации считаются экскурсии по городу и в музеи.

В системе социокультурной адаптации участвуют разные представители университета: кураторы, студенческая группа, администрация университета, службы помощи в адаптации, заведующие общежитиями и, конечно, преподаватели.

Выводы

А.И. Сурыгин выделил «принцип адаптации и культурологический принцип в качестве дополнительных методических принципов наряду с прин-

ципом единого языкового поля (единого языкового режима)» [10]. Так, при семантизации лексического материала по теме «Город Иркутск» можно запланировать учебную экскурсию по городу с посещением каких-либо музеев, например, Музея природы, где представлены животные, проживающие в ареале данной территории. Также можно посетить Краеведческий музей, Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, Музей городского быта, где также работает экспозиция «Музей чая», рассказывающая о торговле чаем в Иркутске и русских традициях чаепития. Самой лучшей экскурсией будет поездка в Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» – музей под открытым небом, где можно увидеть жилища местных коренных народов Прибайкалья – бурят, эвенков, тофов и первопроходцев – русских казаков, основавших первые остроги в этой местности.

В процессе обучения иностранных учащихся нами были использованы следующие учебные пособия: «Социально-культурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения и проживания в России», авторы

А.Д. Гладуш, Г.Н. Трофимова, В.М. Филиппов (2008), «Учимся жить в России», авторы О.Н. Каленкова, Е.А. Омельченко, Т.Л. Феоктистова, Т.А. Шорина (2013).

Таким образом, организация обучения иностранных студентов с учётом социально-культурной адаптации требует учитывать «вербальные и невербальные уровни обмена информацией, процесс отождествления «я» со всеми, то есть социализация личности» [6, с. 226-235], развитие уровня коммуникативности и эмоциональности личности.

Знание понятий межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, психологии, социологии и массовой коммуникации позволит эффективно и грамотно организовать социально-культурную адаптацию иностранных студентов.

Список источников

1. Александрова Ю.Д. Диалектная фразеология Байкальского региона в этнолингвистическом аспекте // Global and Regional Research. 2022 Т. 4. № 3. С. 211 – 216.
2. Гладуш А.Д., Трофимова Г.Н. Социально-культурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения в России // Высшее образование сегодня. 2008. № 12. С. 30 – 35.
3. Дрегваль А.А., Стожко Н.Ю. Оценка антиоксидантных свойств чайных напитков. Global and Regional Research // Стожко. 2024. Т. 6. № 4. С. 133 – 138.
4. Иванова М. А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России. https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1744295751&tld=ru&lang=ru&name=Ivanova_M_A_2001.pdf&text=3 (дата обращения: 09.03.25)
5. Каленкова О.Н., Омельченко Е.А., Феоктистова Т.Л., Шорина Т.А. Учимся жить в России. Москва: ГАОУ ВПО МИОО Этносфера, 2013. 205 с.

6. Натура Д.А., Петров В.И., Пилюгина Т.В. Психолого-педагогическое взаимодействие и его социальное значение в формировании эмпатии педагога в отношении обучающегося // *Baikal Research Journal*. 2024. Т. 15. № 1. С. 226 – 235. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-vzaimodeystvie-i-ego-sotsialnoe-znachenie-v-formirovanii-empatii-pedagoga-v-otnoshenii-obuchayuschegosya/viewer> (дата обращения: 08.03.25)
7. Павлова С.А., Уварова Н.Н. Проблема коммуникации студентов в межличностном общении // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 6 (73). С. 305 – 306.
8. Орехова И.А. Обучающий потенциал русской среды в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся. Москва, 1997. С. 388.
9. Рекомендации по повышению эффективности реализации субъектами Российской Федерации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан. <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1744300793&tld=ru&lang=ru&name=info-15-44-24-10-2024>. (дата обращения: 12.03.25)
10. Сурыгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. Златоуст. 2000. <https://www.livelib.ru/author/370725/series-a-i-surygin> (дата обращения: 08.03.25)

References

1. Aleksandrova Yu.D. Dialectal phraseology of the Baikal region in the ethnolinguistic aspect. *Global and Regional Research*. 2022 Vol. 4. No. 3. P. 211 – 216.
2. Gladush A.D., Trofimova G.N. Socio-cultural adaptation of foreign citizens to the conditions of study in Russia. *Higher education today*. 2008. No. 12. P. 30 – 35.
3. Dregval A.A., Stozhko N.Yu. Assessment of antioxidant properties of tea drinks. *Global and Regional Research*. Stozhko. 2024. Vol. 6. No. 4. P. 133 – 138.
4. Ivanova M.A. Socio-psychological adaptation of foreign students to higher education in Russia. https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1744295751&tld=ru&lang=ru&name=Ivanova_M_A_2001.pdf&text=3 (date accessed: 09.03.25)
5. Kalenkova O.N., Omelchenko E.A., Feoktistova T.L., Shorina T.A. *Learning to live in Russia*. Moscow: GAOU VPO MIOO Ethnosfera, 2013. 205 p.
6. Natura D.A., Petrov V.I., Pilyugina T.V. Psychological and pedagogical interaction and its social significance in the formation of teacher empathy towards students. *Baikal Research Journal*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 226 – 235. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-vzaimodeystvie-i-ego-sotsialnoe-znachenie-v-formirovanii-empatii-pedagoga-v-otnoshenii-obuchayuschegosya/viewer> (date of access: 08.03.25)
7. Pavlova S.A., Uvarova N.N. The problem of students' communication in interpersonal communication. *The world of science, culture, education*. 2018. No. 6 (73). P. 305 – 306.
8. Orekhova I.A. The educational potential of the Russian environment in the formation of linguacultural competence of foreign students. Moscow, 1997. P. 388.
9. Recommendations for improving the efficiency of implementation of state policy in the sphere of social and cultural adaptation of foreign citizens by the subjects of the Russian Federation. <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1744300793&tld=ru&lang=ru&name=info-15-44-24-10-2024>. (date of access: 12.03.25)
10. Surygin A.I. *Fundamentals of the theory of teaching in a language not native to students*. Zlatoust. 2000. <https://www.livelib.ru/author/370725/series-a-i-surygin> (date of access: 08.03.25)

Информация об авторе

Терских Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет

© Терских Т.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

Мотив идейного безумия в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»

¹ Муртазалиева Е.А., ¹ Нурмагомедова Р.О.,
¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу феномена «идейного безумия» в повести М. Булгакова «Роковые яйца» как ключевой метафоры опасности научного фанатизма и технократической утопии. В центре исследования – трагические судьбы профессора Персикова и Александра Рокка, чья одержимость знанием и властью над природой приводит к апокалиптической катастрофе. Через анализ символики красного луча, зооморфных образов и библейских иллюзий демонстрируется, что безумие героев – не психическая аномалия, а следствие разрыва между научным прогрессом и духовной ответственностью. Статья доказывает, что гибель Персикова – не просто расплата за личные ошибки, а притча о том, что технократия, отвергающая гуманизм ведёт к самоуничтожению.

Работа подчёркивает актуальность булгаковского предупреждения: любое открытие, лишённое нравственных ориентиров, несёт в себе семя апокалипсиса.

Ключевые слова: идеологическое безумие, научный фанатизм, научная этика, ответственность, М.А. Булгаков

Для цитирования: Муртазалиева Е.А., Нурмагомедова Р.О. Мотив идейного безумия в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 15 – 19.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

The motive of ideological madness in M.A. Bulgakov's novel "Fatal Eggs"

¹ Murtazalieva E.A., ¹ Nurmagomedova R.O.,
¹ Dagestan State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the phenomenon of "ideological madness" in Mikhail Bulgakov's novel "Fatal Eggs" as a key metaphor for the danger of scientific fanaticism and technocratic utopia. The study focuses on the tragic fates of Professor Persikov and Alexander Rokk, whose obsession with knowledge and power over nature leads to an apocalyptic catastrophe. Through the analysis of the symbolism of the red ray, zoomorphic images and biblical illusions, it is demonstrated that the madness of the heroes is not a mental anomaly, but a consequence of the gap between scientific progress and spiritual responsibility. The article proves that Persikov's death is not just payback for personal mistakes, but a parable that a technocracy that rejects humanism leads to self-destruction.

The work highlights the relevance of Bulgakov's warning: any discovery devoid of moral guidelines carries the seed of the apocalypse.

Keywords: ideological madness, scientific fanaticism, scientific ethics, responsibility, M.A. Bulgakov

For citation: Murtazalieva E.A., Nurmagomedova R.O. The motive of ideological madness in M.A. Bulgakov's novel "Fatal Eggs". Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 15 – 19.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

1920-е годы стали временем расцвета фантастической прозы, обогащённой сатирой и гротеском. В этот период М.А. Булгаков создаёт свои знаковые повести – «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце», где реальность переплетается с вымыслом. Однако по мнению Л.П. Рымаревой, Булгакова нельзя причислить к адептам научной фантастики. Фантастическое в его текстах – не самоцель, а «художественный приём», позволяющий гиперболизировать проблемы современности.

Немецкий исследователь Петер Ролльберг в своих работах обращает внимание на особенность советской сатиры: протест писателей против насильственного вмешательства в естественный ход развития общества и личности часто выражался через «зооморфные аллегории». В отличие от классической традиции, где животное олицетворяло гуманность, у авторов этой эпохи оно становится символом социального регресса. Что мы и наблюдаем в «Роковых яйцах»

Писатель помещает «гениальные открытия» (вроде шариковского эксперимента или «красного луча» Персикова) в узнаваемые реалии советской Москвы, создавая эффект тревожной достоверности. Таким образом, он не предсказывает будущее, а обнажает риски утопических проектов своей эпохи – будь то революционное переустройство мира или слепая вера в науку.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужила повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца». Для исследования применялись следующие методы: биографические, культурно-исторические, сравнительно-исторические, системно-структурные методы.

Результаты и обсуждения

Повесть Михаила Булгакова «Роковые яйца» (1924), написанная в жанре сатирической фантастики, остается актуальной притчей о границах научного прогресса и опасности идеологического фанатизма. В центре сюжета – гениальный профессор Владимир Персиков, открывающий таинственный «красный луч», способный ускорять развитие живых организмов. Его открытие, попав в руки невежественного бюрократа Александра Рокка, оборачивается необратимой катастрофой: вместо восстановления поголовья кур луч случайно выращивает гигантских рептилий, грозящих уничтожить страну.

Булгаков продолжает традицию романтического осмысления гениальности, но вносит в неё ироничный поворот. Профессор Персиков как герой – избранный, наделённый сакральным знанием, во-

площает архетип учёного-творца, чей интеллект граничит с одержимостью. В отличие от романтических гениев, чья исключительность возвышала их над толпой, Персиков становится жертвой собственного дара: его гениальность оборачивается разрушительной силой и хаосом.

Безумие Персикова не связано с психическим расстройством, оно проявляется в отрыве от реальности и игнорировании этических норм. Персиков добровольно заточает в себя в кабинете. Булгаков подчёркивает: «...он уже не принадлежал себе... Он принадлежал лучу» [1].

Булгаков создает образ учёного, чья исключительность становится «укором» советской действительности. Персиков с его образованностью, нестандартным мышлением и фанатичной преданностью зоологии, резко контрастирует с окружающими людьми, которые поглощены бытовой суетой. Для героя реальность обретает смысл лишь тогда, когда пересекается с наукой. Даже личная трагедия (разрыв с женой) не волнует его так, как смерть подопытной суринамской жабы. Патологическая преданность Персикова науке становится причиной его отчуждения от общества. Сторож Панкрат с тревогой наблюдает за странными ритуалами учёного (ночные бдения у микроскопа, монологи с лягушками), воспринимая их как признаки ненормальности. Слушатели лекции, восхищаясь научными открытиями Персикова, все же снисходительно именуют его «чудаком»

Булгаков, мастер гротеска и аллегории, создает многогранную метафору «идейного безумия» – слепой веры в силу науки или государственной идеологии, лишённой нравственных ориентиров. Эта тема становится ключевой для понимания повести: и профессор Персиков, погруженный в научный азарт, и Рокк, слепо следующий директивам, становятся жертвами собственного фанатизма. Их действия, мотивированные благими целями (прорыв в биологии, решение продовольственного кризиса), приводят к хаосу, обнажая абсурдность попыток «ускорить» природу или историю.

Замысел булгаковской повести «Роковые яйца» наследует ключевые мотивы гётевской трагедии «Фауст», трансформируя их в контекст научно-социальной утопии XX века. Если у Гёте «сделка с дьяволом» становится метафорой вечного стремления человека к запредельному знанию, то Булгаков заменяет мистический пакт на «сделку с наукой», обнажая риски технократического фанатизма. У Гёте Фауст, подобно Адаму, «вкушает плод» запретного знания, вступая в договор с Мефистофелем. Этот «мотив испытания» структури-

рует сюжет: герой проходит через соблазны власти, любви и славы, чтобы обрести истину.

У Булгакова «испытанию» подвергается не отдельный человек, а «человечество», допустившее тотальную деструкцию социальных и нравственных устоев. В Библии змей-искуситель становится причиной грехопадения. В «Роковых яйцах» гигантские рептилии, порождённые экспериментом Персикова, – это материализованное возмездие за попытку переиграть природу. Неслучайно Булгаков выбирает змей, а не иных существ: аллюзия на библейского Змия.

Если Фауст жаждет объять необъятное: «Я всё познать хочу, всю сущность я постигнуть жажду» [2], то Персиков, открывая «красный луч», руководствуется не духовным поиском, а одержимостью фактом. Его девиз – «Меня интересует факт, а не его последствия!» [4] – пародирует фаустовский максимализм, сводя возвышенный порыв к технократическому цинизму. Фауст у Гёте спасается через раскаяние, тогда как Персиков гибнет под ножами толпы, не успев осознать своей роли в катастрофе. Булгаков отказывает герою в праве на искупление, подчёркивая, что в эпоху массовых утопий ошибка гения становится приговором для всех. Если Фауст одинок в своём выборе, то катастрофа в «Роковых яйцах» – результат соучастия системы (Рокк), науки (Персиков) и общества (толпа, слепо верящая пропаганде).

Повесть Булгакова – предостережение: в мире, где знание стало инструментом идеологии, а гении служат системе, «сделка с дьяволом» перестаёт быть метафорой. Она превращается в реальность, где цена прогресса – апокалипсис.

М. Булгаков, вслед за Гёте, вплетает в сюжет «Роковых яиц» мотив inferнального вмешательства, однако заменяет классического Мефистофеля на фигуру советского чиновника – Александра Семёновича Рокка. Этот персонаж, чья фамилия (созвучная слову «рок») вынесена в заглавие повести, становится воплощением дьявольского начала, маскирующегося под бюрократическую рациональность. Если у Гёте дьявол действует через магию, то Рокк – через административные приказы. Как отмечает исследовательница В. Химич, тема дьявольщины в повести подкрепляется и языковыми маркерами: «Кур твоих испортили», «кур кто-то заколдовал», «Господь прогневался» [3].

Если Фауст заключает личный договор с Мефистофелем, то в «Роковых яйцах» «сделку» с тёмными силами заключает вся система – от учёного-одиночки до партийных функционеров.

Булгаковский «дьявол» не нуждается в магии – ему достаточно слепой веры в инструкции и жажды сиюминутных результатов. Рокк, как пародия

на советского «сверхчеловека», обнажает главную мысль повести: истинное зло рождается не в потусторонних безднах, а в кабинетах чиновников, где наука становится орудием роковых ошибок.

Мотив безумия в произведении «Роковые яйца» реализуется и сквозь призму средневековых христианских представлений о демонах и одержимости. Следуя за литераторами XIX столетия, автор ставит экзистенциальный вопрос: «Что есть безумие гения – благо или проклятие?» Помешанный гений, по Булгакову, перечёркивает нормы морали – его сознание, разорвав путы земных законов, парит в иных измерениях, где единственной ценностью становится жажда познания. Дар провидца, открывающего тайные истины, оборачивается трагическим раздвоением: обретая доступ к сакральному знанию, безумец-творец теряет связь с человеческим в себе.

С позиции нравственности и гуманизма Персиков предстает человеком, лишенным эмпатии и сочувствия. Смерть сторожа Власа и гибель лабораторных жаб воспринимается им одинаково «Непосредственно вслед за жабами переселился в лучший мир... » [2]. Это демонстрирует равнодушные ученого, для которого человеческая жизнь становится статистической величиной. Осознание утраты приходит к Персикову лишь через призму последствий, произошедших из-за отсутствия сторожа на работе: гибель подопытных животных от холода вызывает не к состраданию, а к досаде за нарушение экспериментальных процессов. Даже скорбь о супруге растворяется в тревоге за исчезновение красного луча.

За такое открытие в науке Персикову приходится заплатить высокую цену. Он будто обменивает свою душу на знания, которые необходимы для научного прогресса. Для Булгакова это катастрофа. Знание бездуховного человека приравнивается им к дьявольскому, а человек, который обладает подобным знанием, одержим бесами. Этот научный эксперимент превращает героя в безжалостного и бездушного монстра, животного: «Заглянул в микроскоп, радостно и как бы хищно осклабился» [1].

Чем больше Персиков сосредотачивается на красном луче, тем более мертвецоподобным он становится: «Отвалив спинку винтящегося кресла, Персиков в изнеможении курил и сквозь полосы дыма смотрел мертвыми от усталости, но довольными глазами в приоткрытую дверь камеры, где, чуть-чуть подогревая и без того душный и нечистый воздух в кабинете, тихо лежал красный сноп луча» [6].

Эксперимент с лягушкой обнажает роковую уязвимость гения: Персиков, открывший дверь в запретную зону естествознания, сам становится

заложником сил, превосходящих его рациональный контроль. Лабораторный хаос, едва не стоивший жизни Панкрату, трактуется сотрудниками института не как предостережение, а как триумф науки. Ассистент Иванов, воплощающий слепую веру в научный прогресс, продолжает славить «прозорливость» профессора.

Интересно, что параллельно с желанием Персикова сделать прорыв в науке, эволюционирует и красный луч – из безобидной «иголки» он трансформируется в «...как в аду мерцал малиновый, разбухший в стеклах луч» [10]. Булгаковская критика советского социума в «Роковых яйцах» реализуется через двойственную призму: с одной стороны, учёный-одиночка, одержимый зоологией, с другой – тоталитарная система, превращающая знание в инструмент идеологического насилия. Профессор Персиков, воплощающий концепцию «чистой науки», демонстрирует роковую аполитичность – его открытия, лишённые этической рефлексии, становятся оружием в руках власти. Однако истинный объект сатиры – не индивидуум, а система, где государственный механицизм подменяет собой гуманитарные ценности.

Государство культивирует не компетенции, но лояльность – ключевым становится не качество открытий, а их соответствие политике партии. Эксперимент с красным лучом, изначально сугубо теоретический, моментально реализуется властью в утопический проект «ускоренного строительства коммунизма», что обнажает инструментализацию науки.

Журналисты в булгаковской повести – Альфред Бронский и сотрудник «Вестника промышленности» – воплощают архетип бесов: «Это какие-то черти, а не люди» [1]. Дьявольские черты этих героев отражаются и в портретной характеристике: «...ни секунды не глядящие в глаза собеседнику агатовые глазки»; «ботинки с носами, похожими на копыта»; левая его, механическая, нога шелкала и громыхала» [1].

Копытообразные ботинки – отсылка к традиционным атрибутам нечистой силы, механическая конечность – человек, чья телесность подменяется функциональностью пропагандистского аппарата. Эти детали создают образ «бесов технократии» – существ, в которых естественное замещено идеологическим.

Их диалоги с Персиковым воспроизводят структуру демонического искушения: под видом прославления науки журналисты вытягивают из него информацию. Булгаков говорит о том, что вмешательство непрофессионалов и дилетантов в науку может обернуться страшной катастрофой. Пример – Рокк, который из-за своей преданности

партии и подучил власть, хотя он музыкант, а не учёный. Дуня говорит: «...ваши яйца дьявольские. Грех машиной выводить. Убить вас хотели» [1]. Однако Рокк проигнорировал все предостережения, за что дорого поплатился: потерял рассудок.

Эволюция безумия профессора Персикова представлена Булгаковым как цепь физиологических и психических трансформаций. Он обращает внимание на то, что в самом начале повести Булгаков пишет о подорванном здоровье Персикова: «Прошла еще неделя, причем Персиков, все более отдаляясь от затихающих куриных вопросов, всецело погрузился в изучение луча. Голова его от бессонных ночей и переутомления стала светла, как бы прозрачна и легка. Красные кольца не сходили теперь с его глаз, и почти всякую ночь Персиков ночевал в институте» [1]. Известия о катастрофе, которые произошли в стране по ошибке Рокка, окончательно разрушают психическое состояние героя. учёного: «Персиков, разноцветный, иссиня-бледный, с сумасшедшими глазами, поднялся с табуретки и, задыхаясь, начал кричать... Профессор сорвал одним взмахом галстук, оборвал пуговицы на сорочке, побагровел страшным параличным цветом и, шатаясь, с совершенно тупыми стеклянными глазами, ринулся куда-то вон. Вопль разлетелся под каменными сводами института» [2].

Выводы

Смерть профессора Персикова в финале повести – ключевой момент, завершающий тему моральной ответственности учёного. Гибель героя не случайна: она становится символом возмездия за вмешательство в законы природы и игнорирование этических принципов. Персиков погибает от руки толпы, чьё действие описывается как примитивное и жестокое:

«Низкий человек... страшным ударом палки раскроил ему голову». Этот эпизод контрастирует с интеллектуальной деятельностью профессора. Палка, орудие убийства, – антитеза «красному лучу», символу прогресса. Булгаков подчёркивает, что слепая ярость толпы – ответ на слепоту учёного, который не предвидел последствий своих открытий. Насилие здесь – метафора возмездия природы за нарушение её законов. Смерть Персикова перекликается с античными мифами о наказании за дерзость. Например, Икар – сын Дедала и рабыни Навкраты, упавший из-за приближения к солнцу, – аллюзия на учёного, чьи амбиции превысили меру или Прометей, наказанный за дар огня людям, – отсылка к передаче знания, которое обернулось разрушением.

Гибель Персикова происходит на фоне всеобщего хаоса: Москва погружается в «электриче-

скую ночь», а люди, спасаясь от змей, теряют рас-
судок. Это:

- Крах технократической утопии: наука, лишён-
ная этики и гуманизма порождает монстров.

- Символический Судный день: смерть учёного
совпадает с гибелью старого мира, где знание ста-
ло инструментом самоуничтожения. Персикиов –

«агнец» этой апокалиптического хаоса, его смерть
знаменует крах иллюзии о всемогуществе разума и че-
ловека. Любая идея, даже самая гениальная может
привести к гибели не только отдельных людей, но и
целый цивилизации, если ее целью является жаж-
да власти и наживы.

Список источников

1. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1989-1990. 580 с.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. 752 с.
3. Красавченко Т.Н. (ред.) Михаил Булгаков: Современные толкования. К 100-летию со дня рождения 1891-1991. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. 243 с.
4. Гёте И.В. Фауст. СПб., 2003. 241 с.
5. Химич В.В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург, 2003. 21 с.
6. Буковский В. Психиатрический ГУЛАГ. М., 2015. URL: <http://h-v-p.narod.ru/gulag.htm> (дата обращения: 16.03.2025)
7. Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2021. 413 с.
8. Чурячева Л.М. Реальная и фантастическое в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 6. С. 15 – 20.
9. Катаев В.П. Остров Эрендорф. М., 2025. URL: <http://modernlib.net/books/kataev> (дата обращения: 30.04.2025).
10. Палей А.Р. Гольфингрем. М., 2025. URL: <https://royallib.com/read/paley> (дата обращения: 29.03.2025)

References

1. Bulgakov M.A. Collected Works: in 5 volumes. Moscow: Fiction, 1989-1990. 580 p.
2. Bulgakov M.A. Collected Works: in 5 volumes. Moscow: Fiction, 1989. 752 p.
3. Krasavchenko T.N. (ed.) Mikhail Bulgakov: Modern Interpretations. On the 100th Anniversary of His Birth 1891-1991. Moscow: INION AN SSSR, 1991. 243 p.
4. Goethe I.V. Faust. SPb., 2003. 241 p.
5. Khimich V.V. In the World of Mikhail Bulgakov. Ekaterinburg, 2003. 21 p.
6. Bukovsky V. Psychiatric GULAG. Moscow, 2015. URL: <http://h-v-p.narod.ru/gulag.htm> (date of access: 16.03.2025)
7. Yanovskaya L. Notes on Mikhail Bulgakov. Moscow: Text, 2021. 413 p.
8. Churyacheva L.M. Real and Fantastic in M.A. Bulgakov's Story "Fatal Eggs". Bulletin of Science. 2023. Vol. 4. No. 6. P. 15 – 20.
9. Kataev V.P. Ehrendorf Island. Moscow, 2025. URL: <http://modernlib.net/books/kataev> (date of access: 30.04.2025).
10. Paley A.R. Golfingrem. M., 2025. URL: <https://royallib.com/read/paley> (date of access: 03.29.2025)

Информация об авторах

Муртазалиева Е.А., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, fiona70@mail.ru

Нурмагомедова Р.О., Дагестанский государственный университет, rabiya_tnurmagomedova_00@bk.ru

© Муртазалиева Е.А., Нурмагомедова Р.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-23

Определяющие факторы влияния на формирование новозеландского английского

¹ Иванцова Н.А., ¹ Покровская М.Д.,

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет

Аннотация: данная работа посвящена комплексному анализу новозеландского варианта английского языка как самобытной лингвистической системы, сформировавшейся под влиянием исторических, социокультурных и географических факторов. Цель работы состоит в выявлении механизмов языковой трансформации, обусловивших возникновение и эволюцию данного варианта. Для достижения поставленной цели рассматривалась роль британского английского как основы фонетических, грамматических и лексико-семантических норм. Особое внимание было уделено влиянию культуры полинезийского племени маори, придавшего уникальные черты новозеландскому варианту. Важным аспектом было изучение проникновения американизмов в разговорный вариант через средства массовой коммуникации. Помимо этого, была проанализирована роль географического фактора, а именно влияние австралийского английского на новозеландскую языковую систему.

Применение междисциплинарного подхода, объединяющего методы исторической лингвистики, социолингвистики и культурологии, позволило продемонстрировать на примере новозеландского английского, что поверхностный анализ не может обеспечить адекватное объяснение причинам возникновения тех или иных характерных для языка черт. Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в области языкознания и межкультурной коммуникации. Исследование вносит вклад в теоретическое осмысление динамики языковых изменений, подчеркивая необходимость комплексного подхода к изучению вариантов языка как отражения многовековых историко-культурных процессов.

Ключевые слова: язык, новозеландский английский, британский язык, американизмы, австралийский английский, лексика, грамматика, фонетика, формирование языка

Для цитирования: Иванцова Н.А., Покровская М.Д. Определяющие факторы влияния на формирование новозеландского английского // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 20 – 26.

Поступила в редакцию: 6 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Determining factors influencing the formation of New Zealand English

¹ Ivantsova N.A., ¹ Pokrovskaya M.D.,

¹ Irkutsk National Research Technical University

Abstract: this work is devoted to a comprehensive analysis of the New Zealand version of the English language as an original linguistic system formed under the influence of historical, socio-cultural and geographical factors. The purpose of the work is to identify the mechanisms of linguistic transformation that led to the emergence and evolution of this variant. To achieve this goal, the role of British English as the basis of phonetic, grammatical, and lexico-semantic norms was considered. Particular attention was paid to the influence of the culture of the Polynesian Maori tribe, which gave unique features to the New Zealand version. An important aspect was the study of the penetration of Americanisms into the spoken version through mass communication. In addition, the role of the geographical factor was analyzed, namely the influence of Australian English on the New Zealand language system.

The using of an interdisciplinary approach combining the methods of historical linguistics, sociolinguistics and cultural studies has made it possible to demonstrate, using the example of New Zealand English, that a superficial analysis cannot provide an adequate explanation of the causes of certain features characteristic of the language. The practical significance of the work lies in the possibility of applying its results in the field of linguistics and intercultural communication. The study contributes to the theoretical understanding of the dynamics of linguistic changes, emphasizing the need for an integrated approach to the study of language variants as a reflection of centuries-old historical and cultural processes.

Keywords: language, New Zealand English, the British language, Americanisms, Australian English, vocabulary, grammar, phonetics, language formation

For citation: Ivantsova N.A., Pokrovskaya M.D. Determining factors influencing the formation of New Zealand English. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 20 – 26.

The article was submitted: April 6, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

С древнейших времен язык выступает не только средством коммуникации, но и, являясь культурным наследием, отражает идентичность государства. В силу многомерности его формирование и развитие можно охарактеризовать как один из наиболее динамичных и трудно поддающихся системному анализу процессов. Учитывая данную особенность, изучение генезиса языковых систем представляет собой сложную междисциплинарную проблему, затрагивающую главным образом роль таких факторов, как исторический, социокультурный и географический.

История формирования национальных вариантов английского языка наглядно демонстрирует, что ни один лингвистический стандарт не существует в изоляции – он всегда развивается в условиях постоянного взаимодействия с другими языковыми системами. Результатом становится уникальный вариант языка, сохраняющий тесную связь с оригиналом и приобретающий свои отличительные черты [1]. Наиболее показательным примером этого процесса служит новозеландский английский, сочетающий в себе наследие языка первых поселенцев, влияние британской колониальной эпохи, медиа-глобализации и особенностей островной географии.

Цель исследования: выявление лексических, грамматических и фонетических уникальных черт новозеландского варианта английского языка на основе анализа механизмов языковой трансформации, обусловивших формирование языка.

Материалы и методы исследований

Первоначально сформировавшийся на Британских островах, английский язык в процессе многовекового развития претерпел множество изменений, распространившись далеко за пределы Европы и приобретя статус глобального средства коммуникации. Столкнувшись с новыми социальными и географическими условиями на территории

бывших колоний Британской империи, английский язык постепенно трансформировался в самобытные национальные варианты. Так, среди государств с англоязычным наследием особого внимания заслуживает Новая Зеландия, которая, несмотря на свою географическую удаленность от мировых центров, имеет один из самых интересных видов английского языка.

Чтобы в полной мере проанализировать особенности процесса формирования новозеландского английского, необходимо обратиться к историческому пути, пройденному страной, который во многом определило ее географическое положение. Новая Зеландия, находящаяся в полинезийской части Океании к юго-востоку от Австралии, является одним из самых изолированных государств в мире. По состоянию на март 2025 года, население страны составляет порядка 5,5 млн человек (при площади около 270 тыс. км²), включая 20% потомков коренных жителей, внесших первоначальный вклад в формирование государственного языка.

Результаты и обсуждения

История освоения архипелага берет свое начало с XIV века, когда жители островов Восточной Полинезии, предки народа маори, впервые достигли этих территорий. Благоприятные условия позволили им основать постоянные поселения, что привело к формированию самобытной культуры и языковой обособленности от других полинезийских народов. Их мировоззрение и образ жизни были тесно переплетены с двумя стихиями – землей и водой, что нашло свое отражение в названиях островов: *Те Ика-а-Мауи* («рыба Мауи») для Северного и *Те Ваи Поунаму* («нефритовая вода»), а также *Те Вака-а-Мауи* («лодка, принадлежащая Мауи») для Южного. Эти названия отражают сюжет древнего мифа, согласно которому полубог Мауи поймал в океанских водах большую рыбу, которая стала островом.

Европейский этап освоения Новой Зеландии начался в 1642 году, когда берегов государства достигла экспедиция голландского мореплавателя Абея Тасмана, ошибочно предположившего, что архипелаг является частью острова у Огненной Земли, и присвоившего ему название «*Staten Landt*» в честь Генеральных штатов Нидерландов. Последующие географические исследования доказали автономный статус этих земель, что побудило голландских картографов переименовать их в «*Nova Zeelandia*» («*New Sea-land*» – «Новая Морская Земля»). Позднее британский мореплаватель Джеймс Кук, составивший первую карту островов, в своих записях использовал англоязычное название земель «*New Zealand*», закрепив его официально.

В 1840 году подписание Договора Вайтанги между вождями маори и представителями Британской империи присвоило стране статус британской колонии, а последовавшие за этим земельные конфликты переросли в Новозеландские войны, завершившиеся переходом земель к европейцам. Полный суверенитет Новая Зеландия обрела в 1947 году в рамках Вестминстерского статута, сохраняя по сей день систему конституционной монархии и являясь частью Содружества наций, возглавляемого Великобританией. Особый интерес представляет процесс формирования официальных названий, закрепленных за островами Новой Зеландии («Северный» и «Южный»): несмотря на повсеместное использование, их официальный статус был утвержден только в 2013 году наравне с маорийскими эквивалентами, что стало продолжением политики билингвизма, в рамках которой официальными государственными языками были признаны английский и язык маори.

Долгое время как в Новой Зеландии, так и за рубежом подвергалось сомнению существование самостоятельного новозеландского варианта английского языка. С развитием научного подхода к данному вопросу в 1912 году английский писатель Фрэнк Артур Суиннертон выделил новозеландский английский как отдельный вариант, что послужило началом работы над кодификацией и стандартизацией языковых особенностей государства. Позже лингвист Джек Беннет представил статью «*English as it is spoken in New Zealand*» («Английский, как на нем говорят в Новой Зеландии»), где выделил уникальные черты новозеландского английского, а в 1997 году Издательство Оксфордского университета выпустило словарь, посвященный новозеландской лексике – «*Dictionary of New Zealand English*» [2].

Историческое развитие архипелага демонстрирует формирование местного варианта английско-

го под влиянием четырех факторов: при взаимодействии британской основы с австралийским вариантом и активном проникновением американизмов существует необходимость в сохранении культурного наследия языка маори, что и определяет уникальные фонетические, лексические и грамматические черты новозеландского английского.

Для комплексного анализа влияния каждой из упомянутых лингво-культурных систем целесообразно детальное рассмотрение их ключевых составляющих. Наиболее значимое историко-культурное воздействие, безусловно, оказал язык маори, правовой статус которого был определен в 1987 году «Законом о языке маори», что закрепило официальное право на его использование в государственных учреждениях, судах и интегрировало его языковые элементы в различные сферы жизни новозеландского общества. В образовательных учреждениях стали изучаться история, язык и традиционные ремесла народа, например, изготовление талисманов в рамках курсов по обработке твердых материалов (в том числе и священного амулета «*tiki*», символизирующего плодородие) [3], что способствовало формированию у молодого поколения глубокого уважения к языку и традициям древнего племени.

Культурно-языковое взаимодействие находит свое отражение в топонимике, где многие географические объекты имеют свои аналоги на языке маори. Наиболее ярким примером служит официальное название страны: наряду с традиционным *New Zealand* используется маорийское *Aoteroa* («Земля длинного белого облака»). Эта особенность прослеживается и в других топонимах: например, название населенного пункта *Otago* на Южном острове происходит от маорийского *Otākou* («одна деревня» или «место с красной землей»); небольшой остров *Литтл-Барриер* в заливе Хаураки именуется *Hauturu* («место отдыха ветров»), а один из крупнейших городов страны имеет два названия – *Auckland* (Окленд) и маорийское *Akarana*, что является транслитерацией европейского наименования [4]. Некоторые топонимы связаны и с историческими преданиями: согласно маорийской легенде, город *Вакатане* (*Whakatāne*) получил свое название, когда дочь вождя переселенцев, нарушив один из запретов и спасая других женщин, воскликнула: «*Kia whakatāne au i ahau*» («Я поступлю как мужчина»). Также примечательно, что название одного из холмов Новой Зеландии удостоилось места в Книге рекордов Гиннеса, как одно из самых длинных, описывающее восхождение к вершине человека по имени Тама-ти.

С точки зрения лексики, новозеландский английский характеризуется множеством заимствований из языка маори. Например, в повседневной жизни можно услышать такие фразы, как *Haere Mai* – «Добро пожаловать!» или «*Kia Ora*» – традиционное маорийское неформальное приветствие. Слово *kiwi* впервые было использовано в отношении национального символа страны – нелетающей птицы, а позже лексема стала выражением для обозначения жителей государства и распространенного фрукта. Такой процесс языковой адаптации закрепился за термином *kiwiana*, ставшим отражением национальных и культурных особенностей Новой Зеландии. Параллельно в языковой практике стали использовать термин *rakeha* – «человек с белой кожей», а под влиянием лексики, связанной с водной стихией, появились такие слова, как *qua* (произносимое как «*key*» и обозначающее «пирс», «причал»), *waka* («традиционное маорийское каноэ») и *jandals* («резиновые шлепки»), а также многие другие, вошедшие в повседневный обиход [5].

На грамматическом уровне влияние языка маори проявляется в вариативности оформления заимствованных лексем, которые можно писать как с макронами – специальными знаками в виде горизонтальной черты над буквой, так и без них. Например, оба варианта написания «*Maori*» и «*Māori*» являются допустимыми. Следует отметить, что с усилением правового статуса языка маори наблюдается тенденция к стандартизации написания слов именно с использованием макрон.

Фонетическая система новозеландского английского также подверглась трансформации, что наиболее ярко отразилось на монофтонгизации дифтонгов. Эта особенность проявляется в слиянии гласных звуков, например [iə] и [eə], как в словах *near* и *square*. Плавные слоговые переходы, равномерное ударение и ритмическая организация речи привели также к формированию уникальных просодических особенностей, унаследованных от языка маори, результатом чего стала своеобразная «убаюкивающая» интонация с «певучими» модуляциями у жителей островов.

Особое место в языковой культуре занимают новозеландские лексические субстандарты (новозеландизмы), представляющие собой уникальные лексические единицы, сформировавшиеся под влиянием образа жизни коренного населения. Они охватывают сложные узкоспециализированные категории лексики, нередко коррелирующие с определенным цветонаименованием. Номинации, связанные с животным и растительным миром, ассоциируются с белым, зеленым, красным, синим

и черным цветами, эмоциональные состояния выражаются преимущественно через красный и синий цвета, а расово-этническая проблематика – через белый, красный и коричневый. В соответствии с этим, миграцию детей европейского происхождения из школ, в которых учатся в основном дети маори, обозначают термином «*white flight*»; название «*greenbone*» закреплено за рифовой рыбой; состояние замешательства или смущения передается фразеологизмом «*red as a beetroot*»; конфликтную ситуацию принято описывать словом «*blueing*», а указание на древность какого-либо объекта выражается сравнением «*as black as the inside of a Solomon Islander*» [6].

Однако, хотя язык маори и сыграл важную роль в формировании культурно-языкового ландшафта новозеландского английского, его влияние на структуру языка оказалось скорее дополняющим, чем определяющим. Лексическое ядро, грамматические нормы и фонетическая система образовались под воздействием именно британского английского, принесенного волнами переселенцев в XIX веке.

В период колонизации до середины XX века связь жителей Новой Зеландии с Великобританией оставалась настолько сильной, что выражение «*to go home*» приобрело для них смысл «*вернуться на родину в Британию*», а британский произносительный стандарт стал эталоном образованности, на что заметное влияние оказали лексические и фонетические особенности языка юга Англии и шотландского английского. Лингвокультурная преэминентность отразилась и в системе географических названий страны: города *Веллингтон*, *Нью-Плимут*, *Нельсон*, *Отаго* и *Кантерберри* стали символами исторической связи между метрополией и бывшей колонией, сохраняя память о британском культурном наследии.

На лексико-грамматическом уровне сохранилось использование омофонов по типу *program* («компьютерная программа») и *programme* («телепередача», «расписание»), *disk* («устройство хранения данных») и *disc* («круглый предмет»). Несмотря на официальный переход Новой Зеландии в 1970-х годах на метрическую систему, в разговорной речи можно наблюдать гиперболизированные конструкции со словами *ton/tons*, характерными для британского английского: «*I have tons of friend*» («У меня куча друзей») и «*I feel tons better*» («Я чувствую себя намного лучше»).

Орфографическая система также ориентирована на нормы британского английского, что проявляется в написании двойной согласной L (*canceling* и *travelled*); окончания -RE вместо упрощенного -ER (*centre*, *theatre*), диграфа -OU- вместо -O-

(*colour, behaviour*), а также суффикса -CE вместо -SE (*defence, licence*). В словах *organise, surprise* допустимо любое из написаний -ISE или -IZE, но первый вариант уже несколько десятилетий имеет преимущество [7, 8]. С 1970-х годов, следуя британской традиции, новозеландский вариант сохраняет особенность написания сокращений «Dr», «Mr» без точки, а с появлением текстовых редакторов с проверкой орфографии в университетах Новой Зеландии допускается использование либо строго британского, либо американского варианта правописания.

Ключевое отличие новозеландского английского языка от британского заключается в ряде характерных фонетических особенностей. Так, наблюдается тенденция к редукции гласных в неударных позициях, где звук [i] часто переходит в нейтральный [ə], например, как в словах *thin, thick* или имени *Alice*, которое в Британии произносится как [ˈælis], а по новозеландским нормам – как [æləs]. Наблюдается модификация гласных [i] и [ə], находящихся в слабой позиции, что заметно в словах по типу *history*, традиционно произносимого как [histri], также *Zealand* произносится с явным усечением второй гласной: не [ˈzɪlənd], а [zɪlnd] [7].

Одной из наиболее выраженных особенностей произношения является нечеткая артикуляция и чрезмерное удлинение или сокращение отдельных гласных звуков, например, в последнем неударном слоге краткого звука [i] как в словах *city* [ˈsɪti:], *likely* [ˈlaɪkli:]. Кроме того, можно выделить устойчивую тенденцию к переходу звука [e] в более закрытый [i], что повлекло за собой произношение слова *seven* как [sɪvn], а не [sevn], а *concession* как [kənˈsɪʃn], а не [kənˈseʃn]. Также присутствует слияние гласных звуков, например [eə] и [iə], в результате чего многие слова начинают рифмоваться и становятся омофонами: *here/there, bear/beer, air/ear, fair/fear*. Помимо этого, наблюдается замена дифтонга [au] на [æu], что ярко проявляется в произношении слов *cow* [kæu] и *town* [tæun] вместо типичных для британского [kau] и [taun].

Динамику взаимодействия согласных иллюстрирует процесс регрессивной ассимиляции, при которой второй из смежных звуков уподобляет себе первый, в результате чего происходит произношение «с шумом» как в слове *dream*: [dri:m] – британский вариант, [dʒri:m] – новозеландский [9]. Также согласный [t], находясь между гласными, может озвончаться как в слове *water*, которое становится похожим на «wader». Кроме того, нивелируется фонетическое различие между звуком [w], как в слове *witch*, и [wh], как в слове *which*, в результате чего они звучат одинаково.

Британский английский оказал решающее влияние на формирование лексики новозеландского варианта, существенно превзойдя в этом отношении язык маори. Однако фонетические особенности других культур придали языку выраженные черты, которые и оформили его в самостоятельный, отличающийся от других вариант.

С укреплением позиций США на мировой арене в середине XX века американская культура оказала заметное влияние на глобальное языковое пространство, в том числе и на Новую Зеландию. Через средства массовой информации, искусство, а позже – сеть «Интернет» в языковую систему стали проникать американизмы. Значительная часть заимствований приобрела интернациональный характер: в результате процесса языковой трансформации американское *bobby pin* в значении «заколка для волос» вытеснило британское *hair pin*; «грузовик» стал *truck* вместо *lorry*; «баклажаны» – *eggplant* вместо *aubergine*, а для «картофельных чипсов» на смену *potato chip* пришло *potato crisp*.

Интеграция американизмов в новозеландскую языковую среду оказала большое влияние на трансформации разговорного регистра. Слова *the boonies* и *bucks* стали использоваться для обозначения новозеландских долларов; глагол *figure* – в значении «рассуждать», «анализировать»; междометное обращение *man* – как эквивалент понятия «друг» или «брат»; эмоциональное состояние пресыщения стало выражаться фразой «*to be over*», а незначительный конфликт или разногласие – существительным *spat*. Также укоренились некоторые американские профессионализмы, например, существительное *rig* со значением «большой грузовик» и словосочетание «*sheltered workshop*», обозначающее рабочее место для лиц с ограниченными возможностями.

В грамматике новозеландского английского отмечается использование причастия прошедшего времени глагола *get* в том числе и по американской модели, например, «*I've gotten a new car*», в отличие от строго британского варианта с *got*: «*I've got a new car*». Анализ новозеландских СМИ и устной речи показывает рост популярности именно формы *gotten*, хотя официальным стандартом признана британская норма.

Необходимо учитывать то, что важным аспектом является и географический фактор. Близкое расположение страны к Австралии привело к тому, что новозеландский диалект перенял множество характерных для австралийского английского черт, например, использование в неформальной речи местоимения *she* для обозначения нейтрального лица: «*She'll be right*» («Все будет хорошо»).

Среди заимствований можно выделить такие слова, как *rot* – «англичанин», *fossick* – «искать», *larrikin* – «озорник», *bushed* – «потерянный» и многие другие.

Фонетическое сходство австралийского и новозеландского английского проявляется в восходящей интонации в утвердительных предложениях, особенно в ответах на вопросы. Некоторые лингвисты предполагают, что австралийский английский постепенно изменяется под влиянием новозеландского произношения, что заметно, например, в сужении гласного [e], характерного для британской нормы.

В настоящее время новозеландский вариант всё же близок к британскому, а наиболее заметные отличия от австралийского диалекта можно выделить в лексике: например, термос для хранения охлажденных продуктов в Австралии называют *esky*, тогда как в Новой Зеландии используется термин *chilly bin*; пуховое одеяло австралийцы называют *doona*, а новозеландцы – *duvet*; слово «маркер» в австралийском варианте звучит как *texta*, а в новозеландском – *vivid*, *felts*, *felt tips*.

Нельзя не отметить, что существуют также и особенности в диалектах между Северным и Южным островами Новой Зеландии, обусловленные как историческими, так и социокультурными факторами [10]. На Северном острове с высоким уровнем урбанизации сосредоточилось маорийское население, что привело к заимствованию многих лексических и фонетических элементов, в результате чего местный вариант получил мелодичный и мягкий акцент «*пакеха*». Южный остров, заселенный британцами во времена «золотой лихорадки» XIX века и ориентированный на отрасль сельского хозяйства, сохранил черты шотландского английского, в том числе, специфическое произношение звука [r] (например, в окончании слова *river*), что получило название «южного картавого диалекта», а в лексике закрепились та-

кие слова, как *wee* («маленький»), «*to do the messages*» («ходить за покупками») и *crib* («дачный дом»), имеющий на Северном острове аналог «*bach*»).

Подводя итог всему вышеизложенному, следует сказать, что формирование новозеландского варианта английского языка представляет собой результат взаимодействия множества историко-культурных факторов. Первостепенную роль в этом процессе сыграли заимствованные единицы языка коренного населения, при этом британский английский в период колонизации сформировал основу фонетических, грамматических и лексико-семантических норм. Географическое положение Новой Зеландии и Австралии привело к выраженной взаимосвязи на лексическом уровне, а процессы глобализации способствовали проникновению американизмов в разговорный вариант языка, тогда как британские нормы сохранили доминирующие позиции в официальном стиле изложения.

Выводы

Для составления полной картины особенностей любого национального варианта языка необходим комплексный подход, ведь его поверхностное изучение без глубокого анализа исторических, культурных и социальных предпосылок не может дать исчерпывающее представление о происхождении характерных для языка черт. В этом отношении новозеландский вариант английского языка представляет собой показательный объект исследования, являющийся результатом сложного многовекового процесса, в котором отразилось пересечение особенностей культуры коренного населения, языковой политики метрополии, глобализационные тенденции, а также процессы адаптации языка в географических условиях. Это подтверждает необходимость междисциплинарного подхода при изучении языковых вариантов как сложных систем, отражающих уникальный путь развития языкового сообщества.

Список источников

1. Бекеева Анна Рапкатовна История становления английского языка в Новой Зеландии // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. № 3. С. 81 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-angliyskogo-yazyka-v-novoy-zelandii> (дата обращения: 11.03.2025)
2. Орлов Г.А. Современный английский язык в Новой Зеландии. М. Высшая школа, 2013. С. 146.
3. Николаева О.В. Взаимовлияние концептуальных картин мира маори и пакеха в условиях бикультурной среды Новой Зеландии (на материале новозеландского варианта английского языка) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 20 – 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimovliyanie-kontseptualnyh-kartin-mira-maori-i-pakeha-v-usloviyah-bikulturnoy-sredy-novoy-zelandii-na-materiale-novozelandskogo> (дата обращения: 09.03.2025)
4. Коротких Ж.А., Махначева В.С. Новозеландизмы как часть лексического состава английского языка в Новой Зеландии // Филологические науки. Барнаул: Педагогическое образование на Алтае, 2018. С. 23 – 29.
5. Социолингвистическая ситуация в Новой Зеландии // TextArchive.ru. URL: <https://textarchive.ru/c-1065144.html> (дата обращения: 12.03.2025)

6. Трифанова С.С. О цветоименованиях в новозеландском лексическом субстандарте // NovaInfo, 2016. № 56. С. 292 – 295. URL: <https://novainfo.ru/article/9315> (дата обращения: 13.03.2025)
7. Различные варианты английского языка в англоговорящих странах // Образовательная социальная сеть nsportal. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2019/08/11/razlichnye-varianty-angliyskogo-yazyka-v-anglogovoryashchih-stranah> (дата обращения: 12.03.2025)
8. Американский, новозеландский и австралийский варианты английского языка: различия в произношении в сравнении с классическим – британским английским. // Старт в науке. XXV Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся. URL: https://school-science.ru/9/3/43616?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 12.03.2025)
9. Бекеева А.Р. Национально-культурное своеобразие функционирования фонетических единиц в новозеландском национальном варианте английского языка // Вопросы образования: языки и специальность. Вестник РУДН. 2012. № 2. С. 9 – 15.
10. Казакова И.Е. Экстралингвистические особенности развития современного английского языка на территории Новой Зеландии // Litera. 2022. № 3. С. 133 – 141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstralingvisticheskie-osobennosti-razvitiya-sovremennogo-angliyskogo-yazyka-na-territorii-novoy-zelandii> (дата обращения: 05.03.2025)

References

1. Bekeeva Anna Rapkatovna History of the Formation of the English Language in New Zealand. Bulletin of RUDN. Series: Linguistics. 2013. No. 3. P. 81 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-angliyskogo-yazyka-v-novoy-zelandii> (date of access: 11.03.2025)
2. Orlov G.A. Modern English in New Zealand. M. Vysshaya shkola, 2013. P. 146.
3. Nikolaeva O.V. Mutual influence of conceptual pictures of the world of Maori and Pakeha in the conditions of the bicultural environment of New Zealand (based on the New Zealand version of the English language). Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2007. No. 1. P. 20 – 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimovliyaniye-kontseptualnykh-kartin-mira-maori-i-pakeha-v-usloviyakh-bikulturnoy-sredy-novoy-zelandii-na-materiale-novozelandskogo> (date of access: 09.03.2025)
4. Korotkikh Zh.A., Makhnacheva V.S. New Zealandisms as part of the lexical composition of the English language in New Zealand. Philological sciences. Barnaul: Pedagogical education in Altai, 2018. P. 23 – 29.
5. Sociolinguistic situation in New Zealand. TextArchive.ru. URL: <https://textarchive.ru/c-1065144.html> (date of access: 12.03.2025)
6. Trifanova S.S. On color names in the New Zealand lexical substandard. NovaInfo, 2016. No. 56. P. 292 – 295. URL: <https://novainfo.ru/article/9315> (date of access: 13.03.2025)
7. Different variants of the English language in English-speaking countries. Educational social network nsportal. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2019/08/11/razlichnye-varianty-angliyskogo-yazyka-v-anglogovoryashchih-stranah> (date of access: 12.03.2025)
8. American, New Zealand and Australian variants of the English language: differences in pronunciation in comparison with classical - British English. Start in science. XXV International competition of scientific research and creative works of students. URL: https://school-science.ru/9/3/43616?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (date of access: 12.03.2025)
9. Bekeeva A.R. National and cultural originality of the functioning of phonetic units in the New Zealand national variant of the English language. Education issues: languages and specialty. Bulletin of RUDN. 2012. No. 2. P. 9 – 15.
10. Kazakova I.E. Extralinguistic features of the development of the modern English language in New Zealand. Litera. 2022. No. 3. P. 133 – 141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstralingvisticheskie-osobennosti-razvitiya-sovremennogo-angliyskogo-yazyka-na-territorii-novoy-zelandii> (date of access: 05.03.2025)

Информация об авторах

Иванцова Н.А., Иркутский национальный исследовательский технический университет

Покровская М.Д., Иркутский национальный исследовательский технический университет

© Иванцова Н.А., Покровская М.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'33

Логичность речи как основа риторических кодов к логосу: дидактический аспект

¹ Гужова Н.В., ¹ Ступина Е.С.,

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Аннотация: статья написана в русле риторико-дидактической направленности. Понятие риторического кода, ориентированного на чувственное восприятие речи, может быть реализовано в категориях пафоса, логоса, этоса. Риторические коды к логосу требуют определенной стратегии оформления информации актором и дешифрации реципиентом. Основа кода обусловлена приемами детализации в описании проблемы, конкретизации данных, сопоставления, сравнения и противопоставления фактов, проведения аналогии. Конкретная выраженность риторических знаков представлена словами, употребляемыми в объективном значении, уместным употреблением имен собственных, имен числительных, подчинительных союзов. Реализуется комбинация знаков в структуре сложных предложений. Отклонение от требований логичности ведет к искажению кодовой матрицы высказывания. В работе подчеркивается, что формирование и дешифрация кодов к логосу является безусловной задачей при освоении коммуникативных навыков. Представлена разработка практических заданий по культуре речи, стилистике, направленных на выявление ошибок, вызванных нарушением логичности речи. В обучении получил распространение цикл Колба – модель обучения, которая помогает быстро сформировать у человека нужный навык через практику. Структурными элементами метода являются опыт, анализ, теория, практика, опыт.

Ключевые слова: коммуникативные качества, логичность речи, риторические коды, плеоназмы, цикл Колба

Для цитирования: Гужова Н.В., Ступина Е.С. Логичность речи как основа риторических кодов к логосу: дидактический аспект // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 27 – 31.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

The logic of speech as the basis of rhetorical codes to logos: a didactic aspect

¹ Guzhova N.V., ¹ Stupina E.S.,

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod

Abstract: the article is written in the context of rhetorical and didactic orientation. The notion of rhetorical code oriented to the sensual perception of speech can be realised in the categories of pathos, logos, ethos. Rhetorical codes to logos require a certain strategy of information processing by the actor and decoding by the recipient. The basis of the code is conditioned by the methods of detailing in the description of the problem, concretisation of data, comparison, contrast and contrast of facts, analogy. Specific expression of rhetorical signs is represented by words used in objective meaning, appropriate use of proper names, numerals, subordinating conjunctions. The combination of signs is realised in the structure of complex sentences. Deviation from the requirements of logicity leads to the distortion of the code matrix of an utterance. The paper emphasises that the formation and decoding of codes to logos is an unconditional task in mastering communicative skills. The development of practical tasks on speech culture, stylistics, aimed at identifying errors caused by the violation of logicity of speech is presented. The Kolb's cycle – a model of learning that helps to quickly form the necessary skill through practice – has become widespread in training. The structural elements of the method are experience, analysis, theory, practice, experience.

Keywords: communicative qualities, logicity of speech, rhetorical codes, pleonasm, Kolb's cycle

For citation: Guzhova N.V., Stupina E.S. The logic of speech as the basis of rhetorical codes to logos: a didactic aspect. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 27 – 31.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Логичность речи – структурно-смысловое качество, которое означает организованность высказывания, всех его частей в соответствии с законами логики и композиционной оптимальности. Логичность – умение должным образом организовать последовательность текста. Одним из первых системно описал логичность речи Б.Н. Головин.

Материалы и методы исследований

Методы исследования определены спецификой организации системы риторических кодов к логосу и особенностями формирования коммуникативного качества логичности речи. В рамках общенаучного русла изучения темы проводился анализ употребления языковых единиц, систематизировались возможные варианты нарушений в высказывании, ведущих к искажению передаваемой информации и влияющих на восприятие содержания.

Материалом для исследования послужили теоретические работы, представляющие современные подходы в риторике и лингводидактике, развивающие коммуникативные качества речи в аспекте методики преподавания русского языка как иностранного.

Результаты и обсуждения

Он отмечал, что логичность как коммуникативное качество речи реализуется при условии понятийной и предметной логичности: «если достигнуто соответствие между смысловыми связями слов и предложений, с одной стороны, и «логикой» отношений и зависимостей между предметами и явлениями реального мира, с другой» [1, с. 29]. Данный тезис опирается на дихотомические связи речи и мышления, речи и действительности. Современные исследователи видят реализацию этого качества через отражение мыслительных процессов в речи: «соответствие используемых речевых средств законам мышления» [5, с. 27], соотношение языка и мышления и выявляющее наличие у говорящего определенных умений и навыков, связанных с правильным изложением мысли и построением текста» [6, с. 57]. Есть точка зрения, согласно которой логичность утрачивает связь с логическими законами. Релевантно считать, что «такой подход предполагает расширение логичности за счет других качеств, хотя эти качества можно выделить в качестве самостоятельных» [10, с. 395]. Например, речь может идти о

качествах точности и ясности. Однако подобный подход размывает границы представления о логичности, хотя, безусловно, обнаруживается аспектное пересечение точности, логичности, ясности. В частности, замечено, что «логичность речи, как и точность, проявляется в непротиворечивости, структурной правильности, последовательности и целенаправленности в изложении информации» [3, с. 105]. Присущие речи указанные качества не противоречат друг другу.

Качество логичности речи может быть реализовано в текстах разной дискурсивной направленности. Главное – это соблюдение экстралингвистических и лингвистических условий [2]. В частности, к экстралингвистическим условиям относят умение логически мыслить и знание логических законов, а к лингвистическим – непротиворечивое сочетание слов (*Пострадавший был здоров, его разбитая голова была перебинтована шарфом*), естественный порядок слов в предложении (*В углу стояли коляски с младенцами синего цвета*), релевантное употребление средств связи в предложении и прочее.

Нельзя не учитывать описанные Б.Н. Головиным условия логичности на уровне текста. По его мнению, текст логичен, если:

- ясно выражена связь предложений в тексте;
- обозначены переходы от одной мысли к другой;
- текст верно разделен на абзацы;
- объем предложений адекватен их содержанию;
- текст имеет явную и полную структуру.

Отклонение от требований логичности предполагает искажение кодовой матрицы произведения речи. Считывание не только информационного запроса, но и инференциальной основы невозможно, если система организована по принципу риторических кодов к логосу.

Риторические коды мы определяем как «системы знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженные в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику» [7, с. 104]. Кодовые особенности предполагают совокупное перераспределение риторических знаков, которые при заданной инференции выстраиваются таким образом, чтобы образовать последовательную цепочку смыслообразующих сочетаний.

Релевантно считать, что произведения, отличающиеся строгой аргументативной техникой, формируют риторические коды логического характера. Подчеркнем многофакторность условий организации кода. Экспликация кода возможна при комбинации знаков, направленных на восприятие конкретной конечной идеи. В философско-риторической традиции, «логос опирается на тактики логической демонстрации, то есть логического рассуждения, в ходе которого выявляется истинность или ложность тезиса» [8, с. 271]. Учтем, однако, что известный русский философ С.Н. Трубецкой подчеркивал, что в греческой философии термин “логос” «означает, главным образом, рассуждение как в объективном, так и в субъективном смысле» [2, с. 24].

Логос как рассуждение в риторических кодах реализуется при рациональной процедуре соотнесения тезисов и аргументов с выводами. Основа кода обусловлена приемами детализации в описании проблемы, конкретизации данных, сопоставления, сравнения и противопоставления фактов, проведения аналогии. Формальными лингвистическими показателями выступают слова, употребляемые в конкретно-объективном значении, уместное употребление имен собственных, имен числительных, подчинительных союзов, сложных предложений.

Умение формировать и дешифровать коды к логосу является безусловной задачей при освоении коммуникативных навыков. Если при считывании кода смысл передаваемой информации принципиально противоречит получаемой информацией, то в комбинации риторических знаков допущена ошибка. Подчеркнем, что «успех коммуникации в основном зависит от эффективности работы (де)кодирующих устройств и идентичности кода на вводе и выводе» [4, с. 33]. По этой причине развитие навыков, связанных с качеством логичности речи, требует особого внимания.

Предметом исследования в данной статье являются нарушения логичности в речи студентов на лексико-синтаксическом уровне и на уровне членения текста.

В связи с этим следует отметить следующие потенциальные недостатки речевого оформления.

1. Излишне сегментированный текст или, наоборот, обилие слишком длинных предложений с большим количеством придаточных предложений. Подобная структура приводит к затруднениям в понимании смысла текста.

2. Случаи нежелательной омонимии, в результате которой появляется двусмысленность, затрудняющая понимание текста. (*Это был настоящий брак*)

3. Синтаксическая несогласованность фраз. (*О том, как прошел вечер, раскроем на примере номера иностранных студентов*)

4. Смысловые искажения, которые вносятся анафорическими местоимениями (*У дороги стояла женщина, она была непроходимой*)

5. Значительное количество плеоназмов. (*Срок истечения полномочий истекает*)

6. Засоренность текста семантически пустыми словами (*это, короче, типа, как говорится, в принципе, как бы это точнее выразиться и т.п.*). Безусловно, употребление подобных слов без содержательной нагрузки напрямую относится к такому качеству речи, как чистота, но логичность также страдает от них, ведь они не связывают последовательно идущие структуры, а стремятся стать оправданием малозначащих текстов.

На практических занятиях по культуре речи, стилистике возникает вопрос о том, какие упражнения необходимо предложить студентам, для того чтобы избежать подобного рода ошибок.

В обучении взрослых в последнее время получил распространение цикл Колба – модель обучения, которая помогает быстро сформировать у человека нужный навык через практику. Структурными элементами метода являются опыт, анализ, теория, практика, опыт.

В соответствии с данной методикой можем предложить студентам материал для работы с текстом. Просим найти в предложениях ошибки и объяснить их.

Этот памятник был установлен в честь великого поэта, который никогда не бывал в этом городе.

Все студенты любят учиться, поэтому в библиотеке всегда много людей.

Он был очень талантливым музыкантом, но, к сожалению, не умел играть ни на одном инструменте.

Поскольку на улице идет дождь, значит, завтра будет солнечно.

Вчера я купил новую книгу, которая оказалась очень интересной, поэтому я решил пойти в кино.

Этот фильм получил много положительных отзывов, но мне он совершенно не понравился, потому что я не люблю фильмы.

Он всегда говорит правду, поэтому ему никто не верит.

Наша компания предлагает самые низкие цены и самое высокое качество.

Он был очень скромным человеком, поэтому всегда хвастался своими достижениями.

Далее преподаватель вместе со студентами анализирует причины ошибок в указанных выше предложениях. Это соответствует 2 и 3 структур-

ным элементам цикла Колба (анализ, теория). После рефлексии предлагаются еще варианты для самостоятельного анализа (этапы практика и опыт)

1. *Наш город – самый лучший в мире. Здесь живут самые добрые люди, самые красивые дома и самая вкусная еда. Правда, в последнее время участились случаи преступности, экология оставляет желать лучшего, а цены на продукты растут с каждым днем. Но все равно, наш город – самый лучший!*

2. *Сегодня я проснулся рано утром. Сначала я позавтракал, потом пошел на работу, а потом решил поехать в отпуск на море. Там я встретил своих старых друзей, с которыми мы отлично провели время. После отпуска я вернулся домой и сразу же пошел спать.*

3. *Все знают, что кошки – очень умные животные. Они умеют ловить мышей, лазать по деревьям и мурлыкать. Поэтому у меня дома живет собака.*

Далее преподаватель переходит к лексико-синтаксическим ошибкам, которые ведут к нарушению логичности текста. В первую очередь к ним относятся случаи плеоназмов, засоренности речи, неоправданной омонимии и пр.

Задание. Найдите речевые ошибки. Какие из них связаны с нарушением логичности речи. Связаны ли они с нарушением норм языка? В чем их причина? Устраните ошибки, исправленные варианты запишите.

В качестве памятного сувенира гостям мероприятия были вручены небольшие подарки. В газете было объявлено о наличии свободной вакансии. Временной период проведения акции ограничен. Он увидел очень огромный дом. Беженцы вернулись обратно в свои дома. Он впервые увидел ее лицо. Автор оставил свой личный автограф на книге. Главная суть его выступления заключалась в следующем. Она увлекалась изучением народного фольклора.

Он рассказал интересный рассказ о своих приключениях. Журналист спросил вопрос, который всех интересовал. Нам нужно объединить воедино все усилия для достижения цели.

Однако стоит обратить внимание студентов на то, что часто в художественной литературе нелогичность может быть намеренным приемом, служащим определенной цели (например, для созда-

ния комического эффекта, передачи особого состояния персонажа, абсурдистской картины мира). Важно различать намеренную нелогичность от небрежности автора.

Задание. Прочитайте текст. Объясните, в чем заключается его нелогичность? Где она является художественным приемом, а где – небрежностью автора? Как эти нелогичности влияют на восприятие текста? Исправьте текст, сделав его более логичным.

Солнце село, и наступила ночь, хотя день еще продолжался. Деревья стояли неподвижно, потому что дул сильный ветер. Птицы пели свои песни, но в лесу было тихо и мрачно. Я шел по дороге, не зная, куда иду, но точно знал, что приду к цели. Вдруг я увидел дом, который был очень старым, но новым. Войдя внутрь, я почувствовал запах свежего хлеба, который был очень кислым. Меня встретил хозяин, очень добрый и злой человек, который предложил мне чаю, хотя я не хотел пить.

Задание. Прочитайте текст Даниила Хармса. В чем проявляется нелогичность текста? Как вы думаете, с какой целью автор использовал нелогичность в тексте?

*Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь отправился
С дубинкой и мешком.
Вдруг – гром!
На небе – гром!
Ударил прямо в лоб!
Упал тот человек –
Не поднялся – помер.
А в дальний путь отправился
С дубинкой и мешком.*

В качестве домашнего задания можно предложить анализ текстов из художественной литературы или СМИ с точки зрения логичности.

Выводы

Предложенная методическая разработка является актуальным вариантом решения вопроса, связанным с формированием навыка создания текстов, отличающихся логичностью. Соотнесение набора знаковых составляющих риторического кода к логосу у актора и реципиента обеспечивает эффективность коммуникации, создает перспективу передачи и сохранения информации.

Список источников

1. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Политиздат, 1988. 328 с.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Скорородникова, Е.Н. Ширяева и др. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с.

3. Левчаева Н.В. Коммуникативные качества речи и их системные связи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-kachestva-rechi-i-ih-sistemnye-svyazi> (дата обращения: 13.03.2025)
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Мартинович Г.А., Семенов П.А. Терминологический словарь: Русский язык. Стилистика. Культура речи. СПб., 2006. 43 с.
6. Русская речевая культура: учебный словарь-справочник / под ред. В.Д. Черняк. СПб.: Сага, Азбука-классика, 2006. С. 218
7. Ступина Е.С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В.И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») // Политическая лингвистика. 2023. № 4. С. 103 – 108.
8. Трофимова В.А. Логос как источник конфронтационности коммуникативного давления в различных типах дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 268 – 279.
9. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории: философско-историческое исследование. Москва, Харьков: Изд-во АСТ; Фолио, 2000. 650 с.
10. Хазагеров Г.Г., Глушко М.А. О системном подходе к качествам речи (на примере логичности) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. 6 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sistemnom-podhode-k-kachestvam-rechi-na-primere-logichnosti> (дата обращения: 13.03.2025)

References

1. Golovin B.N. Fundamentals of speech culture. Moscow: Politizdat, 1988. 328 p.
2. Russian speech culture: Encyclopedic dictionary-reference book. Ed. by L.Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Shiryaev et al. 2nd ed., corrected. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 840 p.
3. Levchaeva N.V. Communicative qualities of speech and their systemic connections. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2018. No. 2-1 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-kachestva-rechi-i-ih-sistemnye-svyazi> (date of access: 03.13.2025)
4. Makarov M.L. Fundamentals of discourse theory. M.: ITDGGK "Gnosis", 2003. 280 p.
5. Martinovich G.A., Semenov P.A. Terminological dictionary: Russian language. Stylistics. Culture of speech. St. Petersburg, 2006. 43 p.
6. Russian speech culture: educational dictionary-reference book. ed. V.D. Chernyak. St. Petersburg: Saga, Azbuka-classics, 2006. P. 218
7. Stupina E.S. Rhetorical codes of antonyms in a political text: a biography of an era (based on the works of V.I. Lenin "Where to begin?", "What to do?"). Political linguistics. 2023. No. 4. P. 103 – 108.
8. Trofimova V.A. Logos as a source of confrontational communicative pressure in various types of discourse. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2021. No. 1. P. 268 – 279.
9. Trubetskoy S.N. The doctrine of Logos in its history: a philosophical and historical study. Moscow, Kharkov: AST Publishing House; Folio, 2000. 650 p.
10. Khazagerov G.G., Glushko M.A. On a systematic approach to speech qualities (using logic as an example). Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 2. 6 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sistemnom-podhode-k-kachestvam-rechi-na-primere-logichnosti> (date of access: 13.03.2025)

Информация об авторах

Гужова Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Ступина Е.С., кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

© Гужова Н.В., Ступина Е.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 338.12.017

Конвергенция и мультимедиа, а также их роль как ключевых компонентов развития коммуникации в современном мире

^{1, 2} Чилингарян В.В.,

¹ Российско-армянский университет,

² Национальный исследовательский технологический университет МИСИС

Аннотация: в статье рассматривается влияние технологической конвергенции на современные средства массовой информации и коммуникации. Конвергенция описывается как процесс объединения различных технологий, что ведет к трансформации способов потребления мультимедийного контента и меняет роли производителей и потребителей информации. Особое внимание уделено тому, как цифровые платформы расширили возможности взаимодействия, породив феномен культуры соучастия, в которой потребители активно влияют на производство и распространение контента. Обсуждаются положительные последствия, такие как развитие мультимедийной журналистики и устранение барьеров в коммуникации, а также негативные – инфодемия, эхо-камеры и снижение качества информации. Также анализируются лингвистические последствия конвергенции, включая распространение интернет-сленга, аббревиатур и изменение структуры языка. Примеры из британского молодежного сленга и онлайн-коммуникации иллюстрируют, как новые формы взаимодействия влияют на язык и культурные нормы. Таким образом, статья раскрывает сложную природу конвергенции как многоуровневого процесса, затрагивающего не только технологии, но и общество, культуру и язык.

Ключевые слова: конвергенция, мультимедиа, коммуникации в обществе

Для цитирования: Чилингарян В.В. Конвергенция и мультимедиа, а также их роль как ключевых компонентов развития коммуникации в современном мире // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 32 – 38.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Convergence and multimedia, as well as their role as key components of communication development in the modern world

^{1, 2} Chilingaryan V.V.,

¹ Russian-Armenian University,

² National Research Technological University MISIS

Abstract: this article explores the impact of technological convergence on modern media and communication. Convergence is defined as the merging of various technologies, transforming how multimedia content is consumed and reshaping the roles of information producers and consumers. The focus is on how digital platforms have expanded interactive possibilities, fostering a culture of participation where users actively influence the creation and distribution of content. The article highlights positive outcomes such as the rise of multimedia journalism and the removal of communication barriers, alongside negative effects including infodemia, echo chambers, and declining content quality. It also examines the linguistic consequences of convergence, such as the spread of internet slang, abbreviations, and altered language structures. Examples from British youth slang and online discourse demonstrate how new forms of interaction affect language and cultural norms. Ultimately, the article reveals the complex nature of convergence as a multi-layered process that influences not only technology but also society, culture, and language.

Keywords: convergence, multimedia, communication in society

For citation: Chilingaryan V.V. Convergence and multimedia, as well as their role as key components of communication development in the modern world. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 32 – 38.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

На протяжении всей своей истории человечество постоянно стремится к коммуникации, поддержке любых способов обмена информацией друг с другом. Одним из важнейших факторов, способствующих развитию коммуникаций, является безграничный творческий потенциал человека. Как существам, которым требуется общение с себе подобными, крайне важным является, поддержка любых способов обмена информацией друг с другом. Безграничный творческий потенциал человечества является одним из, если не самым важным фактором, способствующим развитию коммуникаций на протяжении всей истории. По мере развития человечества технологические методы информационного обмена становятся все более совершенными. Результат такого развития возможно наблюдать в современных и наиболее популярных способах дистанционного общения, в частности, с помощью Интернета и телефонной связи, которые получили широкое распространение и неограниченные возможности использования. Это происходит в сочетании с другим фактором, который называется конвергенцией [1, 4].

Материалы и методы исследований

В данной работе применялся анализ вторичных источников, таких как научные статьи, монографии, доклады и публикации, посвящённые феномену технологической конвергенции, её влиянию на медиaproстранство, языковую среду и культурные практики. В рамках исследования был проведён контент-анализ различных мультимедийных платформ, включая социальные сети, новостные сайты и форумы, с целью выявления характерных изменений в лексике, структуре коммуникации и модели взаимодействия между производителями и потребителями информации. Также был использован метод сравнительного анализа, позволивший соотнести традиционные формы коммуникации с современными цифровыми практиками и оценить лингвистические трансформации на примере конкретных сленговых выражений и интернет-аббревиатур. Теоретическую основу исследования составили труды в области медиалингвистики, цифровой социологии и культурологии, в том числе работы Генри Дженкинса, Клеменса Кункеля и

других исследователей, изучающих культуру участия и цифровую трансформацию общества.

Результаты и обсуждения

Конвергенция и её эффекты

Общий термин «конвергенция» описывает процесс, при котором несколько не связанных между собой объектов или технологий из одной или различных областей в конечном итоге встречаются и объединяются в единое целое. Ключевые особенности конвергенции зависят от сферы, на которую она влияет. В данной работе мы рассматриваем только технологическую конвергенцию и то, как она повлияла на потребление мультимедийной информации в современном мире.

Технологическая конвергенция часто описывается как объединение нескольких различных технологий в совершенно уникальную новую технологию, которая включает в себя функции своих предшественников. В качестве примера можно привести создание смартфонов, обладающих функциями нескольких не связанных между собой технологий, таких как традиционные телефоны, фотокамеры и музыкальные плееры. Результатом этой конвергенции стало создание гаджета, который в настоящее время доминирует в жизни очень многих людей. Хотя описать само понятие конвергенции можно довольно простым языком, его не следует рассматривать как процесс, который не является сложным по своей природе. «Конвергенция – это глубокая интеграция знаний, инструментов и всех соответствующих областей человеческой деятельности, позволяющая обществу отвечать на новые вопросы, создавать новые компетенции и технологии и в целом изменять соответствующие физические или социальные экосистемы [2]. Такие изменения в экосистемах открывают новые тенденции, пути и возможности на следующей дивергентной фазе этого эволюционного процесса».

Согласно исследованию, проведенному Клеменсом Кункелем, конвергенция является обязательным требованием в условиях цифровизации технологий, поскольку сложная сеть, состоящая из различных коммуникационных каналов и видов информации, могла быть создана только благодаря существованию цифровых платформ. Это открывает путь для сложных связанных друг с другом

систем, ранее не существовавших из-за недостаточного развития технологий. В результате, конвергенция приводит к появлению различных комплексных услуг, все более распространенных в современном обществе. Такие услуги, естественно, включают в себя любую интегрированную с мультимедиа деятельность, например, общение [8].

С появлением веб-сайтов, цифровых форумов, чатов и, самое главное, социальных сетей можно сказать, что конвергенция привела к новой эпохе коммуникации. Расстояния, личные предпочтения, интересы больше не являются ограничениями, а, напротив, становятся факторами, облегчающими информационный обмен. Это можно проиллюстрировать на примере того, как журналистика адаптировалась к новым реалиям, выходя за рамки публикаций, фокусирующихся на одном медиа формате, используя видео, аудио и фотоматериалы, выстраивая историю, связывая известные форматы медиа. Данный метод позволяет создать историю, которая может предоставить информацию любому потребителю, независимо от того, предпочитает ли он читать, смотреть или слушать [7].

Медиа, конвергенция и ее последствия

Однако нельзя недооценивать то, как много областей затронуто конвергенцией. Для целей данной работы основное внимание будет уделено медиа и коммуникации.

В контексте медиа, конвергенция – это двойной процесс, движущей силой которого являются как те, кто производит, так и те, кто потребляет контент. Это свидетельствует о том, что медиа больше не односторонний формат коммуникации, фокусирующийся исключительно на информировании публики. С ростом узнаваемости и возможного вклада потребителей, такого как онлайн отзывы и взаимодействие в социальных сетях, медиа становятся скорее инструментом для создания контента, ориентированного на взаимную коммуникацию, а не просто платформой для распространения информации. Это создает уникальную ситуацию, в которой поток обмена информацией увеличивается параллельно с быстрым расширением рынка на основе новых цифровых платформ и их возможностей. Вместе с тем, конвергенция представляет значительную угрозу для тех, кто не изменил традициям и не освоил новые процессы и методы потребления. Генри Дженкинс предполагает, что, в то время как старшие поколения целевой аудитории считались уступчивыми, новые поколения, потребляющие мультимедийный контент, окажутся более устойчивыми к традиционным методам передачи информации [9, 10].

Цифровые мультимедийные технологии предоставляют потребителям контроль, что делает их участниками процесса. Это можно увидеть на примере последних двух десятилетий, когда появились такие понятия, как «культурное подавление» и «культура отмены». Эти два культурных феномена показывают, как потребители, будь то члены фэндомов, читатели определенной социальной платформы или медиа-сети или люди, которые интересуются только новостями, могут влиять на целостность и стабильность компании или на репутацию общественного деятеля. Примером такого влияния могут служить материалы в СМИ, несущие оскорбительную коннотацию, как это произошло с Heineken и их рекламной кампанией по производству светлого пива, обвиненной в расизме, или проблемы внутренней коммуникации, как в случае с Эллен Дедженерес, которая некорректно обращалась со своим рабочим коллективом. Из этого следует, что потребитель приобретает гораздо больше власти над каналами связи, чем предполагалось ранее.

С ростом этой новой силы культура потребления медленно, но верно трансформируется в нечто, называемое «культурой соучастия». В рамках этого интересного феномена потребители и сама общественность рассматриваются как непосредственные участники производимого контента. С появлением цифровых платформ в качестве преобладающего средства для коммуникации и потребления информации стало довольно легко высказывать свое мнение. Два приведенных выше примера негативной реакции общественности являются также иллюстрацией культуры соучастия [8].

Результатом положительного влияния конвергенции на СМИ также можно назвать:

- обновление и совершенствование информационного потока, обеспечивающего непрерывное производство и распространение контента;
- универсализацию журналистики в целом и создание ее новой отрасли – мультимедийной журналистики;
- сокращение разрыва между потребителем и производителем, благодаря которому возможности общения перестали быть односторонними и непрозрачными;

Среди негативных результатов можно выделить:

- утрату традиционного значения и основной концепции средств массовой информации, поскольку они смешиваются как с развлекательными форматами, так и с форматами социальных сетей;
- печально известную инфодемию (информационное перенасыщение), особенно обострившуюся в тяжелые времена пандемии Covid-19 в 2020 году;

- создание контента, связанного с интересами потребителей, что может привести к появлению эхо-камер и ограничению кругозора;

- снижение качества самого контента, что-то особенно хорошо видно в игровой индустрии, где целые статьи пишутся на основе одного поста или комментария анонимного пользователя.

Лингвистические эффекты конвергенции

Учитывая ранее упомянутые положительные и отрицательные эффекты конвергенции медиа, можно предположить, что они носят чисто механический характер, что приводит к искажению перспективы. На самом деле, влияние конвергенции на мультимедиа и медиа в целом гораздо шире. Мультимедийный аспект конвергенции также создает испытания для языков и культурной уникальности [4].

Причина обсуждения языковых изменений в целом напрямую связана с тем фактом, что это самое важное и первичное средство общения, доступное любому человеку. Лингвистические изменения происходят при любом типе развития вне зависимости от сферы деятельности. Языковая экспансия может быть связана с новыми достижениями в области технологий или в любой другой области развития, где новые термины и жаргонизмы создаются социальными группами и институтами для более легкого использования лингвистических структур, относящихся к определенному социальному институту или культуре. Это также может быть просто сокращением слов для экономии времени. В целом язык проявляет большую гибкость и адаптируется к любой ситуации. Одним из основных факторов, способствующих языковым изменениям, являются возникающие и исчезающие молодежные группы, которые создают новые слова или трансформируют их значение в соответствии со своими потребностями и желаниями.

Лексика, созданная такими социальными группами, называется сленгом и хорошо иллюстрирует как контекстуальные идеи могут быть спрятаны в обскурых выражениях и фразах. Примером этого является сленг британской молодежи, который берет свое начало из речевой оборотов социальной группы под названием "Roadmen". Рассмотрим несколько фраз:

- «Safe» – фраза, используемая для описания кого-либо в позитивном свете, способ поприветствовать кого-либо и попрощаться;

- «Allow it» – также произносится как «'Low it» – очень специфический способ сказать, что тема не важна. Эквивалентом этого сленга иногда может выступить фраза «Забудьте об этом». Иногда это также используется, чтобы попросить человека

прекратить текущее действие, потому что оно раздражает.

- «Ends» – место происхождения или место, откуда родом человек;

- «Pagans» – фраза, описывающая человека в негативном контексте, по сути, называющая его змеей, обманщиком или двуличным;

- «On my ones» – по сути, то же самое, что «сам по себе».

- «To be shook» – это то же самое, что бояться;

- «Long» – прилагательное, используемое в британском сленге для описания чего-либо, что может потребовать больших усилий и оказаться неприятным;

- «Bare» – много чего-либо или объект в больших количествах;

- «P» – одна из букв, используемых для обозначения денег, в частности фунтов стерлингов;

- «Gassed» – слово, обозначающее человека, который возбужден и/или полон энергии. Также иногда используется для обозначения человека, который говорит слишком много лжи или чепухи;

- «Wasteman» – оскорбление, относящееся к человеку, который является пустой тратой времени.;

Как видно из этих примеров, контекст лексики оказывается гораздо глубже, чем поверхностное словоупотребление, связанное со сленговыми словами.

Аналогичную трансформацию словарного запаса можно заметить с появлением цифровых платформ и их медленной, но довольно устойчивой интеграцией во все сферы нашей жизни.

Среди различных преобразований можно выделить широкое использование аббревиатур, чтобы сократить время, затрачиваемое на написание сообщения, например:

- «GTG» – означает «Got to go» или «Пора идти»;

- «LOL» – означает «Laughing out loud» или «Громко смеяться».

Помимо аббревиатур, онлайн-язык имеет другие уникальные структурные особенности такие как:

- сокращение слов («I am gd», где «gd» означает «хорошо»);

- Использование слов или букв, которые звучат одинаково, т.е. омофонов («4ever» – навсегда);

- нетрадиционный способ написания слов, позволяющий показать эмоциональные интонации и другие более тонкие аспекты речи, которые очень трудно или невозможно передать в оцифрованных текстовых сообщениях с сохранением традиционного написания («Baу, это тааааааа интересно» – в зависимости от контекста это может быть сарказмом или выражением подлинного волнения);

- нетрадиционное использование знаков препинания для выражения эмоций с помощью текстовых сообщений (например, «?!» – чтобы показать шок или замешательство, или «...» – чтобы продемонстрировать молчание или эффектную паузу).;

- использование эмодзи и смайликов в онлайн-речи, нивелирующих отсутствие эмоционального отклика. Например, такие смайлики, как «:-)» или «>:|», придают эмоциональный контекст сообщению, иллюстрируя положительный или негативный настрой соответственно. Цифровые платформы и технологические компании также со временем адаптировались, предоставив пользователям возможность посылать эмодзи и небольшие пиктограммы в текстовых сообщениях для повышения гибкости обмена контекстными идеями [9].

Лингвистическую конвергенцию можно наблюдать не только в английском языке. Распространенным сокращением слов в онлайн-общении на русском языке является «крч», что означает «короче». Это жаргонное слово, которое используется для того, чтобы сразу перейти к сути дискуссии, но, в большинстве случаев, становится словом-паразитом.

Также следует отметить контекстуальные и специфичные для Интернета лексические единицы, которые по своему использованию и происхождению напоминают сленг и жаргонизмы. С увеличением времени, проведенного в Сети пользователями, такая лексика просачивается даже в «офлайн-словарь» поскольку простота употребления, за которую ценятся такие лексические единицы, не теряет своего эффекта при переходе к устной речи, например, «mid», технически описывающее что-то посредственное или среднее, но контекстуально предназначенное для оценки чего-либо как плохого, или «по сар», означающее, что сказанное является правдой или фактом.

Цифровизация человеческой жизни

Начиная с 90-х годов XX века люди все более активно используют цифровые инструменты для организации своей жизни и оптимизации повседневных процессов. Это отражается в использовании гаджетов и программ, которые отслеживают физическую активность, здоровье, планы и многие другие аспекты жизни.

Все больше взаимодействий с государственными службами и различными предприятиями осуществляется частично или полностью онлайн, например, банковские услуги. Решение повседневных задач становится все более цифровым, в частности, возможность голосовать на выборах онлайн. В этом контексте люди по-прежнему остаются онлайн, находясь офлайн.

В настоящее время социальные сети и различные социальные онлайн-платформы существенно изменили восприятие и использование языка. Это также влияет на то, какое общение ведется в режиме реального времени, а какое предназначено для онлайн-обмена сообщениями. Междугородные сообщения и праздничные\обязательные поздравления в основном теперь передаются через онлайн-платформы с использованием видеосообщений, голосовых записей и простых текстов, а также через цифровые праздничные открытки. С учетом вышесказанного, можно прийти к выводу, что взаимодействие в реальной жизни становится символом более глубокой связи с человеком или интереса к нему.

Онлайн-ресурсы упрощают работу по хранению необходимых документов, файлов и мультимедиа в цифровых банках памяти, называемых «облаками». Поскольку большинство социальных сетей и развлекательных онлайн-платформ используют адаптивные алгоритмы, чтобы предлагать своим пользователям более интересные темы, организации используют «цифровой след» (историю активности) пользователей для подбора наиболее интересных тем и контента для каждого человека, создавая действительно уникальный и персонализированный цифровой мир для всех одновременно. Однако такие хранилища документов могут быть как благом, так и проклятием. Большое количество личных файлов потенциально уязвимо для кражи данных, так как любой, кто участвует в онлайн-активности, оставляет «цифровой след», по которому можно найти и вычислить пользователя.

На просторах Интернета можно найти любую необходимую информацию. К сожалению, запросы порождают множество веб-сайтов, которые либо предоставляют ложную информацию, либо обманом заставляют покупать ненужный продукт. Такая необузданная потребность найти решение всех проблем приводит к инфодемии, которая во время пандемии Covid-19 достигла невероятных размеров и привела к тому, что многие люди пострадали, следуя советам поддельных медицинских сайтов. В частности, в начале пандемии было много случаев нанесения себе вреда при употреблении чистого метанола или чистящих средств и химикатов, поскольку на некоторых веб-сайтах это описывалось как верный способ снизить вероятность заражения коронавирусом.

Участие в социальных активностях также совершило огромный скачок в развитии благодаря цифровизации коммуникационной деятельности. Участие в различных дискуссиях дает людям возможность стать частью чего-то значительного, объединяя пользователей Интернета, находящихся

в разных странах, для обсуждения интересующей их темы. Множество социальных сетей позволяют людям вносить свой вклад и делиться своими знаниями или опытом. Например, такие социальные сети, как Вконтакте или Telegram, позволяют своим пользователям взаимодействовать друг с другом, обмениваясь текстовыми, графическими, видео- и аудиосообщениями, а также вступать в социальные группы или сообщества, основанные на общих интересах по той или иной теме.

Выводы

Исходя из представленной фактической информации, можно сделать вывод, что конвергенция

технологий в целом может изменить и уже меняет наш подход к жизни. Эта работа показывает, что внедрение и постепенная интеграция людей в новую эру цифровых технологий кардинально меняет многие аспекты человеческой жизни, в том числе и коммуникацию. Учитывая, что интеграция общества в онлайн среду неизбежна, следует сфокусироваться на вопросе: в чем достоинства, а также очевидные и потенциальные опасности этого процесса, что является темой отдельной дискуссии.

Список источников

1. Акаев А.А., Рудской А.И. Конвергентные ИКТ как ключевой фактор технического прогресса на ближайшие десятилетия и их влияние на мировое экономическое развитие // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. № 1. С. 1 – 18.
2. Ним Е.Г. Медиапространство: основные направления исследований // Медиа. Информация. Коммуникация. 2013. № 7. С. 73 – 83.
3. Полюнов В.А. «Росбизнесконсалтинг»: особенности функционирования в условиях конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2017. № 1. С. 83 – 104.
4. Симакова С.И., Панюкова С.А. Мультимедийная история и её особенности // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 9 (405). С. 58 – 66.
5. Хачатрян А.Х. Мультимедийные технологии и конвергенция как факторы развития новых медиа // Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности. 2017. С. 108 – 113.
6. Якубенко Е.Н. Конвергенция как фактор формирования современного медиа-рынка // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 341 – 345.
7. Jenkins H. The cultural logic of media convergence // International journal of cultural studies. 2004. Т. 7. № 1. P. 33 – 43.
8. Latzer M. Media convergence // Handbook on the digital creative economy. Edward Elgar Publishing, 2013. P. 123 – 133.
9. Peil C., Sparviero S. Media convergence meets deconvergence // Media convergence and deconvergence. 2017. P. 3 – 30.
10. Spyridou L.P., Veglis A. Convergence and the changing labor of journalism: towards the 'super journalist' paradigm // Media convergence handbook-Vol. 1: Journalism, broadcasting, and social media aspects of convergence. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2016. P. 99 – 116.

References

1. Akaev A.A., Rudskoy A.I. Convergent ICT as a key factor in technical progress in the coming decades and their impact on global economic development. International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 1 – 18.
2. Nim E.G. Media space: main research areas. Media. Information. Communication. 2013. No. 7. P. 73 – 83.
3. Polynov V.A. "Rosbusinessconsulting": features of functioning in the conditions of convergence. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2017. No. 1. P. 83 – 104.
4. Simakova S.I., Panyukova S.A. Multimedia history and its features. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2017. No. 9 (405). P. 58 – 66.
5. Khachatryan A.Kh. Multimedia technologies and convergence as factors in the development of new media. Modern information and communication technologies in the global world: challenges and opportunities. 2017. P. 108 – 113.
6. Yakubenko E.N. Convergence as a factor in the formation of the modern media market. Bulletin of Bryansk State University. 2015. No. 1. P. 341 – 345.
7. Jenkins H. The cultural logic of media convergence. International journal of cultural studies. 2004. Vol. 7. No. 1. P. 33 – 43.

8. Latzer M. Media convergence. Handbook on the digital creative economy. Edward Elgar Publishing, 2013. pp. 123 – 133.
9. Peil C., Sparviero S. Media convergence meets deconvergence. Media convergence and deconvergence. 2017. P. 3 – 30.
10. Spyridou L.P., Veglis A. Convergence and the changing labor of journalism: towards the ‘super journalist’ paradigm. Media convergence handbook-Vol. 1: Journalism, broadcasting, and social media aspects of convergence. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2016. P. 99 – 116.

Информация об авторе

Чилингарян В.В., аспирант, Российско-армянский университет; преподаватель, Национальный исследовательский технологический университет МИСИС

© Чилингарян В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.892.09

Гемаль аль-Гитани как писатель и историк

¹ Стоянова Н.И., ¹ Абдулбасирова Р.А.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в центре настоящего исследования находится многогранное литературное наследие египетского писателя Гемалья аль-Гитани, одного из ключевых представителей интеллектуальной прозы арабского мира XX века. Цель статьи – выявить основные механизмы взаимодействия традиционной арабской нарративной формы с постмодернистской литературной практикой, реализованные в творчестве автора. Особое внимание уделено роману «Аз-Зейни Баракат», в котором хроникально-историческая структура используется как метафора современных политических реалий Египта. Через анализ формы, языка и мотивов произведения рассматриваются возможности исторического романа как инструмента социального критицизма и духовного переосмысления прошлого.

Задачи исследования включают: интерпретацию хроникальных элементов и аллюзий на политическое насилие, изучение влияния суфийской философии на художественное мышление аль-Гитани, а также рассмотрение способов трансформации классических текстов в современных социокультурных условиях.

Практическое значение работы заключается в возможности применения полученных выводов в курсах востоковедения, литературоведения, культурологии и при подготовке специалистов по арабскому языку и литературе. Статья может служить опорой для последующих исследований постколониального мышления и литературных форм в арабской прозе.

Ключевые слова: Гемаль аль-Гитани, арабская литература, историческая аллюзия, востоковедение, египетская проза, суфизм, постмодернизм

Для цитирования: Стоянова Н.И., Абдулбасирова Р.А. Гемаль аль-Гитани как писатель и историк // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 39 – 43.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Gamal al-Ghitani as a writer and historian

¹ Stoyanova N.I., ¹ Abdulbasirova R.A.,

¹ Dagestan State University

Abstract: this study focuses on the multifaceted literary legacy of Egyptian writer Gamal al-Ghitani, one of the key figures in the intellectual prose of the 20th-century Arab world. The aim of the article is to identify the primary mechanisms of interaction between traditional Arabic narrative forms and postmodern literary practices as realized in the author's work. Special attention is given to the novel *Zayni Barakat*, in which a chronicle-based historical structure is used as a metaphor for the political realities of contemporary Egypt. Through analysis of the novel's form, language, and motifs, the paper explores the potential of the historical novel as a tool for social critique and spiritual reinterpretation of the past.

The research objectives include: interpretation of chronicle elements and allusions to political violence, study of the influence of Sufi philosophy on al-Ghitani's literary thinking, and exploration of how classical texts are transformed under modern sociocultural conditions.

The practical significance of the study lies in its applicability to academic courses in Oriental Studies, literary theory, and cultural studies, as well as in the training of specialists in Arabic language and literature. The article may also serve as a basis for future research into postcolonial thought and literary forms in Arabic prose.

Keywords: Gamal al-Ghitani, Arabic literature, historical allegory, Oriental studies, Egyptian prose, Sufism, postmodernism

For citation: Abdulbasirova R.A., Stoyanova N.I. Gamal al-Ghitani as a writer and historian. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 39 – 43.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Гемаль аль-Гитани (1945-2015) – один из наиболее значимых представителей арабской интеллектуальной прозы второй половины XX века. Его творчество отличается глубоким синтезом исторического, духовного и литературного измерений. Настоящая статья посвящена изучению историко-литературного метода аль-Гитани, с акцентом на романе «Аз-Зейни Баракат», в котором автор переосмысляет прошлое как зеркало политической и социальной действительности Египта XX века.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили художественные тексты Гемалья аль-Гитани, прежде всего роман «Аз-Зейни Баракат», а также критическая литература, посвящённая его творчеству. Методологической основой стали интертекстуальный анализ, элементы постколониальной критики и сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить параллели между нарративными структурами и политическим контекстом.

Результаты и обсуждения

Гемаль аль-Гитани занимает особое место в панораме арабской литературы второй половины XX века. Его тексты – это не просто произведения художественной прозы, а формы диалога с историей, духовной традицией и социокультурной реальностью Египта. Пройдя путь от репортера до культурного института, аль-Гитани сформировал собственный литературный язык, в котором эхо средневековых хроник звучит в унисон с тревогой его времени [1].

Родившись в одном из бедных кварталов Каира и пережив социальное давление на разных уровнях, он с ранних лет впитывал фрагменты культурной памяти, формируя из них плотную ткань художественного мира. Его сочинения не просто повествуют, но моделируют восприятие времени как многослойного феномена, где прошлое и настоящее сплетаются в поиске истины [3]. Исторические романы аль-Гитани, такие как «Аз-Зейни Баракат», раскрывают многослойную нарратив-

ную стратегию, в которой мистическая символика и социополитическая аллегория переплетаются. Он использует метафоры, укоренённые в исламской традиции, для критики авторитаризма, проводя параллели между слежкой эпохи мамлюков и реальностью египетского управления XX века. Эти исторические пласты не являются фоном, а формируют этическое и философское напряжение романа.

Как подчеркивает В.Н. Кирпиченко, писатель использует форму хроники не ради украшения, а как метод познания [5]. Аль-Гитани не просто реконструирует события, он моделирует восприятие времени, делая читателя сопричастным процессу осмысления истории. Его историческое воображение стремится не к идеализации, а к критическому переосмыслению, где прошлое становится зеркалом настоящего.

Гемаль аль-Гитани размышляет о судьбе Египта не в изоляции, а в контексте глобального культурного обмена. Он ощущает угрозу утраты самобытности в условиях глобализации, но в то же время признаёт необходимость диалога между Востоком и Западом. Его поездки за границу, участие в международных конференциях, в том числе в Узбекистане и СССР, нашли отражение в романе «Послание о любви и страсти», где культурный опыт становится основой для формирования новой идентичности [3]. Автор утверждает, что подлинная египетская идентичность формируется на пересечении локального и универсального, где суфизм, история и язык выступают носителями глубинного смысла. Это делает его произведения особенно актуальными в эпоху культурных трансформаций и поисков новых моделей гуманизма. С начала 1970-х годов аль-Гитани развивает особую стилистику, основанную на соединении традиционных жанров с постмодернистскими техниками. Его роман «Аз-Зейни Баракат» (1974) написан в форме хроники и наполнен аллюзиями на политическую ситуацию Египта 1960-70-х годов [4]. Влияние Махфуза, Джойса и Кафки очевидно, однако аль-Гитани создаёт оригинальный художе-

ственный мир, в котором прошлое становится метафорой настоящего [5].

Произведения аль-Гитани, включая «Книгу божественных откровений», демонстрируют глубокую связь с исламской мистикой. Суфийские идеи о постижении истины, духовной трансформации и сакральной природе языка становятся неотъемлемой частью его литературной философии [2]. В этом проявляется его стремление к восстановлению утраченной глубины человеческого опыта [8].

Роман «Аз-Зейни Баракат» можно рассматривать как политический палимпсест. Используя хронику XVI века Ибн Ийаса, аль-Гитани создает произведение, в котором эпоха мамлюков становится метафорой современной диктатуры. Через образ власти, языка и памяти он говорит о репрессиях, цензуре и разложении личности в условиях тоталитарного режима [6, 7].

Гемаль аль-Гитани сыграл значительную роль в формировании египетской литературной сцены: он был не только автором, но и культурным куратором, редактором и критиком. Его влияние прослеживается в творчестве молодых писателей, в обновлении жанров и в обогащении арабской прозы философским и историческим измерением [4].

Творчество Гемалья аль-Гитани представляет собой яркий пример синтеза традиции и модернизма, истории и современности, Востока и Запада. Его тексты важны не только как художественные произведения, но и как культурологические документы, фиксирующие состояние египетского общества второй половины XX века. Аль-Гитани стал голосом своей эпохи, способным соединить личное и историческое, частное и универсальное [5].

Аль-Гитани стал частью литературного движения 1960-70-х годов, стремившегося к освобождению арабской прозы от излишне идеологизированного реализма. Вместе с писателями «новой волны» он предложил переосмысление литературных форм, обращаясь к средневековому наследию как к ресурсу современного письма. В этом отношении его творчество можно сравнивать с движением неотрадиционализма, которое одновременно возрождает и обновляет формы классической арабской прозы [5]. Влияние Махфуза, Фолкнера и Джойса позволило аль-Гитани выйти за рамки привычного повествования, при этом не отказываясь от национальной идентичности и культурной памяти.

Язык аль-Гитани отличается высокой степенью архаизации и стилизации под классическую арабскую прозу. Он сознательно отказывается от разговорных форм, предпочитая литературный фусха, насыщенный аллюзиями, символами и цитатами

из средневековых источников. Хронотоп его романов также построен на смешении времён: повествование может вестись от лица хрониста XVI века, при этом адресоваться к реалиям XX века. Такая игра с временем и пространством позволяет ему создавать полифоничный, насыщенный смыслом текст, где историческое неразрывно связано с экзистенциальным [2, 4].

В текстах аль-Гитани широко используется интертекстуальность: он отсылается к Корану, суфийским трактатам, хроникам, работам Ибн Хальдуна, а также к европейским модернистам. Это создаёт многослойную структуру, в которой каждый уровень текста раскрывает всё более глубокие смыслы. Символика власти, зеркал, слепоты, двойничества – часто встречающиеся мотивы в его произведениях. Так, образ Аз-Зейни Бараката интерпретируется как фигура тотального контроля, лишённого человеческого измерения [6, 7].

Интерес аль-Гитани к истории выходит за рамки литературной стилизации. Он выступает как исследователь, стремящийся воссоздать не только внешние контуры эпохи, но и ментальные структуры прошлого. В его романах внимание к деталям, к быту, к риторике исторических источников придаёт повествованию убедительность. Как подчеркивает В.Н. Кирпиченко, писатель использует форму хроники не ради украшения, а как метод познания [5]. Аль-Гитани не просто реконструирует события, он моделирует восприятие времени, делая читателя сопричастным процессу осмысления истории. Его историческое воображение стремится не к идеализации, а к критическому переосмыслению, где прошлое становится зеркалом настоящего.

Гемаль аль-Гитани размышляет о судьбе Египта не в изоляции, а в контексте глобального культурного обмена. Он ощущает угрозу утраты самобытности в условиях глобализации, но в то же время признаёт необходимость диалога между Востоком и Западом. Его поездки за границу, участие в международных конференциях, в том числе в Узбекистане и СССР, нашли отражение в романе «Послание о любви и страсти», где культурный опыт становится основой для формирования новой идентичности [3]. Автор утверждает, что подлинная египетская идентичность формируется на пересечении локального и универсального, где суфизм, история и язык выступают носителями глубинного смысла. Это делает его произведения особенно актуальными в эпоху культурных трансформаций и поисков новых моделей гуманизма.

Исторические романы аль-Гитани, такие как «Аз-Зейни Баракат», раскрывают многослойную нарративную стратегию, в которой мистическая

символика и социополитическая аллегория переплетаются. Он использует метафоры, укоренённые в исламской традиции, для критики авторитаризма, проводя параллели между слежкой эпохи мамлюков и реальностью египетского управления XX века. Эти исторические пласты не являются фоном, а формируют этическое и философское напряжение романа.

Кроме того, обращение аль-Гитани к суфийской философии обогащает его литературный стиль. Он черпает вдохновение у таких фигур, как Ибн Араби, превращая метафизические концепты в нарративные приёмы. Путешествие по внутренним духовным состояниям становится литературным инструментом осмысления коллективной исторической травмы. Таким образом, он не только возрождает классическую арабскую эстетику, но и

инноватирует в её рамках, превращая свою прозу в пространство культурной устойчивости и эстетического сопротивления.

Выводы

Это сложное взаимодействие нарративной структуры, историографии и духовной философии позволяет рассматривать Гемаль аль-Гитани как ключевую фигуру модернизации арабской прозы. Его тексты бросают вызов традиционным границам жанра и идеологии, предлагая многослойное, этически насыщенное прочтение истории. Его представление о литературе как о средстве памяти и трансформации сближает его с более широкими постколониальными течениями и подчёркивает его продолжающуюся актуальность в современном арабском мышлении.

Список источников

1. Ахмед Х.Л. Политическая метафора в романе «Аз-Зейни Баракат» Гемалья аль-Гитани // Вестник Востоковедения. 2021. № 3. С. 25 – 39.
2. Абдель-Мегид А. История и метафора в арабском романе. Каир: Дар аль-Шурук, 1998. 212 с.
3. Аль-Хадждадж С. Суфийская традиция в современной арабской прозе // Арабский мир в зеркале литературы. Александрия, 2002. С. 87 – 103.
4. Кирпиченко В.Н. История египетской литературы XIX-XX веков. Москва: Восточная литература, 2003. 478 с.
5. Хусейн А. Литературная метафора и политика // Журнал Ближнего Востока. 2020. Т. 15. № 2. С. 66 – 81.
6. Юсеф А. Мистицизм и язык в прозе Гемалья аль-Гитани // Исламская культура. 2022. № 1. С. 49 – 58.
7. Шахат М. Власть и литература в арабском мире. Каир: Дар аль-Хиляль, 1997. 189 с.
8. Аббас Р. Интертекстуальность в египетской постмодернистской прозе // Восток: Афро-Азиатские общества. 2023. № 4. С. 14 – 27.
9. Аль-Ясир Ф. Символика и стиль в арабской прозе. Дамаск: Университет аль-Баас, 2003. 203 с.
10. Гусейн С. Историческая реконструкция и авторская идентичность в романе «Аз-Зейни Баракат» // Научные исследования Ближнего Востока. 2024. Т. 18. № 1. С. 92 – 105.

References

1. Ahmed H.L. Political Metaphor in the Novel "Az-Zeini Barakat" by Gemal al-Gitani. Bulletin of Oriental Studies. 2021. No. 3. P. 25 – 39.
2. Abdel-Meguid A. History and Metaphor in the Arabic Novel. Cairo: Dar al-Shuruk, 1998. 212 p.
3. Al-Hajjaj S. Sufi Tradition in Modern Arabic Prose. The Arab World in the Mirror of Literature. Alexandria, 2002. P. 87 – 103.
4. Kirpichenko V.N. History of Egyptian Literature of the XIX-XX Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 478 p.
5. Hussein A. Literary Metaphor and Politics. Journal of the Middle East. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 66 – 81.
6. Yousef A. Mysticism and Language in the Prose of Gemal al-Gitani. Islamic Culture. 2022. No. 1. P. 49 – 58.
7. Shahat M. Power and Literature in the Arab World. Cairo: Dar al-Hilal, 1997. 189 p.
8. Abbas R. Intertextuality in Egyptian Postmodern Prose. East: Afro-Asian Societies. 2023. No. 4. P. 14 – 27.
9. Al-Yasir F. Symbolism and Style in Arabic Prose. Damascus: al-Baath University, 2003. 203 p.
10. Guseyn S. Historical reconstruction and author's identity in the novel "Az-Zeyni Barakat". Scientific studies of the Middle East. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 92 – 105.

Информация об авторах

Стоянова Н.И., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

Абдулбасирова Р.А., Дагестанский государственный университет

© Стоянова Н.И., Абдулбасирова Р.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.111.371

Ассоциативно-корпусный анализ слова «топ-менеджер»

¹ Гаврилович И.А.,

¹ Смоленский государственный университет

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу лексемы топ-менеджер в русском языке, объединяющему ассоциативный эксперимент и корпусные данные. Цель исследования – выявить соотношение между субъективным восприятием носителей языка и нормативными контекстами употребления слова. Методология включает психолингвистический эксперимент с участием 239 реципиентов и анализ 20 контекстов из основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Результаты эксперимента показали доминирование семантических компонентов статус, управленческие функции, финансовая ответственность. В корпусных данных акцентируется профессиональная роль, тогда как эмоционально-оценочные коннотации проявляются преимущественно в медийных текстах. Сопоставление выявило различие: респонденты связывают слово с материальным успехом, а корпусные контексты фокусируются на функциональных аспектах деятельности. Установлено, что лексема закрепились как многокомпонентный концепт с устойчивым ядром (статус + функции) и вариативными коннотациями, отражающими социальные стереотипы. Результаты исследования вносят вклад в изучение русского языка, демонстрируя, как заимствованные термины адаптируются в языковом сознании через взаимодействие когнитивных и социальных факторов.

Ключевые слова: заимствования, НКРЯ, ассоциативный эксперимент, корпусный анализ, психолингвистическое значение

Для цитирования: Гаврилович И.А. Ассоциативно-корпусный анализ слова «топ-менеджер» // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 44 – 49.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Associative-corpus analysis of the word "top manager"

¹ Gavrilovich I.A.,

¹ Smolensk State University

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the top manager lexeme in Russian, combining an associative experiment and corpus data. The purpose of the study is to identify the relationship between the subjective perception of native speakers and the normative contexts of word usage. The methodology includes a psycholinguistic experiment involving 239 recipients and an analysis of 20 contexts from the National Corpus of the Russian Language. The results of the experiment showed the dominance of the semantic components of status, managerial functions, and financial responsibility. The corpus data emphasizes the professional role, while emotional and evaluative connotations are manifested mainly in media texts. The comparison revealed a difference: respondents associate the word with material success, while corpus contexts focus on functional aspects of activity. It is established that the lexeme has become fixed as a multicomponent concept with a stable core (status + functions) and variable connotations reflecting social stereotypes. The results of the study contribute to the study of the Russian language by demonstrating how borrowed terms are adapted in the linguistic consciousness through the interaction of cognitive and social factors.

Keywords: borrowings, RNC, associative experiment, corpus analysis, psycholinguistic meaning

For citation: Gavrilovich I.A. Associative-corpus analysis of the word "top manager". Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 44 – 49.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Процесс заимствования иноязычной лексики занимает центральное место в динамике развития русского языка, выполняя функцию номинации новых реалий, возникающих в условиях технологического прогресса, экономических трансформаций и культурного взаимодействия. Особый интерес представляет анализ таких лексем, которые, будучи частью профессиональных и медийных дискурсов, одновременно формируют специфические ассоциативные поля.

В современной лингвистической науке исследование механизмов лексического обогащения языка через заимствования сохраняет свою актуальность в контексте глобальных социокультурных трансформаций. Центральным фактором этого процесса выступает необходимость номинации новых предметов и явлений. Особый интерес представляет анализ того, как иноязычные элементы адаптируются в системе языка-реципиента, формируя не только словарные дефиниции, но и сложные семантико-ассоциативные комплексы в сознании носителей.

Актуальность исследования обусловлена высоким интересом к изучению заимствованной лексики в условиях динамичных социально-экономических трансформаций. Слово топ-менеджер, будучи элементом современного делового дискурса, отражает не только реалии корпоративной иерархии, но и социокультурные стереотипы, связанные с восприятием управленческой элиты.

Данное исследование фокусируется на сопоставительном анализе восприятия лексемы топ-менеджер носителями русского языка и ее функционирования в текстах основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru, дата обращения 14.03.2025), что позволяет выявить соотношение нормативного и субъективно-ассоциативного аспектов значения.

В современных лингвистических исследованиях, посвященных лексическому обогащению языка, исследователи неизбежно обращаются к феномену заимствований, выступающему важным элементом языковой динамики. Проникновение иноязычных единиц в русский язык, обусловленное необходимостью номинации новых реалий, представляет сложный процесс, сочетающий в себе социокультурные, когнитивные и психологические аспекты. Анализ данного явления требует междисциплинарного подхода, объединяющего традиционные лингвистические методы с психо-

лингвистическими, что особенно актуально при изучении семантики и ассоциативного потенциала новых слов в русском языке.

Исторический контекст активизации заимствований в русском языке демонстрирует прямую связь между геополитическими трансформациями и лексическими инновациями. Интенсивность проникновения неологизмов в русский язык достигла пика в 1990-е годы, что связано с распадом СССР и интеграцию России в глобальное экономическое пространство. Введение в обиход терминов, например топ-менеджер, отражало не только потребность в обозначении ранее отсутствовавших социальных ролей, но и символизировало разрыв с советской экономической парадигмой. В.Г. Костомаров указывает на идеализацию западных, прежде всего американских, социокультурных стандартов как ключевой мотив заимствования [3].

Л.П. Крысин подчеркивает, что заимствования часто выполняют не только номинативную, но и символическую функцию, отражая стремление говорящих к идентификации с престижными социальными группами или культурными моделями [4]. Данный феномен получает дополнительное измерение в контексте этнической идентичности. По наблюдениям Т.Г. Стефаненко, ослабление связи с национальными культурными кодами компенсируется символическим приобщением к иноязычному дискурсу, где заимствованное слово становится «языковым фетишем» прогрессивности [9].

Однако лингвистический анализ заимствований не может ограничиваться изучением их формальных характеристик. Как подчеркивает А.А. Залевская, важнейшую роль играет взаимодействие языка с когнитивными процессами, где значение слова формируется через ассоциативные связи, актуализируемые в индивидуальном и коллективном сознании [2]. Эта позиция находит отражение в работах А.А. Леонтьева, И.А. Стернина и А.В. Рудаковой, которые рассматривают восприятие лексики как результат сложного взаимодействия языковых норм, личного опыта и культурных установок [5, 8].

Ключевым для данного исследования является разграничение словарного и психолингвистического значения, предложенное И.А. Стерниным. Если первое представляет собой кодифицированную норму, зафиксированную в лексикографических источниках, то второе формируется в индивидуальном сознании как динамическая структура,

объединяющая ядерные и периферийные семантические компоненты [7]. В случае с заимствованными единицами, такими как топ-менеджер, это проявляется особенно ярко: словарное значение, сводящееся к ведущему менеджеру [1], вступает в сложное взаимодействие с коннотациями, порожаемыми медийным дискурсом, корпоративной культурой и личным опытом носителей языка.

Концепция психолингвистического значения, описанная И.А. Стерниным, предлагает методологическую основу для изучения подобных семантических наслоений. Автор определяет его как «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [7]. Это определение подразумевает, что восприятие лексемы топ-менеджер будет варьироваться в зависимости от социального опыта реципиента.

Синтез ассоциативного и корпусного подходов открывает новые перспективы для изучения заимствованной лексики, позволяя сопоставить декларируемые значения с реальными практиками употребления. Как подчеркивает И.А. Стернин, именно в зоне пересечения индивидуальных ассоциаций и коллективного языкового опыта формируется живое значение слова, определяющее его место в языковой системе [7].

Материалы и методы исследований

Методология исследования базируется на принципах, разработанных И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой, которые определяют психолингвистическое значение как упорядоченное единство всех семантических компонентов, актуализируемых в сознании носителей языка [8]. Для количественной оценки данных ассоциативного эксперимента используются индексы яркости (ИЯ) и совокупный индекс яркости (СИЯ), позволяющие ранжировать семы по степени их значимости для респондентов.

Таким образом, исследование заимствованной лексики через призму ассоциативно-корпусного анализа позволяет не только описать механизмы ее интеграции в языковую систему, но и реконструировать социокультурные процессы, определяющие динамику языкового сознания. Подобный подход соответствует современным тенденциям лингвистики, где язык рассматривается как зеркало коллективного менталитета, а каждое лексическое заимствование становится точкой пересечения лингвистических, психологических и социальных факторов.

Результаты и обсуждения

Ассоциативный эксперимент

Для выявления семантического значения слова топ-менеджер в сознании носителей русского язы-

ка был проведен свободный ассоциативный эксперимент с участием 239 реципиентов старше 18 лет, имеющих средне-специальное или высшее образование. В результате получено 230 реакций (7 отказов, 3% от общего числа). Среди 93 уникальных реакций 61 оказалась единичной. Наиболее частотные ассоциации: руководитель 20, управление 17, ответственность 9, руководство 9, начальник 8. Реакции демонстрируют доминирование концептов, связанных с управленческой иерархией, финансовыми целями и профессиональной компетенцией. Например, ассоциация стратегия 6 отражает связь с планированием, а прибыль 6 – с экономической направленностью деятельности.

Семантическая интерпретация материалов эксперимента

На основе ассоциативного материала провели семантическую интерпретацию ассоциативного поля слова топ-менеджер и выделили 6 основных значений.

1. Высокий управленческий статус (СИЯ 95)

Руководящая должность 64 (руководитель 20, начальник 8, босс 5, директор 5, главный 5, управляющий 4, ведущий специалист 3, декан 2, администрация 1, ведущий менеджер 1, глава 1, главбух 1, главврач 1, главред 1, заведующий 1, завуч 1, полковник 1, главный менеджер 1, главный руководящий в среднем сегменте 1, управленец 1) сфера деятельности 31 (продажи 5, бизнес 3, компании 3, фирмы 3, по продажам 2, проект 2, среднего звена 2, в магазине 1, Газпром 1, Газпрома 1, Евросеть 1, компании 1, корпорация 1, озона 1, Эльдорадо 1, IT 1, реклама 1, по соцсетям 1).

2. Управленческие функции (СИЯ 71)

Организация процессов 48 (управление 17, руководство 9, контроль 7, стратегия 6, план 3, концепция 2, мотивация 2, концепт 1, координатор 1), работа с командой 22 (менеджер 7, работа 6, команда 6, исполнитель 1, оператор 1, офис 1), и клиентами 1 (клиент 1).

3. Финансовая ответственность и результативность (СИЯ 28)

Достижение прибыли 19 (прибыль 6, деньги 2, стратег 2, бонус 1, доход 1, зарплата 1, итог 1, продавец 1, развитие 1, рост 1, суперпродавец 1, торговец 1) ответственность 9 (ответственность 9).

4. Профессиональные качества (СИЯ 19)

Лидерские навыки 13 (лидер 7, профессионал 1, лучший 1, лучший в своей сфере 1, первый 1, рулящий 1, совершенный 1), опыт и карьера 6 (карьера 2, менеджмент 1, профессия 1, специалист 1, капиталист 1).

5. Персонализация (СИЯ 7)

Персонализация 7 (Миллер 1, Соколов 1, Саша 1, это я 1, я 1, семья 1).

6. Коннотативные оценки (СИЯ 7)

Позитивная оценка 5 (класс 1, крутой 1, молодец 1, топовый 1, топ 1), негативная оценка 1 (банкрот 1), презентабельный внешний вид 1 (белая рубашка 1).

Неинтерпретируемые реакции: урожай 1, рал-гра 1, посмотреть 1.

Контекстуальный анализ лексемы топ-менеджер

С целью систематизации смысловых компонентов, входящих в семантическую структуру лексемной единицы топ-менеджер, а также для уточнения и расширения эмпирической базы исследования, был проведен контекстуальный анализ ее употребления в публицистических, официальных и художественных текстах современного периода. В качестве источника данных использовались материалы основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка.

Для обеспечения репрезентативности выборки из каждого подкорпуса было отобрано по 10 текстовых фрагментов, содержащих целевую лексику. Последующая процедура контекстуального анализа позволила идентифицировать устойчивые семантические компоненты, формирующие значение исследуемого термина. Количественное распределение выявленных смысловых акцентов отражено в скобках.

1. Лицо, занимающее высшую управленческую должность в организации (8)

- «Руководит этой группой и проектом в целом Василий Бровко – основатель агентства “Апостол”, топ-менеджер “Ростеха” и муж Тины Канделаки» [Полина Волохова. История России в станках: как будет выглядеть новый промышленный музей в Туле (2017.11) // Афиша Daily, 2017].

- «Соответствующее предложение “Онэксим” направил в Citibank... подтвердил топ-менеджер крупной медиакомпания» [Коротко // «Эксперт», 2014].

- «Как топ-менеджер, Глеб имел право входа в любое помещение “ДиКСи”» [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)].

- «Компания, созданная бывшим топ-менеджером “Лукойла”, начала инвестировать в склады», «Другой бывший топ-менеджер “Лукойла” – Александр Раппопорт...» [Компания, созданная бывшим топ-менеджером «Лукойла», начала инвестировать в склады // Ведомости, 2021.12.14]

- «Совладельцы “Русской энергии” ... бывший топ-менеджер А1 Андрей Тясто» [Зачем Мордашов продает Троценко угольный бизнес // Ведомости, 2021.12.02].

- «...говорит топ-менеджер одного из холдингов ОПК» [Оборонная промышленность может быть признана в ЕС социально вредной // Ведомости, 2021.12.01].

- «...отметил топ-менеджер» [ВТБ ожидает роста интереса граждан к IPO на 60% при отмене НДФЛ на доходы от продажи акций // Ведомости, 2021.11.30].

2. Осуществление стратегических и управленческих функций (7)

- «Прямых обязывающих документов... нет, но спрос... предусматривает требование к локализации. Поэтому, говорит топ-менеджер...» [Ирик Имамудинов. Совсем не русский бизнес // «Эксперт», 2015].

- «Надеемся, что “Ласточки” будут курсировать во всех уголках страны», – говорит топ-менеджер РЖД» [Надежда Мерешко. Немцы доехали до Москвы // «Эксперт», 2014].

- «Мы уже инвестировали в Россию около 30 миллионов франков...», – говорит топ-менеджер Sika» [Алексей Хазбиев. Швейцарцы верят в российскую стройку // «Эксперт», 2014].

- «Сегодня запасы газа на Украине составляют менее 14 млрд кубометров...», – сказал топ-менеджер» [Миллер предупредил о снижении запасов газа в ПХГ Украины до исторического минимума // Ведомости, 2021.12.29].

- «Размер рассматриваемого сейчас МГД топ-менеджер назвать отказался» [ЕАБР поможет найти деньги на строительство автотрассы «Меридиан» // Ведомости, 2021.12.02]

- «...уверен топ-менеджер» [Оборонная промышленность может быть признана в ЕС социально вредной // Ведомости, 2021.12.01].

- «...можно обеспечить за счет дополнительных вычетов по налогу... отметил топ-менеджер» [ВТБ ожидает роста интереса граждан к IPO на 60% при отмене НДФЛ на доходы от продажи акций // Ведомости, 2021.11.30].

3. Ассоциации с конкретными компаниями или публичными лицами (7)

- «...топ-менеджер “Ростеха” и муж Тины Канделаки» [Полина Волохова. История России в станках: как будет выглядеть новый промышленный музей в Туле (2017.11) // Афиша Daily, 2017].

- «...говорит топ-менеджер РЖД» [Надежда Мерешко. Немцы доехали до Москвы // «Эксперт», 2014].

- «...говорит топ-менеджер Sika» [Алексей Хазбиев. Швейцарцы верят в российскую стройку // «Эксперт», 2014].

- «Топ-менеджер предупредил, что Киев будет настаивать на введении санкций...» [Миллер предупредил о снижении запасов газа в ПХГ Украины до исторического минимума // Ведомости, 2021.12.29].

- «Компания, созданная бывшим топ-менеджером “Лукойла” ...» [Компания, созданная бывшим топ-менеджером «Лукойла», начала инвестировать в склады // Ведомости, 2021.12.14].

- «...говорит топ-менеджер ОПК» [Оборонная промышленность может быть признана в ЕС социально вредной // Ведомости, 2021.12.01].

- «...бывший топ-менеджер А1 Андрей Тясто» [Зачем Мордашов продает Троценко угольный бизнес // Ведомости, 2021.12.02].

4. Стереотипные и негативные контексты (3)

- «Дай им волю, они вообще всю Землю заповедником объявят!», – в сердцах бросил топ-менеджер...» [Борис Жуков. Пределы заповедности // «Знание-сила», 2014].

- «По версии следствия, в 2017 г. топ-менеджер дала Носову... взятку Главу банка БКФ арестовали по подозрению в даче крупной взятки // Ведомости, 2021.12.17].

- «Но я-то пришел с тобой... топ-менеджер ты с****й» [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)].

5. Лидерские качества и профессиональная компетентность (2)

- «Но даже если она топ-менеджер, незаменимый сотрудник, достойный представитель среднего класса...» [О.А. Славникова. 2017 (2017)].

- «Просто банкир или успешный топ-менеджер Леонид Меламед...» [В тисках венчура и наноиндустрии // «Эксперт», 2015].

Выводы

Проведенное исследование семантики лексемы топ-менеджер выявило сложную структуру ассоциативного поля и контекстуальных употреблений, отражающую социальные, профессиональные и эмоционально-оценочные аспекты восприятия данной категории в современном русскоязычном дискурсе.

Основной семантический компонент связан с управленческим статусом (СИЯ 95), что подтверждается корпусными примерами, где топ-менеджер однозначно идентифицируется как лицо, занимающее высокую должность в организации. Однако, в отличие от текстов в СМИ и художественной литературе, ассоциации реципиентов расширяют семантику данного термина, связывая его не только с руководителем в сфере торговли, бизнеса, крупных частных и государственных

корпораций, но и с наименованиями должностей из медицины, учебных заведений: главврач, заведующий, декан, завуч и т.д. Управленческие функции (СИЯ 71) также занимают центральное место, что подчеркивает роль топ-менеджера как ключевого сотрудника в реализации корпоративных целей.

В ассоциативном поле значимую роль играет финансовая ответственность и результативность (СИЯ 28), связанная с достижением прибыли и ответственностью за экономические итоги. Это значение сочетается с корпусными данными, где акцент делается на стратегические решения и публичные высказывания топ-менеджеров, влияющие на бизнес-процессы. Профессиональные качества (СИЯ 19) менее частотны в корпусе, но остаются важным элементом образа, подчеркивая связь статуса с личностными характеристиками (незаменимый сотрудник, успешный).

Наличие позитивных и негативных элементов демонстрирует двойственное восприятие топ-менеджеров в обществе исходя из жизненного опыта, стереотипах. Ассоциативная категория персонализация (СИЯ 7) и частые упоминания конкретных компаний («Ростех», «Лукойл») в НКРЯ подчеркивают, что образ топ-менеджера не абстрактен, а связан с публичными фигурами и известными организациями. Несколько реципиентов ответили реакциями я, это я, исходя из личного опыта.

Анализ выявил неполное совпадение ассоциативных реакций и корпусных данных. Например, в ассоциациях акцентируется финансовая ответственность, тогда как в корпусе доминируют управленческие функции. Это может свидетельствовать о том, что обыденное сознание связывает топ-менеджера с материальным успехом, тогда как медийный дискурс фокусируется на его функциональной роли.

Можно говорить о том, что заимствование топ-менеджер закрепилось в русском языке как многокомпонентный концепт, отражающий не только профессиональные реалии (управление, прибыль, стратегия), но и социальные стереотипы. Его семантика сочетает устойчивое ядро (статус + функции) с вариативными коннотациями, что характерно для неологизмов деловой лексики.

Полученные данные вносят вклад в изучение русского языка, демонстрируя, как заимствованные термины адаптируются в языковом сознании через взаимодействие когнитивных и социальных факторов.

Список источников

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // academic.ru: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 25.02.2025)
2. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 31 – 42.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб: Изд-во «Златоуст», 1999. 310 с.
4. Крыси Л.П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
6. Национальный корпус русского языка. 2003-2025. [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 25.02.2025)
7. Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. 247 с.
8. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. «Ламберт», 2011. 192 с.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.

References

1. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. [Electronic resource]. academic.ru: [site]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (date of access: 02.25.2025)
2. Zalevskaya A.A. Psycholinguistic approach to the analysis of linguistic phenomena. Issues of Linguistics. 1999. No. 6. P. 31 – 42.
3. Kostomarov V.G. Language taste of the era. From observations of speech practice of the mass media. St. Petersburg: Publishing house "Zlatoust", 1999. 310 p.
4. Krysi L.P. Russian word, your own and someone else's. Research in the modern Russian language and sociolinguistics. M.: Languages of Slavic Culture, 2004. 883 p.
5. Leontiev A.A. Fundamentals of Psycholinguistics. M.: Smysl, 1997. 287 p.
6. National Corpus of the Russian Language. 2003-2025. [Electronic resource]. URL: ruscorpora.ru (date of access: 02/25/2025)
7. Sternin I.A. Concept and Meaning: What Kind of Consciousness Do They Belong to? Voronezh: Istok Publishing House, 2005. 247 p.
8. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psycholinguistic Meaning of a Word and Its Description. Lambert, 2011. 192 p.
9. Stefanenko T.G. Ethnopsychology. M: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, "Academic Project", 1999. 320 p.

Информация об авторе

Гаврилович И.А., Смоленский государственный университет, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, Jupiter00777@yandex.ru

© Гаврилович И.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 821.892.09

Формирование фразеологического фонда: влияние традиций, обычаев и окружающей реальности на формирование фразеологического пласта даргинского языка

¹ Гаджиева С.М.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию механизмов формирования фразеологического пласта даргинского языка под влиянием традиционной культуры, социальных норм и этнокультурных представлений даргинского народа. Целью работы является выявление и систематизация факторов, определяющих специфику даргинской фразеологии, а также анализ отражения менталитета, быта и окружающей реальности в устойчивых фразеологических конструкциях. Задачи исследования включают описание ключевых тематических групп фразеологизмов (животные, природные явления, семейные и общественные ценности), выявление символических образов, распространённых в даргинской языковой картине мира, и рассмотрение заимствованных фразеологизмов как свидетельства межкультурных контактов.

Ключевые слова: даргинский язык, фразеология, этнолингвистика, традиции, заимствования, метафора

Для цитирования: Гаджиева С.М. Формирование фразеологического фонда: влияние традиций, обычаев и окружающей реальности на формирование фразеологического пласта даргинского языка // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 50 – 53.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Formation of the phraseological fund: the influence of traditions, customs, and the surrounding reality on the formation of the phraseological layer of the Dargin language

¹ Gadzhieva S.M.,

¹ Dagestan State University

Abstract: this article is devoted to the study of the mechanisms behind the formation of the phraseological layer of the Dargin language under the influence of traditional culture, social norms, and ethnocultural representations of the Dargin people. The aim of the work is to identify and systematize the factors that determine the specifics of Dargin phraseology, as well as to analyze the reflection of the mentality, everyday life, and surrounding reality in stable phraseological constructions. The research tasks include the description of key thematic groups of phraseological units (animals, natural phenomena, family and social values), the identification of symbolic images widespread in the Dargin linguistic worldview, and the examination of borrowed phraseological units as evidence of intercultural contacts.

Keywords: the Dargin language, phraseology, ethnolinguistics, traditions, borrowings, metaphor

For citation: Gadzhieva S.M. Formation of the phraseological fund: the influence of traditions, customs, and the surrounding reality on the formation of the phraseological layer of the Dargin language. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 50 – 53.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Фразеология является одним из ярчайших отражений культуры, мировоззрения и образа жизни народа. Устойчивые словосочетания, пословицы, идиомы и поговорки представляют собой не только языковое, но и культурное наследие, в котором концентрируется коллективный опыт, система ценностей и символический мир этноса. Через фразеологизмы язык фиксирует традиционные представления о добре и зле, моральных нормах, социальной иерархии, трудовой деятельности, природной среде, а также религиозных и ритуальных практиках. Таким образом, фразеология становится своеобразной энциклопедией национального менталитета, позволяющей глубже понять внутренний мир носителей языка [10].

Фразеологический фонд каждого языка складывается под влиянием исторических, социальных, культурных, а также экологических факторов, которые формируют уникальный образ мышления и речевую картину мира. Особенно ярко это проявляется в языках народов с богатой традиционной культурой, одним из которых является даргинский язык. Даргинский язык, входящий в группу нахско-дагестанских языков, отличается глубокой этнолингвистической насыщенностью и наличием множества фразеологических единиц, отражающих как повседневную жизнь, так и духовную сферу даргинского народа.

В данной статье рассматриваются основные направления формирования фразеологического фонда даргинского языка. Особое внимание уделяется роли традиций, обычаев, трудового уклада, природных реалий, а также процессов языкового взаимодействия и заимствований в формировании устойчивых выражений. Анализ фразеологии даргинского языка позволяет выявить особенности мышления и ценностных ориентиров, присущих даргинскому этносу, а также способствует более глубокому пониманию его культурной самобытности [7].

Материалы и методы исследований

В данной статье методы исследования представлены лингвокультурологическим и семантико-стилистическим анализом фразеологических единиц, извлечённых из фольклора, разговорной речи и письменных источников.

Результаты и обсуждения

Фразеологизмы и культурные коды

Традиционные патриархальные нормы даргинского общества находят яркое и многостороннее отражение во фразеологической системе языка.

Эти нормы формировались веками под влиянием устоев горского уклада жизни, клана, семьи и общины, где особое значение придавалось чести, достоинству и безупречной репутации как отдельного человека, так и его рода. Понятия «лицо», «имя», «чистота рода» находят своё выражение в устойчивых оборотах речи, служащих маркерами социального контроля и оценки поведения. Например, фразеологизм «халкълис цлахкайэс» (буквально: «опозориться на людях») указывает не просто на личную неловкость или проступок, а на публичное нарушение норм, которое бросает тень на всю семью и подрывает её положение в глазах общества. В даргинской культуре человек не воспринимается как изолированная личность, он тесно связан с семьёй, родом, селением [9]. Поэтому любые действия, отклоняющиеся от ожидаемого поведения, рассматриваются в контексте коллективной ответственности. Подобные выражения демонстрируют коллективистский характер даргинского этнического самосознания, где общественное мнение и моральная оценка играют ведущую роль в регуляции поведения. Фразеология таким образом не просто отражает социальные установки, но и выполняет нормативную функцию, служа средством воспитания и передачи моральных ориентиров от поколения к поколению.

Фразеологизмы «жан ах1ерх1едариб», «жан кадихъиб» (букв. «отдал душу») отражают самоотверженность и готовность к жертве, в то время как «хъулчи буциб» (букв. «держит фундамент») символизирует поддержку семьи как основы общества.

Описательные образы и метафоры.

Широко распространены сравнения с животными и птицами: «дубурла лачин» (горный сокол) – смелый человек; «арцла къакъбагъуна» (как серебряная куропатка) – красивая девушка. Такие фразеологизмы строятся на фольклорных представлениях и символизме.

Интересен и образ ишака: «эмх1еван кайзурли» – «как ишак стоит», описывает капризного человека; «эмх1еван узуси» – «работает как ишак», подчёркивает трудолюбие. Волк (бец1) – ещё один многозначный символ: от мужества («бец1ла дурх1я» – волчье дитя) до отрицательной ассоциации с опасным окружением («буц1ала ургав сай» – среди волков находится).

Природные реалии и трудовая жизнь

Фразеологизмы с компонентами «камень» и «сталь» («урк1ила мерлаб къаркъа», «шандайзирад ах1и ц1а ках1едулхъа») подчёркивают крепость

характера, непоколебимость. Эти выражения укоренены в трудовой и природной действительности даргинцев, связанной с сельским хозяйством, выживанием в горных условиях [2].

Эмоционально-оценочные конструкции

Фразеологизмы используются для выражения эстетических и эмоциональных оценок: «ахъ дубурла гул вава» – «высокогорный цветок» – образ красавицы; «цIяб дуги алкун чирагъ» – «зажжённая лампа в тёмной ночи» – про любимого человека.

Фразеологизмы могут выражать и отрицательные характеристики: «сунес сай халаси» – «сам себе большой» (гордый), «эрхIибси адам» – «гнилой человек», «яxI агар эмхIе» – «безвольный ишак» (грубая негативная характеристика).

Влияние заимствований

Даргинский язык вобрал в себя значительное количество заимствований, особенно из арабского, персидского и русского языков, что обусловлено как историческими контактами, так и социально-культурными процессами в регионе. Эти заимствования охватывают не только лексику, но и проникли в образный пласт языка – в том числе во фразеологию, где они приобрели самостоятельное значение и стали частью языковой нормы [3]. Особенно активно заимствования стали входить в обиход в советский период, когда усилилось влияние русского языка через образование, СМИ и административную сферу.

Так, выражение «патифонван къалабали гъайухъун» (буквально: «говорит как патифон») используется для характеристики человека, много и однообразно говорящего, и является примером креативного использования заимствованного слова в фразеологической конструкции. Подобным образом работает выражение «пятеркабала къап» (букв. «мешок с пятёрками»), которое может обозначать чрезмерно хвастливого ученика или человека, постоянно подчёркивающего свои успехи. В фразеологизме «патиранти кадикили сари» (досл. «старик, не способный ухаживать за собой») проявляется ироничное отношение к пожилому человеку, потерявшему жизненный тонус. Такие примеры свидетельствуют о том, что заимствованные слова не только ассимилируются фонетически и морфологически, что типично для дагестанских языков, но и органично вплетаются в систему образов и оценок, формируя новые культурные смыслы в рамках традиционной даргинской картины мира [6].

В результате исследовательской работы были отобраны и проанализированы даргинские фразеологические единицы, которые отражают специфику и уникальность мышления даргинского

народа и его языковой картины мира.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в преподавании даргинского языка, при составлении учебных и справочных материалов (в частности, фразеологических словарей), а также в межкультурной коммуникации и этнолингвистических исследованиях. Работа может служить теоретической и эмпирической основой для дальнейшего изучения фразеологизмов кавказских языков в сопоставительном аспекте.

Выводы

Фразеологизмы даргинского языка демонстрируют тесную и многоплановую связь языка с культурой, образом мышления и укладом жизни его носителей. Устойчивые выражения и обороты речи становятся своеобразным зеркалом, в котором отражаются как исторические реалии, так и ментальные установки даргинского народа [8]. Через фразеологизмы проявляются глубинные ценности традиционного общества: уважение к старшим, патриархальная семейная иерархия, коллективизм, высокая значимость чести, родовых связей и моральных норм. Эти выражения часто несут в себе не только лексическое, но и ценностно-смысловое содержание, воспроизводя образы, символы и метафоры, укоренённые в повседневной и духовной жизни даргинцев.

Особое место в фразеологической системе занимает отражение трудовой деятельности, сельского быта, природных условий жизни в горной местности. Яркие и меткие сравнения, основанные на наблюдении за животными, природой, поведением человека, формируют своеобразную народную философию, которая передаётся от поколения к поколению [4]. Вместе с тем язык не остаётся статичным: заимствования из арабского, персидского и особенно русского языков вносят в фразеологический фонд элементы новизны, отражая процессы культурного и языкового взаимодействия. Эти заимствования не просто механически включаются в язык, а проходят адаптацию, обретают новое, часто ироничное или сатирическое значение, становясь полноценной частью фразеологического пласта [5].

Таким образом, фразеология даргинского языка представляет собой уникальное сплетение традиционного и современного, локального и заимствованного, устойчивого и динамичного [1]. Её изучение открывает широкие перспективы для этнолингвистического анализа, позволяя глубже понять особенности даргинского мировоззрения, национального характера, системы ценностей и средств выражения. Кроме того, практическое значение такого исследования заключается в воз-

возможности его использования для дополнительных исследований в образовательной сфере – при составлении учебных пособий, в преподавании национальных языков, лингвокультурологии, при подготовке переводчиков и филологов. Работа

также способствует сохранению и популяризации культурного наследия даргинского народа, что особенно важно в условиях глобализации и угрозы утраты малых языков и уникальных этнических традиций.

Список источников

1. Алиева З.М. Фразеология даргинского языка: Словарь. Махачкала: ДНЦ РАН, 2015. 312 с.
2. Гаджиева С.М. Формирование фразеологического фонда даргинского языка // Вестник востоковедения. 2024. № 1. С. 34 – 42.
3. Гамзатова А.Ш. Языковая картина мира в даргинской фразеологии // Филологические науки. 2023. № 5. С. 65 – 72.
4. Камилов С.Р. Особенности метафоризации в даргинских фразеологизмах // Русский язык и культура речи. 2022. № 1. С. 15 – 23.
5. Кулиев А.А. Семантические особенности даргинских устойчивых выражений // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 6. С. 623 – 629.
6. Магомедов А.Р. Фразеологизмы и этнокультурные коды в даргинском языке // Филология и культура. 2019. № 3. С. 53 – 60.
7. Магомедов А.Р. Этнолингвистический анализ фразеологизмов даргинского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 3. С. 45 – 53.
8. Магомедова А.Г. Влияние арабских и персидских заимствований на даргинскую фразеологию // Вестник Кавказоведения. 2019. № 2. С. 112 – 119.
9. Хизриева П.А. Лексика и фразеология даргинского языка: современные тенденции // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 7. С. 101 – 108.
10. Юнусова М.А. Культурно-этнические особенности даргинской фразеологии // Вопросы языкознания. 2021. № 4. С. 78 – 85.

References

1. Alieva Z.M. Phraseology of the Dargin language: Dictionary. Makhachkala: DNC RAS, 2015. 312 p.
2. Gadzhieva S.M. Formation of the phraseological fund of the Dargin language. Bulletin of Oriental Studies. 2024. No. 1. P. 34 – 42.
3. Gamzatova A.Sh. Linguistic picture of the world in Dargin phraseology. Philological sciences. 2023. No. 5. P. 65 – 72.
4. Kamilov S.R. Features of metaphorization in Dargin phraseologisms. Russian language and culture of speech. 2022. No. 1. P. 15 – 23.
5. Kuliev A.A. Semantic features of Dargin set expressions. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No. 6. P. 623 – 629.
6. Magomedov A.R. Phraseologisms and ethnocultural codes in the Dargin language. Philology and Culture. 2019. No. 3. P. 53 – 60.
7. Magomedov A.R. Ethnolinguistic analysis of phraseologisms of the Dargin language. Bulletin of the Dagestan State University. 2020. No. 3. P. 45 – 53.
8. Magomedova A.G. The influence of Arabic and Persian borrowings on Dargin phraseology. Bulletin of Caucasian Studies. 2019. No. 2. P. 112 – 119.
9. Khizrieva P.A. Vocabulary and phraseology of the Dargin language: modern trends. Modern problems of science and education. 2021. No. 7. P. 101 – 108.
10. Yunusova M.A. Cultural and ethnic features of Dargin phraseology. Questions of language knowledge. 2021. No. 4. P. 78 – 85.

Информация об авторах

Гаджиева С.М., Дагестанский государственный университет, sabiyatgadzhieva21@gmail.com

Стоянова Н.И., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, stonivas@mail.ru

© Гаджиева С.М., Стоянова Н.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

Типология женских образов в творчестве Ф.М. Достоевского

¹ Малецкая Ж.В., ¹ Кичилиева Э.И.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу типологии женских образов в творчестве Ф.М. Достоевского. В центре исследования – разделение женских персонажей на три основные типологических группы: «юродивые», «гордые» и «смирненные». Через анализ мотивов «падшей женщины» и «женщины-двойника» реализуется христианская концепция духовного преображения через страдание, что служит важным элементом философской антропологии Ф.М. Достоевского и доказывает, что женские персонажи являются не только отражением социальных и психологических конфликтов эпохи.

Работа предлагает синтез христианской антропологии и литературоведческого анализа, раскрывая, как женские образы воплощают ключевые идеи Достоевского о грехе, искуплении и спасении.

Ключевые слова: женские образы, русская литература XIX века, типология персонажей, архетипы, Ф.М. Достоевский

Для цитирования: Малецкая Ж.В., Кичилиева Э.И. Типология женских образов в творчестве Ф.М. Достоевского // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 54 – 59.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Typology of female images in the works of F.M. Dostoevsky

¹ Maletskaya Zh.V., ¹ Kichilieva E.I.,

¹ Dagestan State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the typology of female images in the works of F.M. Dostoevsky. The research focuses on the division of female characters into three main typological groups: "fools", "proud" and "humble". Through the analysis of the motives of the "fallen woman" and the "doppelganger woman", the Christian concept of spiritual transformation through suffering is realized, which serves as an important element of F.M. Dostoevsky's philosophical anthropology and proves that female characters are not only a reflection of the social and psychological conflicts of the era.

The work offers a synthesis of Christian anthropology and literary analysis, revealing how female images embody Dostoevsky's key ideas about sin, redemption, and salvation.

Keywords: female images, Russian literature of the 19th century, typology of characters, archetypes, F.M. Dostoevsky

For citation: Maletskaya Zh.V., Kichilieva E.I. Typology of female images in the works of F.M. Dostoevsky. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 54 – 59.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Изучение гендерной проблематики в русской литературе традиционно занимает важное место в литературоведении. Внимание к взаимоотношениям между мужчиной и женщиной, к внутреннему миру героини, к особенностям женской психологии всегда привлекало писателей различных эпох. Художественная литература, стремясь воссоздать жизнь во всем многообразии и глубине, неизбежно обращается к гендерным вопросам.

В процессе анализа женских образов в русской литературе литературоведы традиционно ориентировались на произведения второй половины XIX века. Именно в этот период в российском обществе произошли значительные изменения в понимании социальной и духовной роли женщины, что нашло отражение в художественной литературе. Женские персонажи приобретают большую психологическую глубину, становятся носительницами новых ценностных ориентаций, а сам мотив женственности является важным элементом философского и нравственного содержания текста.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили романы Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», «Идиот» и «Братья Карамазовы». Для исследования применялись следующие методы: биографические, культурно-исторические, сравнительно-исторические, системно-структурные методы.

Результаты и обсуждения

Под гендерным аспектом в литературоведении понимается исследование способов художественного воплощения женских образов, анализа проблем, связанных с женской идентичностью, социальной роли женщины, а также особенностей взаимодействия «мужского» и «женского» начал в литературном тексте. Гендерный подход позволяет выявить не только специфику создания женских персонажей, но и глубже понять механизмы художественного моделирования гендерных стереотипов, а также трансформации представлений о женщине в зависимости от исторического и социокультурного контекста.

Интерес к гендерной теме объясняется ее сложной и многослойной природой, реализующейся во многих ипостасях: это и непростая система отношений между полами, и любовь как литературный мотив, и эволюция образа женщины, и ее место в обществе, меняющееся с ходом истории и общественного прогресса.

В русской культурной традиции образ женщины занимает центральное место не только в художественных текстах, но и в философско-

культурных дискурсах. Так, многие мыслители выделяют парадигму, в которой соотносят народное представление о России с женским началом. Так, в своей монографии «Матушка-Русь» О.В. Рябов показывает, как этот архитипический образ «Матушки-Руси» объединяет в себе гендерные и национальные характеристики. В русском культурном коде в сознании народа Родина воспринимается как мать. В народных поговорках также есть противопоставление Родины и чужбины как матери и мачехи, т.е. возникает оппозиция «свой» – «чужой»: «Родина – мать, чужбина – мачеха» [6].

Ю.М. Лотман в своей работе «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начало XIX века» предпринимает важную попытку систематизации женских образов в литературе [5]. Лотман выделяет три базовых типажа:

1. «Нежно любящая женщина» – она представляет собой образ «ангела», где девушка веряет себя судьбе, является идеалом добродетели и выражением представления об эталонном женском начале, являясь также оплотом нравственности. Ее чувства разрушены обстоятельствами;

2. «Демоническая женщина» – это архитипический символ женщины-обольстительницы, роковой женщины, бросающей вызов условностям патриархального мира, разрушая навязанные мужчинами стереотипы о женской роли;

3. «Литературно-бытовой тип» – женщина-героиня, функционирующая в рамках реалистической бытовой прозы.

Данная типология остается востребованной при анализе как классических, так и современных текстов, помогая выявить механизм художественного конструирования женских характеров. Гендерный аспект выступает как фон для анализа взаимоотношений полов, но и как инструмент исследований исторических трансформаций, эстетических представлений о женственности, позволяя глубже понять художественные практики разных эпох.

Женские образы в творчестве Ф.М. Достоевского представляют сложный и глубокий феномен, требующий отдельного осмысления. Уже с 1840-х годов они становятся предметом внимания исследователей, а в течение почти века (до 1930-х годов) женский вопрос в контексте наследия Достоевского рассматривается как важная культурная и философская проблема.

Одной из ключевых тем, поднимаемых Ф.М. Достоевским, становится проблема женской эмансипации. Однако в отличие от западных прогрессивистов, он рассматривает ее сквозь призму христианской этики и нравственного идеала. По

убеждению писателя, женщина имеет право на любовь и духовное равенство, поскольку мужчина и женщина – две стороны одного существа, объединенного идеей внутреннего совершенства. Выдвигая идею абсолютной ценности личности, Достоевский последовательно отстаивает право каждого человека – независимо от пола – быть свободным, не подвергаясь насилию и унижению.

В художественной прозе Достоевского идея эмансипации не занимает доминирующего положения. Исследователи отмечают, что женское начало часто носит вспомогательный характер: женщина, как правило, представлена как «момент» в жизни мужчины, как эмоционально-нравственная опора, необходимая для раскрытия мужского внутреннего конфликта. Женские персонажи часто являются проводниками сострадания, жертвенности, духовной любви, но при этом не обладают самостоятельной сюжетной активностью.

Известный русский философ Н.А. Бердяев в своих размышлениях о творчестве Ф.М. Достоевского высказывает критическое мнение относительно изображения женских персонажей. По мнению критика, женские персонажи у Достоевского лишены полноты индивидуального бытия и не обладают самостоятельной судьбой. Он отмечает: «У женщин есть лишь внутренняя мужская трагедия» [3], – подчеркивая тем самым, что в художественном мире Достоевского женщина существует преимущественно как функция, как элемент мужского кризиса. В отличие от Л.Н. Толстого, глубоко вникавшего в психологию своих героинь, таких как Анна Каренина или Наташа Ростова, Достоевский, по Бердяеву, не стремится к всестороннему раскрытию женской души. Настасья Филипповна, Грушенька и другие героини его романов, согласно философу, представляют собой скорее архитипические силы, стихийные начала, в которые вовлечены судьбы мужчин. Они – отражение внутренних конфликтов мужских персонажей, а не самостоятельные субъекты действия.

В художественных текстах Достоевского женщины, несмотря на второстепенность по отношению к главным (мужским) персонажам, все же наделены значительной духовной силой. Через них писатель поднимает важнейшие философские и нравственные вопросы: о сострадании, жертве, вере, милосердии и искуплении. Героини Достоевского – Соня Мармеладова («Преступление и наказание»), Лизавета Епанчина («Идиот»), Лизавета Тушина («Бесы») – не просто объекты мужского внимания или страсти, но и активные участницы морального конфликта, носительницы идеи духовного спасения. Именно через «женское сло-

во» писатель часто выражает свою этическую и христианскую позицию, противопоставляя его разрушительной энергии рационализма и индивидуализма.

Женские образы в прозе Достоевского становятся медиаторами между земным и духовным мирами, выразителями религиозно-нравственного идеала, через который раскрываются глубинные смыслы произведений. Таким образом, женское начало у Достоевского приобретает символический и философский характер.

Ф.М. Достоевский предпринимал последовательные художественные попытки проникнуть в тайну женской природы, исследуя особенности женского характера, его влияние на мужчин, а также роль женщины в духовной и культурной истории человечества. Для мировоззрения русских мыслителей конца XIX – начала XX века характерно представление, сформулированное самим Достоевским, о двойственной сущности женского начала, воплощенного в противопоставлении «идеала Мадонны» и «идеала садомского». Это концепция отражает внутреннюю полярность женской души – сочетание высшей духовности, чистоты, жертвенности и, одновременно, искушающей, разрушительной, телесной стороны женской природы. В соответствии с этой дуалистической моделью в системе женских образов Достоевского можно выделить три основные типологические группы: «юродивые», «гордые» и «смирненные» (или «кроткие») [9].

Героиня первого типа – «юродивые» – представлены в творчестве писателя относительно многочисленно. К ним традиционно относят Лизавету Смердящую в «Братьях Карамазовых», а также Марью Тимофеевну Лебядкину (так называемую «хромоножку») из романа «Бесы». И персонажи воплощают идею нерациональной святости, «божественного безумия», отрешенность от мира и его логики. Однако черты «юродства» можно обнаружить и в других героинях, которые формально не принадлежат к данному типу. Так, Соня Мармеладова из «Преступления и наказания», хотя и классифицируются исследователями чаще как «смирненная», ключевые моменты повествования проявляет качества, близкие к юродствующей. Неслучайно Раскольников называет её «юродивой», когда Соня с отчаянной убежденностью и душевным трепетом читает Евангелие. Типологические границы между персонажами в прозе Достоевского не являются строго фиксированными, это подчеркивает сложность и многогранность художественных решений автора в изображении женских персонажей.

Аналогичным образом элементы юродства просматриваются и в характере Настасьи Филипповны из романа «Идиот», которая чаще воспринимается как представительница «гордых» женщин. Её поведение, эпатазирующее общество, а также способность к самопожертвованию и сознательному разрушению собственной жизни, придает её образу черты духовной экзальтации и внутреннего раздвоения, близкие к состоянию юродства. Так, женские образы у Достоевского не только соответствуют определённым архетипам, но и выходят за их рамки, раскрывая глубинные внутренние противоречия личности.

Особое место в художественной системе Ф.М. Достоевского занимает образ «смиренной» женщины, наиболее яркой представительницей которого является Соня Мармеладова. Этот тип женского персонажа характеризуется глубокой внутренней жертвенностью, готовностью к самопожертвованию ради других, полной самоотдачей, не предполагающий ни вознаграждение, ни даже признательности. Для «смирениц» – женщин, принявших страдания как форму служения и любви, – жалоба или робот на собственную судьбу представляются нравственным преступлением, нарушением внутреннего морального кодекса.

Помимо жертвенной кротости, исследователи обращают внимание на ещё одну важную черту, присущую женским образам Достоевского – истеричность. Так, Н.А. Макаричева отмечает, что истерическая составляющая пронизывает практически все ключевые женские характеры писателя и служит своеобразным объединяющим признаком [10]. Настасья Филипповна из «Идиота» – одна из наиболее ярких носительниц истерического темперамента, её поведение часто непредсказуемо, эпизоды с её участием завершаются эмоциональными взрывами, демонстрирующими трагическую внутреннюю раздвоенность. Истеричность в женских образах Достоевского играет не просто психологическую, но и структурную роль. Она маркирует исключительность персонажа, его обособленность от социальной нормы и обычного «разумного» поведения. Такая эмоциональная нестабильность становится знаком духовного кризиса, внутренней борьбы, символом нарушенного равновесия между разумом и чувством. Истерика, как форма выражения внутреннего протеста, открывает пространство для бунта, отказа от покорности, попытки заявить о себе и своей боли, противопоставить себя общественному порядку.

Одним из ключевых мотивов, формирующих галерею женских характеров Достоевского, становится образ «падшей женщины», подвергшейся моральному или социальному падению. Достоев-

ский стремится выявить не только последствия «падения», но и причины, среди которых часто фигурирует обман, соблазнение, социальное неравенство и духовная неустойчивость. Так, в ряде произведений писатель изображает женщин, обманутых и вынужденных вступить в добрачные сексуальные отношения под влиянием внешних обстоятельств. Примерами могут служить Варенька Доброселова («Бедные люди»), Катерина («Хозяйка»), Лизавета Николаевна Тушина («Бесы»), – все они оказываются в уязвимом положении, лишённые возможности самостоятельно распоряжаться своей судьбой. В иных случаях «падение» выражается в жизни на содержании, когда женщина получает материальные блага от мужчины без законного брака. Такими героинями являются, например, Настасья Филипповна («Идиот») и Грушенька («Братья Карамазовы»), чьи судьбы олицетворяют конфликт между нравственной искренностью и вынужденным выбором, обусловленным жизненными обстоятельствами. Особое место в этой системе занимает образ женщины-проститутки, трактуемый Достоевским с христианской точки зрения как возможность нравственного возрождения через страдания и любовь.

Главным мотивом и главной проблемой, объединяющей все эти типажи героинь, является проблема «униженной женщины». Излюбленной героиней Ф.М. Достоевского также является женщина-двойник, причём раздвоенность её обнаруживается в любви в первую очередь. Мятающаяся между нежностью и жестокостью, самоотречением и деспотизмом, подобная героиня представлена во многих произведениях Достоевского. В образе Натальи (Наташи) Ихменевой («Униженные и оскорблённые») Достоевский создает один из первых и наиболее психологически достоверных типов женщины-двойника. Мировосприятие героини строится на идее любви как чувства, изначально исключаящего равенство: в её понимании, в любви неизбежно присутствует тот, кто властвует, и тот, кто подчиняется. Это убеждение нередко обретает гротескные формы, вырождаясь в патологическую модель отношений – любовь-рабство, порождающую и обратную сторону – любовь-господство. Чувства Натальи столь же двойственны, как и её натура. С одной стороны, она находит удовольствие в том, чтобы унижать своей любовью, опекать из жалости или снисхождения к слабости партнёра. С другой – она сознательно занимает позицию жертвы, испытывая болезненное наслаждение как от самоуничтожения, так и от власти над другим. Эта амбивалентность делает её образ трагичным и психологически глубоким, раскрывая одну из ключевых тем творчества Достоев-

евского – тему разрушительной природы нездоровой страсти.

Выводы

Анализ женских персонажей Достоевского демонстрирует, что писатель видел в женщине не просто объект интереса мужчин или жертву социальных обстоятельств, а активного участника духовного процесса. Его героини, будь то «юродивые», «гордые» или «смирненные» – воплощают разные грани человеческой души, раскрывая ее через высшие проявления (жертвенность, «святость»), так и через ее теневые стороны (разрушительные страсти, внутренний разлад).

Особенно значима в этом контексте христианская парадигма Ф.М. Достоевского, в рамках которой женские образы часто становятся проводниками идеи спасения. Даже в самых трагичных судьбах его героинь присутствует потенциал преодоления греха через страдание и любовь.

В этом смысле женские персонажи у Достоевского не только отражают социальные и психологические реалии, но и служат важным элементом его философской антропологии, раскрывая путь человека к духовному преображению.

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Из записной тетради Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Л.: Наука, 1984. 465 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Л.: Наука, 1976. 512 с.
3. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага: Американское издательство, 1923. 238 с.
4. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 308 с.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1994. 413 с.
6. Истомин К.К.. Из жизни и творчества Достоевского в молодости. Л., 1924. 216 с.
7. Рябов А.В. Матушка-Русь: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. Ижевск, 2001. 209 с.
8. Афимкина К. Художественное своеобразие женских образов в «Петербургских повестях» Ф.М. Достоевского. Архангельск, 2024. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74531780_18711831.pdf (дата обращения: 19.02.2025)
9. Косорукова А. Типажи «кротких» и «гордых» женских образов Ф.М. Достоевского как исследование вопроса о добродетели. М., 2021. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44890019_88262154.pdf (дата обращения: 13.02.2025)
10. Макаричева Н., Макаричев Ф. Хохлаковы и женские периферийные образы в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского // Вестник Вологодского государственного университета. 2023. Т. 4. № 31. С. 68 – 72.
11. Галаева М.И. Художественные приемы раскрытия женских образов в произведениях Ф.М. Достоевского. Магас, 2021. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45719891_41423318.pdf (дата обращения: 23.02.2025)
12. Матвеева И.Ю. Раннехристианские житийные источники одного женского образа Ф.М. Достоевского. Кемерово, 2022. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49419559_48484780.pdf (дата обращения: 19.02.2025)

References

1. Dostoevsky F.M. From a Notebook Complete Works: in 30 volumes. L.: Nauka, 1984. 465 p.
2. Dostoevsky F.M. The Brothers Karamazov Complete Works: in 30 volumes. L.: Nauka, 1976. 512 p.
3. Berdyaev N.A. Dostoevsky's Worldview. Prague: American Publishing House, 1923. 238 p.
4. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Work. L.: Priboy, 1929. 308 p.
5. Lotman Yu.M. Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries). St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 1994. 413 p.
6. Istomin K.K. From the life and work of Dostoevsky in his youth. L., 1924. 216 p.
7. Ryabov A.V. Mother Rus': an experience of gender analysis of the search for Russia's national identity in domestic and Western historiography. Izhevsk, 2001. 209 p.
8. Afim'ina K. Artistic originality of female images in F.M. Dostoevsky's "Petersburg Stories". Arkhangelsk, 2024. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74531780_18711831.pdf (date of access: 19.02.2025)
9. Kosorukova A. Types of "meek" and "proud" female images of F.M. Dostoevsky as a study of the issue of virtue. M., 2021. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44890019_88262154.pdf (date accessed: 13.02.2025)

10. Makaricheva N., Makarichev F. Khokhlakovs and female peripheral images in the novel "The Brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky. Bulletin of the Vologda State University. 2023. Vol. 4. No. 31. P. 68 – 72.
11. Galaeva M.I. Artistic techniques for revealing female images in the works of F.M. Dostoevsky. Magas, 2021. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45719891_41423318.pdf (date of access: 23.02.2025)
12. Matveeva I.Yu. Early Christian hagiographic sources of one female image of F.M. Dostoevsky. Kemerovo, 2022. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49419559_48484780.pdf (date of access: 19.02.2025)

Информация об авторах

Малецкая Ж.В., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, maletzkaya2013@mail.ru

Кичилиева Э.И., Дагестанский государственный университет, elinakichilieva@icloud.com

© Малецкая Ж.В., Кичилиева Э.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111

Опыт создания типологического и индивидуального синхронного речевого портрета участника Великой Отечественной войны

¹ Мясищев Г.И., ¹ Масленникова А.С., ¹ Ковалева А.С., ¹ Шац А.В., ¹ Черкашина Е.Е.,
¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: предметом исследования данной статьи является речевое поведение участников Великой Отечественной войны, зафиксированное в личной переписке. Цель работы – составление речевого портрета фронтовика на основе анализа писем, адресованных родным и близким в период боевых действий. Методология исследования сочетает в себе методы функциональной прагмалингвистики и лексико-концепт-семантического анализа, обеспечивая тем самым комплексное изучение идиолектных черт. Анализ корпуса писем, который был сформирован методом случайной выборки из однотипных сборников, включал сегментацию текстов на прагмемы, классифицированные по типам оценочности. Результаты исследования показали преобладание речевой нетральности среди возможных вариантов оценочности в высказываниях. В то же время анализ оценочных прагмем выявил индивидуальные стратегии авторов, направленные на выражение личных переживаний. Лексико-концепт-семантический анализ подтвердил индивидуальность речевой презентации общих концептов, а также наличие уникальных, авторских идей. Исследование показало, как в условиях психологической травмы языковые средства формируют полифонический текст, балансируя между информативностью и эмоциональным воздействием.

Ключевые слова: прагмалингвистика, прагмемы, прагматический анализ, лексико-концепт-семантический анализ, речевая презентация, речевой облик, Великая Отечественная Война, письма солдат, речевой облик, концепт

Для цитирования: Мясищев Г.И., Масленникова А.С., Ковалева А.С., Шац А.В., Черкашина Е.Е. Опыт создания типологического и индивидуального синхронного речевого портрета участника Великой Отечественной войны // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 60 – 67.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

The experience of creating a typological and individual synchronous speech portrait of a participant in the Great Patriotic War

¹ Myasishchev G.I., ¹ Maslennikova A.S., ¹ Kovaleva A.S., ¹ Shats A.V., ¹ Cherkashina E.E.,
¹ Don State Technical University

Abstract: the subject of this article is the speech behavior of the participants of the Great Patriotic War, recorded in personal correspondence. The purpose of the work is to compile a speech portrait of a front – line soldier based on the analysis of letters addressed to relatives and friends during the period of hostilities. The research methodology combines the methods of functional pragmalinguistics and lexico-conceptual-semantic analysis, thereby providing a comprehensive study of idiolect features. The analysis of the corpus of letters, which was formed by random sampling from the same type of collections, included segmentation of texts into pragmemes classified by types of evaluability. The results of the study showed the predominance of speech inaccuracy among possible options for evaluability in statements. At the same time, the analysis of evaluative pragmemes revealed individual strategies of the authors aimed at expressing personal feelings. The lexical-conceptual-semantic analysis confirmed the individuality of the speech presentation of general concepts, as well as the presence of unique,

original ideas. The study showed how, in conditions of psychological trauma, linguistic means form a polyphonic text, balancing information content and emotional impact.

Keywords: pragmalinguistics, pragmemes, pragmatic analysis, lexical-conceptual-semantic analysis, speech presentation, speech image, the Great Patriotic War, letters of soldiers, speech image, concept

For citation: Myasishchev G.I., Maslennikova A.S., Kovaleva A.S., Shats A.V., Cherkashina E.E. The experience of creating a typological and individual synchronous speech portrait of a participant in the Great Patriotic War. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (4). P. 60 – 67.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Настоящее исследование является пилотным проектом, посвященным изучению речевого поведения участника Великой отечественной войны в синхронном изучении. Обращение к личным письмам позволяет погрузиться в мир речевой ситуации воюющего человека в конечный момент времени. Это позволяет зафиксировать переживания и состояние личности человека, его побудительные интенции, адресованные другим людям непосредственно в момент травматичной ситуации боевых действий, что отличает диагностирующий анализ от позднейшего исследования мемуаров, которые фиксируют личность в постстрессовой ситуации. В контексте исследования создание речевого портрета приобретает междисциплинарную значимость, объединяя методы традиционной и прагмалингвистики.

Новизна данной работы определяется совокупностью методологических приемов, а именно изучение речевого облика человека перекрестными методами функциональной прагмалингвистики и лексико-концепт-семантического анализа. Получение данных тремя пересекающимися методами позволяет комплексно изучить совокупность идиолектных черт индивида, включая лексико-семантические, грамматические, стилистические и прагматические особенности его коммуникации и объективизировать исследование.

Материалом исследования выступили письма военнослужащих своим родным.

Целью работы является составление речевого портрета фронтовика по материалам личных писем, адресованных близким в период Великой Отечественной войны.

Задачи работы:

1. Теоретическое обоснование возможности речевого портретирования данного типа речевой личности;

2. Проведение комплексного анализа пересекающимися методами лингвистического исследования;

3. Интерпретация данных и составление группового и индивидуальных речевых портретов писателей-фронтовиков.

Участники Великой Отечественной войны, поэты, являлись носителями уникального исторического опыта, трансформировавшего их языковое сознание. Исследование этого опыта широко представлено в современном научном дискурсе, но комплексных исследований с речевым портретированием к настоящему моменту опубликовано достаточно мало. Можно выделить следующие актуальные работы.

Представляет особый интерес статья Н.В. Логуновой, Л.Л. Мазитовой [1, с. 39], которая изучает тексты писем с позиции языковой личности, выделяя особенности употребления лексико-стилистических и орфографических конструкций. Обращает внимание на организацию письменной речи и зависимости состояния человека и порождения его речи. К.А. Старостин [2] рассматривает специфику писем как лингвистического феномена, говоря о «здоровьесберегающей функции фронтового письма: процесс написания писем позволял фронтовикам хотя бы на время забыть о военных действиях и переживаниях, связанных с ними, мысленно перенестись к родным и близким, чувствование единение с ними». П.В. Бойко [3] рассматривает возможности моделирования речевого портрета с разных методологических позиций, включая прагматический подход. В целом же актуальных работ по данной теме достаточно мало.

Материалы и методы исследований

Методология комплексного анализа и его составных частей описана в трудах лингвистов: А.П. Савиной [4, с. 29-40], Н.Н. Беловой [5], Е.М. Вольфом [6], Т.В. Маркеловой [7], Т.А. Чубур [8, с. 116-129].

Методология данного исследования включала в себя пошаговое протоколирование проведенной работы.

С целью объективизации исследования и получения независимых оценок был применен метод случайного отбора корпуса источников из одно-

типных корпусов. Из всех существующих сборников фронтовых писем случайным образом был выбран один сборник, имеющий достаточный для сплошной статистической обработки массив данных. По мнению авторов, в таком случае данный корпус демонстрирует типичный характер переписки, поскольку подбор конкретных текстов был выполнен неизвестным исследователю лицом (редакцией сборника) по формально обозначенным принципам тематического единства: «письма с фронта домой». Таким образом, корпус текста носит типичный характер консолидации текстов ранее незнакомых исследователю людей, обладающих следующими диагностирующими чертами:

1. Все – участники Великой Отечественной войны;
2. Все находятся в момент создания текста письма в условиях непосредственных боевых действий;
3. Все пишут письма родным и близким, переписка имеет частный характер.

По текстам авторов был составлен корпус речевых единиц, который соответствовал требованиям количественных операций статистического анализа: все единицы были разделены типологически в соответствии с применяемым методом. Для прагмалингвистических исследований были выделены прагмемы, для лексико-концепт-семантического анализа – лексемы и концепты.

Методология лексико-концепт-семантического анализа представляет собой синтез подходов, разработанных в рамках лингвоконцептологии, и опирается на труды таких учёных, как Е.С. Кубрякова [9, с. 6-17], З.Д. Попова [10, с. 250], В.Н. Телия [11, с. 284], С.Г. Воркачев [12, с. 76-83], А.В. Бондарко [13, с. 20-32] и Н.Г. Долгих. Центральным объектом исследования выступает концепт как ментальная структура, вербализуемая посредством языковых средств. Основная дискуссия в современной лингвистике, как подчёркивают указанные авторы, связана с проблемой комплексного анализа языковых единиц, объективирующих концепт. Ключевая сложность заключается в том, что традиционно вербализация концепта соотносится с лексическими единицами, которые, являясь полноточными знаками, обладают автономной концептуальной составляющей – семантической структурой и планом содержания.

С.Г. Воркачев актуализирует необходимость разработки методического инструментария, направленного на реконструкцию базовых экзистенциальных смыслов, закреплённых в лексической системе языка. Это предполагает анализ не только ключевой лексики-репрезентанта концепта, но и всех элементов её номинативного поля,

что позволяет моделировать концепт как полевою структуру, интегрирующую концептуальные признаки каждой участвующей в его вербализации единицы.

Теоретической основой для такого моделирования служит теория полевой организации концепта (А.В. Бондарко, Н.Г. Долгих, З.Д. Попова), в рамках которой концепт структурируется по принципу ядерно-периферийной градации (центр, ближняя, дальняя и крайняя периферия). Согласно этой модели, каждая лексическая единица в номинативном поле концепта репрезентирует самостоятельный микроконцепт, входящий в структуру макроконцепта. При этом микроконцепты также обладают полевой организацией. Для реконструкции макроконцепта необходим комплексный анализ семантической структуры лексем, включающий как ядерные (доминантные), так и периферийные (факультативные) компоненты значения. Это позволяет выявить иерархию концептуальных признаков, формирующих номинативное поле.

Современные методы выявления периферийных семантических компонентов базируются на психолингвистических подходах: модифицированных ассоциативных экспериментах, интервьюировании информантов, направленных на реконструкцию когнитивных структур в сознании носителей языка. Однако, как демонстрируют исследования, эти методы эффективны преимущественно для углублённого анализа ключевых репрезентантов концепта. Их применение ко всему номинативному полю сопряжено с методологическими трудностями, так как полученные данные требуют сложной интерпретации для интеграции в полевою модель. Это обуславливает потребность в разработке междисциплинарных подходов, сочетающих лингвистический, когнитивный и психолингвистический анализ для многоуровневого моделирования концептуальных структур.

Практическая часть исследования включала следующие этапы:

1. Сегментация текстов на прагмемы – лингвистические единицы, выражающие коммуникативное намерение автора и отражающие его прагматическую установку;

2. Классификация прагмем по типологии Н.М. Вахтеля [14, с. 68] и Савиной:

Класс 1 (нейтральные): передают информацию о реальности без эксплицитной оценки;

Класс 2 (имманентно-оценочные): выражают оценку автора, но не указывают на конкретное явление;

Класс 3 (эксклюзивно-оценочные): связывают предметно-оценочное суждение автора с целью формирования оценочности у читателя.

3. Статистический анализ распределения и частотности прагмем в корпусе текстов. Для объективизации данных применялся метод доверительного интервала Стьюдента, с использованием программных возможностей Excel. Этот инструмент позволил определить границы статистической значимости частотности прагмем в выборке, что обеспечило репрезентативность результатов.

4. Вычисление среднеречежанровых показателей для жанра «частное письмо». Подчёркивается, что прагматическая специфика жанра влияет на выбор и количественное соотношение речевых единиц, что требует учёта жанровой вариативности при комплексном анализе.

Предлагаемая методология сочетает теоретическое моделирование концепта как полевой структуры с эмпирическим анализом прагмем, что позволяет реконструировать концептуальные признаки через призму их языковой объективации и прагматической направленности. Интеграция количественных методов (статистический анализ) и качественных (лингвоконцептологический подход) обеспечивает многоаспектность исследования, необходимость которой акцентируется в работах современных лингвистов.

Результаты и обсуждения

Результаты проведенного анализа представлены на рис. 1.

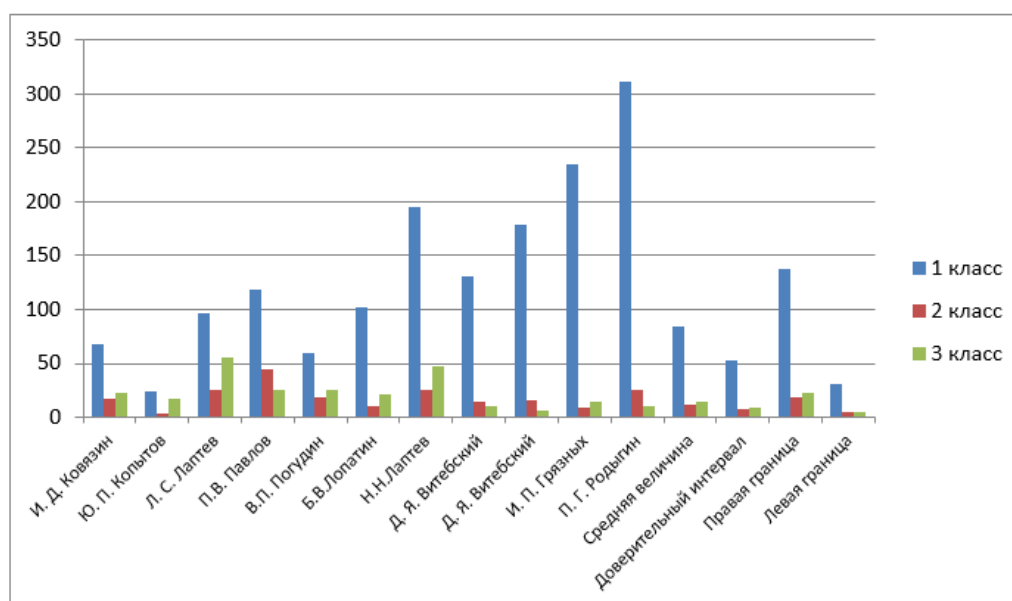

Рис. 1. Диаграмма «Прагмемный анализ творчества поэтов-фронтовиков».
Fig. 1. Diagram "Pragmeme analysis of the work of front-line poets".

Как показал анализ, преобладающим классом прагмем ожидаемо является класс нейтральных слов с предметным значением (например, 1. И.Д. Ковязин: «У меня дела движутся к концу, вчера сдал предпоследний и самый главный экзамен – тактику.» /12 декабря 1943 г./; 2. И.Д. Ковязин: «Сдал один из отделения на отлично.» /12 декабря 1943 г./; 3. Копытов Ю.П.: «Пишите по адресу: Полевая почта 24613 21, Копытову Ю.П.» /17 апреля 1943 г./). Среднее число таких прагмем – 84,33 ед. при средней длине произведения – 160 ед. Данный показатель соответствует представлениям о преобладающей информативно-коммуникативной функции языка, где на прагматическом уровне автор в первую очередь называет субъекты, явления и предметы, сообщает факты, и лишь затем транслирует переживания, оценки и

эмоции. Характер наполненности предложений очевидно тяготеет к большему количеству коммуникативных единиц, чем оценочных.

Максимальное количество нейтральных прагмем присутствует в текстах Н.Н. Лаптева (195 ед.), И.П. Грязных (235 ед.) и П.Г. Родыгин (312 ед.). Минимальное количество прагмем – у Ю.П. Копытова (24 ед.).

На втором месте оказались эксклюзивно-оценочные прагмемы – в среднем 14,17 ед., что говорит о желании авторов солидаризоваться с читателями – родными и близкими в эмоциях и переживаниях.

Например:

1. И.Д. Ковязин: «Ну и досталась тебе, дорогая, эта поездка, намучилась.» /12 декабря 1943 г./ – усилительный повтор;

2. Л.С. Лаптев: «Желаю вам наилучших пожеланий во всей вашей жизни и работе.» /19 ноября 1942 г./ – плеоназм с гиперболизацией, выраженной превосходной степенью прилагательного;

Имманентно-оценочные прагмемы – 11,61 ед. – оказались на третьем месте.

Например:

1. Ю.П. Копытов: «Живем в блиндажах, тепло.» /17 апреля 1943 г./ – лексема ощущений и личной оценки;

2. В.П. Погудин: «Служба моя хорошая, но не кадровая.» / 1 января 1945 г./ — оценка качества с интенцией недостаточности.

Выход отдельных авторов за границы доверительного интервала показывает определенную крайность в использовании единиц речи и характеризует их эмоциональный настрой. Так, для Н.Н. Лаптева (195 ед.), И.П. Грязных (235 ед.), П.Г. Родыгина (312 ед.) при правой границе доверительного интервала в 137 ед. характерно стремление информировать читателя о событиях, факт и т. д. Эти фронтовики обстоятельно рассказывают о своей жизни, выдвигая эмоции на второй план. При этом для П.Г. Родыгина также показатель имманентно-оценочных прагмем выше правой границы (25 ед. против 18 ед. границы интервала), что говорит о сочетании информативности и личной оценочности при выборе воздействующих единиц. Наибольшую оценочность в письмах проявляет П.В. Павлов (45 ед. при 18 ед. границы доверит. интервала).

Выход И.П. Грязных (9 ед.) и Ю.П. Копытова (3 ед.) за пределы левой границы интервала имманентно-оценочных прагмем говорит о стремлении избежать личной оценочности как таковой, описывать и констатировать, никак не проявляя личного мнения.

С другой стороны, Л.С. Лаптев (55 ед.) и Н.Н. Лаптев (47 ед.) показывают намерение вызвать у читателя определенные чувства и эмоции – в их письмах эксклюзивно-оценочные прагмемы превышают правую границу доверительного интервала в 23,3 ед.

Данные статистические показатели говорят о конкретной реализации авторских стратегий в исследованных письмах.

В рамках исследования ключевым аспектом является прагматическая направленность авторских стратегий воздействия — осознанный отбор языковых единиц (прагмем) для достижения конкретного перлокутивного эффекта (изменения мышления, эмоций или поведения читателя). Эти стратегии реализуются через имитацию прямой коммуникации с адресатом, что позволяет автору конструировать у читателя определённый образ кар-

тины мира, активируя нужные эмоциональные и когнитивные реакции. Это позволяет классифицировать прагмемы по оценочности на три типа:

1. Нейтральные – лишены эксплицитной оценочности, фокусируются на передаче информации;

2. Позитивные – выражают одобрение, мотивацию, оптимизм;

3. Негативные – транслируют критику, пессимизм, эмоциональную напряжённость.

В основе второго этапа анализа – прагмалингвистический ассоциативный эксперимент (по методике Т.В. Куклиной), направленный на выявление восприятия текста читателем как «воодушевляющего» или «катарсического». Теоретической базой стали работы В.В. Сусова (теория речевых актов), А.Ю. Масловой (когнитивно-дискурсивный подход), Ю.С. Степанова (концептология), Ю.Д. Апресяна [15] (лексическая семантика).

Доминирование нейтральной оценки – большинство текстов фронтовой переписки избегают явной оценочности, сохраняя информативность. Это соответствует жанровым ожиданиям документальной коммуникации.

Позитивная прагматика – на втором месте по частотности. Примеры: использование метафор надежды, лексики с семантикой единства («братство», «возвращение», «скорая встреча»).

Амбивалентность оценочных структур – ключевой феномен. Наблюдалось совмещение противоположных прагмем, когда в текстах с негативной доминантой (описание утрат, страданий) присутствовали утверждающие идеи (например, вера в справедливость). С другой стороны, в оптимистичных нарративах обнаруживались элементы отрицательных эмоций (тревога, ностальгия), создающие психологическую глубину. Данная амбивалентность свидетельствует о сложной архитектонике оценочных структур, где прагмемы функционируют не изолированно, а в системе взаимодополняющих контрастов. Авторские стратегии в исследуемых текстах направлены не на одномерное воздействие, а на создание динамического эмоционального поля, где нейтральные прагмемы служат основой для объективации информации, тогда как оценочные (позитивные/негативные) актуализируют диалогичность текста, вовлекая читателя в сопереживание. Смещение прагмем разной направленности подчёркивает антропоцентризм коммуникации, где противоречивые эмоции отражают сложность человеческого опыта, особенно в экстремальных условиях. Этот подход позволяет рассматривать текст как полифоническую структуру, где перлокутивный эффект до-

стигается через баланс прагмем, а не их однозначную доминацию. Примеры такой оценочности мы можем видеть в письмах И.Д. Ковязина: «За период экзамена сильно утомился, устал» /12 декабря 1943 г./ и Б.В. Лопатина: «Вам, конечно, безыз-

вестно, что страна наша вступила в войну с озверелым и вероломным фашизмом!» /Лопатин, 22 июня 1941 г./. Усилительная составляющая негативных оценок морального состояния или события.

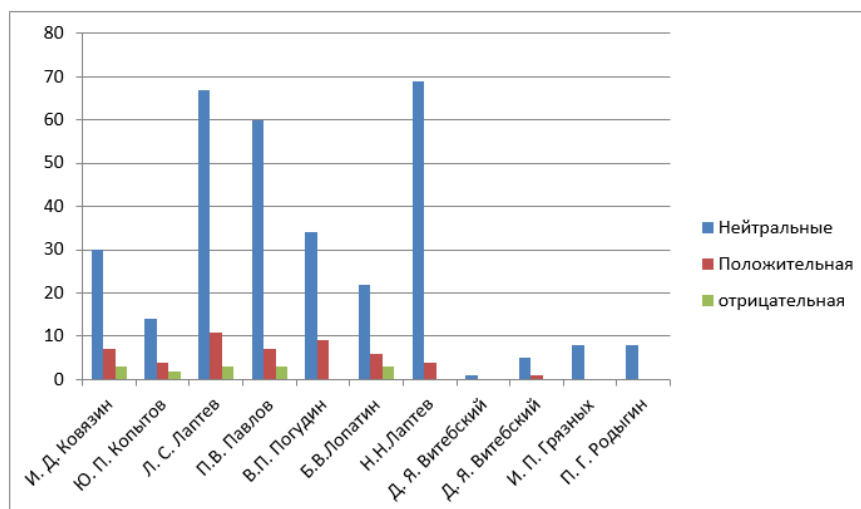

Рис. 2. Диаграмма качественной оценочности прагмем.

Fig. 2. Diagram of qualitative evaluation of pragmemes.

Как видно из диаграммы, усилительный качественный характер прагмем присутствует во всех письмах, максимально проявляясь у П.В. Павлова (60 ед.), Л.С. Лаптева (67 ед.) и Н.Н. Лаптева (69 ед.), что говорит об их подчеркнутой категоричности в высказываниях. Ослабляющие прагмемы встречаются редко (больше всего у Л.С. Лаптева – 11 ед.), а прагмемы переключения оценочности встречаются на уровне статистической погрешности, как единичные явления. Это говорит об особом характере воздействующей прагматики в коммуникации частной фронтовой переписке Fig. 2. Diagram of qualitative evaluation of pragmemes. стремлении донести, усилить впечатление от повествования, оценок, транслируемых фактов и эмоций.

Следующий этап включал в себя лексико-концепт-семантический анализ текстов. По каждому писателю был определен круг концептов и проведен лексико-семантический анализ текстов в целом и анализ речевой презентации концептов. Было установлено, что в пределах корпуса текстов количество общих концептов невелико: «Любовь

и забота», «Служебные обязанности», «Разлука», «Самочувствие», «Семья» и др. при этом речевая презентация данных концептов у каждого автора индивидуальна и не группируется в единую систему. Важно отметить, что концепт «Война» присутствует в письмах, но он редко называется прямо, а является вторичным смысловым полем, состоящим из намеков, общей информации, вытекающей из контекста письма в целом. Можно говорить о наличии ряда табуированных концептов «Страдание», «Гибель», более подразумеваемых, чем названных. Каждому автору присущ индивидуальный набор концептов, не повторяющихся у других авторов. Отсюда распределение прагмем по авторским концептам дало широкие вариации индивидуальной презентации когнитивных установок и интерпретаций военной тематики

Сводный перечень концептов и плана их реализации может быть представлен в виде набора ментальных карт, например, концепт война может быть представлен в виде семанτικο-мнемотического фрагмента карты (рис. 3):

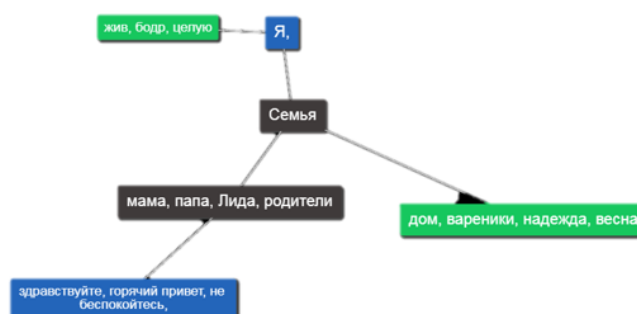

Рис. 3. Фрагмент ментальной карты концепта «Семья».
Fig. 3. Fragment of the mental map of the concept “Family”.

Ядро карты – концепт, выраженный лексемой «Семья», в центре основные семантические единства, сгруппированные по степени отнесенности и разделенности идейно-смысловой составляющей концепта. Семья – это родители, которых приветствует автор. Он сам выделен в особую семантическую роль, при этом обладает признаками (жив, бодр, целует), так же семья – это дом, надежда, весна, любимое блюдо.

Общие результаты лексико-концепт-семантического анализа показали совпадение прагматической стороны высказываний с семантической характеристикой и наполненностью концептов. Случаев несовпадений выбора воздействующих единиц с идейно-семантической стороной отмечено не было.

Выводы

Исследование вносит вклад в понимание языкового сознания в условиях травмы, демонстрируя, как прагмемы и концепты формируют полифонический текст, балансирующий между объективностью и эмоциональным воздействием. Выявленные закономерности могут быть использованы в исторической лингвистике, психолингвистике и исследованиях военного дискурса. Расширение корпуса текстов, включение писем разных периодов войны и сравнительный анализ с мемуарами позволят глубже изучить эволюцию речевых стратегий в условиях стресса. Разработка автоматизированных методов анализа прагмем и концептов может повысить эффективность подобных исследований.

Список источников

1. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Изучение писем фронтовиков с позиций лингвистической персонологии // The Scientific Heritage. 2019. № 2. С. 39 – 39.
2. Старостин К.А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. 13 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisma-frontovikov-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 14.03.2025)
3. Бойко Б.Л. Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта (к проблеме создания речевого портрета человека на войне) // Армия и общество. 2008. № 2. 11 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-modelirovaniya-rechevogo-portreta-nositelya-sotsialno-gruppovogo-dialekta-k-probleme-sozdaniya-rechevogo-portreta-cheloveka> (дата обращения: 14.03.2025)
4. Савина А.П. Прагмема как единица оценочной лексики // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 29 – 40.
5. Белова Н.Н. Семантика оценки в именах прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГОУ. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar658.doc>
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
7. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП им. И. Федорова, 2013.
8. Чубур Т.А. Методика лексико-концептуально-семантического анализа языковой и внеязыковой сфер разных культур в рамках сопоставительной лингвоконцептологии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 116 – 129.
9. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6 – 17.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Научное издание. Воронеж: Истоки, 2007. с. 250.

11. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Яз. русс. культуры, 1996. С. 284.
12. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филол. науки. 2005. № 4. С. 76 – 83.
13. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопр. языкознания. 1972. № 3. С. 20 – 32.
14. Вахтель Н.М. «Основы прагмалингвистики». Воронежский государственный университет (Воронеж), 2008. С. 68.
15. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. С. 367.

References

1. Logunova N.V., Mazitova L.L. Study of letters of front-line soldiers from the standpoint of linguistic personology. The Scientific Heritage. 2019. No. 2. P. 39 – 39.
2. Starostin K.A. Letters of front-line soldiers as an object of linguistic research. Ecology of language and communicative practice. 2016. No. 2. 13 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisma-frontovikov-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (date of access: 14.03.2025)
3. Boyko B.L. Principles of modeling the speech portrait of a speaker of a social-group dialect (to the problem of creating a speech portrait of a person at war). Army and Society. 2008. No. 2. 11 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-modelirovaniya-rechevogo-portreta-nositelya-sotsialno-gruppovogo-dialekta-k-probleme-sozdaniya-rechevogo-portreta-cheloveka> (date of access: 14.03.2025)
4. Savina A.P. Pragmeme as a unit of evaluative vocabulary. Bulletin of RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2014. No. 1. P. 29 – 40.
5. Belova N.N. Semantics of evaluation in adjectives: author's abstract. dis. ... cand. philological sciences. MGOU. URL: <http://www.avtoeref.mgou.ru/ar/ar658.doc>
6. Wolf E.M. Functional semantics of evaluation. Moscow: Editorial URSS, 2002.
7. Markelova T.V. Pragmatics and semantics of means of expressing evaluation in the Russian language. Moscow: MGUP im. I. Fedorov, 2013.
8. Chubur TA Methodology of lexical-conceptual-semantic analysis of linguistic and extra-linguistic spheres of different cultures in the framework of comparative linguoconceptology. Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2018. No. 4. P. 116 – 129.
9. Kubryakova E.S. On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics. Issues of cognitive linguistics. 2004. No. 1. P. 6 – 17.
10. Popova ZD, Sternin IA Semantic-cognitive analysis of language. Scientific publication. Voronezh: Istoki, 2007. P. 250.
11. Teliya V.N. Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguacultural aspects. Moscow: Language of Russian culture, 1996. P. 284.
12. Vorkachev S.G. Lingvoconceptology and intercultural communication: sources and goals. Philological sciences. 2005. No. 4. P. 76 – 83.
13. Bondarko A.V. On field theory in grammar – pledge and pledge-ness. Issues of linguistics. 1972. No. 3. 20 – 32.
14. Vakhtel N.M. "Fundamentals of pragmalinguistics". Voronezh State University (Voronezh), 2008. Page 68.
15. Апресян Ю.Д. Lexical semantics: Synonymous means of language. Moscow: Nauka, 1974. P. 367.

Информация об авторах

Мясищев Г.И., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет, georgy-2583@yandex.ru

Масленникова А.С., Донской государственный технический университет

Ковалева А.С., Донской государственный технический университет

Шац А.В., Донской государственный технический университет

Черкашина Е.Е., Донской государственный технический университет

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

Репрезентация советского прошлого в нарративе петербургских писательниц 2010-х годов

¹ Сун Яцян,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья исследует многоаспектную репрезентацию советского прошлого в прозе петербургских писательниц 2010-х годов (Е. Чиждова, Ю. Яковлева, Т. Москвина, К. Букша и др.). Анализируются механизмы работы с историческим опытом, включая культурный ресайклинг, историзм и мифологизацию. Петербургский контекст рассматривается как ключевой хронотоп памяти, опосредующий связь эпох, а женская оптика актуализирует приватные аспекты истории. Исследование выявляет нарративные стратегии конструирования советского, значимые для понимания трансформации культурной памяти в современной русской литературе и образовательных практиках.

Ключевые слова: советское прошлое, петербургские писательницы, историческая память, ресайклинг, травма, нарративные стратегии, Ленинград, постсоветская проза, культурный миф

Для цитирования: Сун Яцян Репрезентация советского прошлого в нарративе петербургских писательниц 2010-х годов // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 68 – 76.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Representation of the Soviet past in the narrative of St. Petersburg women writers of the 2010s

¹ Song Yaqiang,

¹ Saint Petersburg State University

Abstract: the article examines the multifaceted representation of the Soviet past in the prose of St. Petersburg women writers of the 2010s (E. Chizhova, Yu. Yakovleva, T. Moskvina, K. Buksha, etc.). It analyzes mechanisms of historical reworking, including cultural recycling, historicism, and mythologization. The St. Petersburg context is interpreted as a key chronotope of memory mediating between eras, while the female perspective foregrounds private dimensions of history. The study reveals narrative strategies of constructing Soviet past, relevant for understanding cultural memory transformation in contemporary Russian literature and educational contexts.

Keywords: Soviet past, St. Petersburg women writers, historical memory, recycling, trauma, narrative strategies, Leningrad, post-Soviet prose, cultural myth

For citation: Song Yaqiang Representation of the Soviet past in the narrative of St. Petersburg women writers of the 2010s. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 68 – 76.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Последние десятилетия ознаменовались в российской гуманитарной сфере феноменальным всплеском интереса к советскому прошлому, трансформирующимся из ностальгического любопытства в сложный механизм культурного ресайклинга. Этот процесс, фиксируемый в работах С. Бойм, анализирующей ностальгию как культурную травму [3], А. Эткинда, исследующего непогребенной советской истории [40], В.Ю. Вьюгина, осмысливающего «культурный ресайклинг» как методологию [8], и С. Ушакина, раскрывающего травматичность советского опыта [26], вышел за пределы академических штудий, став доминантой современного литературного процесса. Особую концентрированность данная тенденция приобрела в творчестве петербургских писательниц 2010-х годов, чьи тексты формируют самостоятельный корпус «советских нарративов», требующий системного филологического осмысления.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, обращение к советской эпохе перестало быть маргинальной тенденцией, превратившись в магистральный сюжет современной русской прозы, что подтверждается лауреатством романов Е.С. Чижовой («Русский Букер») и К.С. Букши («Национальный бестселлер»). Во-вторых, петербургский контекст создает уникальную оптику восприятия: город-памятник имперской и советской истории становится символическим медиатором между эпохами, что проявляется в цикле «Ленинградские сказки» Ю. Ю. Яковлевой, охватывающем 1930–1950-е годы. В-третьих, женская перспектива реконструкции прошлого актуализирует «негромкие» аспекты исторического опыта – частную жизнь, телесность, эмоциональные ландшафты (романы Т. В. Москвиной «Жизнь советской девушки» [16], Фигль-Мигль «Эта страна» [29]).

Цель статьи – проанализировать формы репрезентации советского прошлого в прозе петербургских писательниц 2010-х годов как формы обработки исторической и личной памяти. Задачи включают: анализ доминантных исторических периодов в репрезентации; определение нарративных стратегий мифологизации/деифологизации.

Материалы и методы исследований

В работе исследуется корпус прозаических текстов петербургских писательниц 2010-х годов, реконструирующих советский исторический опыт. В частности, анализируются романы и повести таких авторов, как Е.С. Чижова, Ю.Ю. Яковлева, Т.В. Москвина, К.С. Букша, С.В. Синицкая, Е.А. Чеботарева и других. Эти тексты охватывают ши-

рокий хронологический и тематический диапазон, отражая разнообразные аспекты восприятия и переосмысления советской эпохи в постсоветской литературе.

В работе применён комплекс литературоведческих методов, включающий тематический и жанровый анализ, структурно-семиотический метод, а также герменевтико-интерпретационный подход. Тематический анализ позволил выявить ключевые мотивы и концепты, связанные с советским прошлым, а жанровый анализ – определить специфику жанровых форм и их трансформацию в современных текстах. Структурно-семиотический метод обеспечил исследование уровней структуры произведений и выявление бинарных оппозиций, отражающих конфликтные отношения с советским наследием. Герменевтический подход способствовал интерпретации скрытых смыслов и контекстуализации текстов в социально-культурном пространстве постсоветской России.

Научная новизна работы заключается в преодолении фрагментарности существующих подходов. В отличие от исследований, фокусирующихся на отдельных авторах или тематических пластах (ностальгия, травма), мы рассматриваем петербургский женский нарратив как целостный феномен литературного процесса.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании современной русской литературы и культурологии, а также в подготовке учебных и методических материалов по теме советского наследия в постсоветской культуре. Анализ выявленных литературных стратегий обращения к советскому прошлому способствует более глубокому пониманию механизмов формирования культурной памяти и идентичности, что представляет интерес для специалистов в области филологии, культурологии и социологии литературы.

Результаты и обсуждения

Лауреат премии «Русский букер» 2009 года Чижова посвящает почти все свои книги советской теме. В романе «Время женщин» (2009), который принес писательнице широкую известность, рассказывается об истории одной ленинградской семьи, состоящей из женщин из разных поколений и из разных классов [30]. Время действия романа приходится на 1960-1970-х годы. По словам писательницы, одной из целей написания «Время женщин», стало стремление «понять феномен исторической памяти» [14, с. 328].

На самое деле, уже с самого первого романа – «Крошки Цахес» (2000), – изображение эпизодов

из советского прошлого стало главной темой для писательницы. В сюжетной основе уже этого романа лежит история одной учительницы ленинградской школы 1960-1970 годов. Затем обращение к советскому периоду стало почти не меняющейся традицией творчества Чижовой. Сегодня Чижова является автором десятки романов. Это «Крошки Цахес», «Лавра» (2002), «Преступница» (2005), «Орест и сын» (2007), «Время женщин», «Терракотная старуха» (2011), «Планета грибов» (2013), «Китаист» (2017) и «Город, написанный по памяти» (2018). Все эти произведения без исключения представляют собой тексты с «советскими» сюжетами.

В романе «Лавра», за который писательница стала финалистом премии «Русский букер» 2003 года, действие происходит в Ленинграде 1970 годов. В романе «Преступница», опубликованном в журнале «Звезда», представлена история жизни еще одной ленинградской женщины [37]. За роман «Преступница» Чижова снова стала финалистом премии «Русский букер». Романы «Терракотная старуха», «Планета грибов» посвящаются проблеме кризиса самоидентификации советского человека при социальной перемене в позднесоветском и постсоветском периодах [35, 39]. В романах «Китаист» и «Город, написанный по памяти» писательница тоже осмысляет советскую историю. Различие в том, что в романе «Китаист» осмысление осуществляется на основе смелого предположения альтернативной советской истории, а в романе «Город, написанный по памяти» – на основе семейной памяти о революции и гражданской войне, политике военного коммунизма и коллективизации, индустриализации, терроре и насилии, блокаде и ленинградской коммунальной жизни 1960-1970-х годов [31, 32].

Ссылаясь на роман «Время женщин», М.А. Литовская отмечает, что «чтение книг, получивших литературные премии в 2009 г., делает очевидной тенденцию “историзации”» [14, с. 328]. В своей рецензии к роману «Китаист» С. П. Костырко пишет, что «“Китаист” – это классический вариант романа-антиутопии (ретро), или «альтернативной истории» – текст не столько для “вчувствования”, сколько для “вдумывания”» [11]. Н.П. Крохина обращает внимание на проблематику соотношения частной жизни человека и общей исторической жизни, которая актуализируется в романе «Город, написанный по памяти». Крохина отмечает, что «Историзм – ключевая черта эпоса, обращённого к судьбоносным событиям национальной истории» и «важнейшим жанром романа XX века становится семейная хроника, поколенческая проблемати-

ка, проблема сохранения родовой семейной памяти» [13, с. 40].

Другим автором «советских историй» является Ю.Ю. Яковлева, номинант двух литературных премий «НОС» (2018) и «Национальный бестселлер» (2018). С 2016 года начался публиковать цикл романов-сказки Яковлевой «Ленинградские сказки», в которые входят пять романов – «Дети Ворона» (2016), «Краденый город» (2016) и «Жуки не плачут» (2018). Как указано в названии цикла книг, все романы посвящаются одной теме – ленинградской истории в сказочной форме, точнее истории от 1930-х годов до первой половине 1950-х гг, охватывающей большой террор, войну, блокаду и послевоенное время. В каждом романе изображается один период с действующими лицами, которые пережили эти катастрофические события [42, 43].

Кроме «Ленинградских сказок», Яковлева публикует еще серию «советских историй» в жанре детектива под названием «Следователь Зайцев». С 2017 года уже вышли три из цикла – это «Вдруг охотник выбегает», «Укрощение красного коня» (2017) и «Небо в алмазах» (2018) [41, 45, 46]. Произведение «Вдруг охотник выбегает» вошло в длинный список литературной премии «Национальный бестселлер». Время действия в криминальных ретро-детективах писательницы – период репрессий 1930-1940 годов, главным местом действия также стал Ленинград. Даже без рассмотрения деталей сюжетов видно, что по сравнению с текстами Чижовой, советские истории Яковлевой представлены совсем не в традиционной форме для советской темы и не в реалистической манере. В связи с этим, писательницу называют «революционеркой», которая совершила «революцию в жанре», рассказывая о сталинском советском «не языком учебника истории или публицистического манифеста, а языком фантазии, почти сказки» [1].

Но в таком революционном деле Яковлева далеко не одинока. Советские истории другой петербургской писательницы С.В. Синицкой также написаны языком сказки и даже фантасмагории. Синицкая стала известной для публики после получения литературной премии имени Н.В. Гоголя в 2019 году за второй авторский сборник «Мирноньч, дырник и жеможаха. Рассказы о Родине». В том же году книга вошла в финал еще одной значимой в России литературной премии «НОС». В сборник, опубликованный в 2018 году, включены три больших повести – «Гриша Недоквасов», «Митрофанушка Дурасов» и «Ганнибал Квашнин», среди которых повести «Гриша Недоквасов» и «Ганнибал Квашнин» относятся к советским историям. Первая повесть относится к периоду

Большого террора, сюжет выстраивается вокруг истории о судьбе гениального кукольника в советском концлагере. Вторая отсылает к рубежу XX и XXI веков, в ней рассказывается о истории мальчика, родители которого были убиты на почве ксенофобии, вспыхнувшей в позднесоветском и постсоветском времени [23].

Третий авторский сборник «Сияние “жеможаха”», попавший в 2020 году в короткий список одновременно двух весомых премий – «Национальный бестселлер», «Большая книга», – уже можно назвать чистым советским нарративом по его тематике. Все три повести, входящие в новый сборник – «Гриша Недоквасов», «Система полковника Смолова и майора Перова» и «Купчик и Акулька Дура, или Искушение грехов Алиеноры Аквитанской» именно об этом. Время действия повестей ограничивается первой половиной XX века, охватывающей самый болезненный период советского времени [22].

Жанры повестей Синицкой своеобразны. Повесть «Гриша Недоквасов» написана в форме гротеска, жанр произведения «Система полковника Смолова и майора Перова» писательница сама называет исторической буйей, а «Купчик и Акулька Дура, или Искушение грехов Алиеноры Аквитанской» автор определяет как феерию [24]. «Советские истории» писательницы воспринимаются читателями и критиками по-разному. Многие отмечают именно фантазмагоричность прозы Синицкой. В рецензии на ее книгу писатель Герман Садулаев пишет, что это «фантазмагория в полный рост» [21]. Сказочность повествования как отличительная черта ее прозы тоже отмечена в отзывах критиков. Писатель А. Снегирев определяет произведение как «абсурдисто-сказочное гонимо про репрессии» [25]. Критик Марина Кронидова называет книгу пересказом «взрослым детям истории на сказочный лад» [12].

В прозе С. В. Волковой советские сюжеты встречаются тоже относительно часто. В 2017 году вышел в свет сборник писательницы «Джентельмены и снеговики», в который входят девять прозаических произведений, в том числе и ранние рассказы и повести «Джентельмены и снеговики» и «Золотой цыпленок», опубликованные до этого в литературных журналах «Нева», «Октябрь» и «Дружба народов». Все они о советском детстве. Можно сказать, что в книге представлено советское прошлое с точки зрения детей [5, 6].

Помимо историй о советском детстве в 2019 году у Волковой была напечатана в журнале «Нева» еще одна повесть – «Коробка с зефиром», время действия которой относится к периоду «Большого террора», к 1936 году. В своей основе

это детектив, в котором рассказывается об истории одного ленинградского литературного кружка в начале большого террора [7].

К дополнению этого списка можно назвать и А. Дубровскую, которая опубликовала несколько «советских историй» в литературных журналах. В 2014 году в журнале «Волга» вышла повесть «Египетский дом». Историческим фоном в ней стали советские 1980-1990-е годы [9]. В 2020 году в журнале «Зинзивер» был напечатан рассказ писательницы «Альбом памяти». На основе рассказа был написан роман-воскрешение «Апельсиновое дерево», опубликованный в журнале «Урал». Роман представляет собой историю о мальчике, вернувшийся из эвакуации вместе с семьей в Ленинград после войны.

Если для Чижовой, Яковлевой, Синицкой, Волковой, Дубровской обращение к советскому прошлому еще можно назвать традиционным, исходя из повторения этого мотива в их творчестве, то в течение 2000-2010-х годов появление советской тематики в нарративе авторов как К.С. Букши, Т.В. Москвиной, Фигль-Мигль и О.Л. Погодиной-Кузминой пока остается лишь отдельными случаями.

В 2014 году петербургская писательница Букша стала лауреатом премии «Национальный бестселлер» за роман «Завод “Свобода”», что назвали «заметным событием в литературном мире России» [15]. Новый роман Букши во многом напоминает об уже забытом литературном жанре ушедшей советской эпохи – производственной прозе [4]. По мнению критиков, ей удалось довольно точно воссоздать советскую пролетарскую атмосферу, с которой она лично никогда не сталкивалась. Например, один из рецензентов книги Любовь Беляцкая отмечает, что «История вымышленного, но узнаваемого во множестве своих реальных братьев, советского предприятия показана исторически достоверно» [2].

В предисловие к роману, опубликованному в 2013 году в журнале «Новый мир», Д.Л. Быков пишет, что Букша «точно уловив запрос эпохи, написала производственный роман – опять, конечно, сюрреалистический, но на огромном фактическом материале, который изучала с добросовестностью молодого специалиста» [4].

Не все согласны с утверждением Быкова о том, что «Завод “Свобода”» – это производственный роман. Например, по мнению филолога А. Козакевич роман Букши трудно назвать производственным романом, если иметь в виду социальность к индустриализации художественного мира. По мнению филолога, такой потребности в современной России не наблюдается, и с точки зрения эсте-

тики эта книга писательницы «тоже далека от русского производственного романа» [10]. Трудно сказать, кто в этом споре прав, но сам факт спора показывает, что роман «Завод “Свобода”» действительно еще раз вызвал широкую дискуссию о следах ушедшего советского в современной культуре и литературе.

В 2015 году, когда все начали обсуждать роман писательницы Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», который вызвал настоящий шум в литературном мире России, наверное, мало того, кто заметил, что вместе с романом «Зулейха открывает глаза» в длинный список премии «Большая книга» стоит и роман еще одной писательницы из Петербурга «Жизнь советской девушки», который тоже про советское, и тоже про женские опыты. Биороман «Жизнь советской девушки» Т. В. Москвиной был издан в 2014 году. Как говорит сама писательница, роман был написан как ее автопортрет на ленинградском фоне 1960-1970-х годов [16].

В романе «Эта страна», который был опубликован в 2017 году, популярный автор детективов из Петербурга Фигль-Мигль тоже ссылает к советскому. Однако при этом писательница не возвращает читателя в прошлое, а воскрешает советских людей в будущем. Сюжет романа состоит в том, что в недалеком будущем президент РФ одобряет нацпроект, вдохновленный «Философией общего дела», в рамках которого воскрешают генофонд, репрессированный за годы советской власти: расстрелянных, умерших в заключении и покончивших жизнь самоубийством. Роман написан в форме детектива, причем конфликт стоит между разными фракциями компартии СССР [29].

Роман петербургской писательницы О. Л. Погодиной-Кузминой «Уран», опубликованный в 2019 году, является еще одним случаем, когда советское репрезентируется в форме детектива, точнее шпионского детектива. Действие романа разворачивается в 1953 году, накануне смерти Сталина, в советской Эстонии, где находится Секретный Комбинат по обеспечению урановой руды, необходимой для реализации советского атомного проекта. В романе отсылка на советское осуществляется не только в фабульном плане, что имеет ввиду обращение к событиям советской эпохи, но и в плане эстетики. В нем используются элементы производственной прозы [20].

Подходы к советскому прошлому у петербургских писательниц различны, но все они не столько изображают, сколько осмысливают как исторический феномен. Писательница Елена Чижова говорит по этому поводу, что «наше не до конца осмысленное прошлое. Думаю, отсюда прорастают многие наши беды» [31].

Ностальгия не является единственной мотивацией для писателей. Говоря о ностальгии по прошлому, Синицкая в интервью высказала такое мнение:

Что значит – ностальгируют по тем временам? Нас ведь там не было...Трудно охватить взглядом и дать объективную оценку того, что было сравнительно недавно, осознание истории требует времени[24].

Иными словами, мы наблюдаем явление, которое лучше толковать как ресайклинг, при котором советское востребуется как материал для нового творения, что неизбежно приведет к мифологизации и десемантизации советского.

Например, автор производственного романа «Завод “Свобода”» говорит, что в романе она пользуется советскими вещами как материалом, но сама тема ей «не очень интересна»:

Я участвовала в создании брендбука для одного из петербургских оборонных заводов. Пришлось взять много интервью у разных людей. Остался материал, не вошедший в этот самый брендбук. На его основе я и написала роман. Вообще же, когда я пишу, я выбираю не тему, а, в первую очередь, ощущение, атмосферу. Я, если можно так выразиться, беспредметный автор, мне «темы» не очень интересны [15].

Следует учесть фактор возраста. Многие из петербургских писательниц родились в послевоенное время. Это значит, что они в некоем смысле слишком молоды для того, чтобы полагаться на свою память при повествовании ранней истории Ленинграда. Например, автор нашумевшего производственного романа «Завод “Свобода”» Ксения Букша родилась в 80-е годы. Иначе говоря, личная память и собственный опыт, на которые они могут полагаться при создании своих ленинградских историй, не могут быть единственными истоками ленинградских историй петербургских писательниц. На материальной основе нарратива писательниц часто лежит личная, семейная, и даже историческая память, которые прослеживаются в нарративе писательниц. Отсюда также образуется некий пробел, который предоставляет писательницам свободу для различных интерпретаций и ресайклинга.

Выводы

В заключение проведенного анализа можно отметить, что творчество современных петербургских писательниц органично вписывается в более широкую тенденцию обращения к советскому прошлому как важному культурному и историческому феномену. В их произведениях воспоминания о советской эпохе, изображения ключевых событий и отсылки к культурным формам и дета-

лям повседневной жизни становятся неотъемлемой частью повествования. Исторические события, формирующие образ ленинградского прошлого, а также городская мифология выступают источниками сюжетных линий и мотивов, что свидетельствует о значительной роли переработки советской мифологии в литературной практике 2010-х годов.

При этом подходы к осмыслению советского наследия у разных авторов существенно варьируются: от «историзма», в котором советское прошлое рассматривается как объект рефлексии и исторического анализа, до концепции «культурного ресайклинга», предполагающей использование советских образов и символов в качестве материала для создания новых художественных смыслов.

Такая переработка неизбежно приводит к мифологизации и десемантизации советского, что отражается в многообразии жанровых форм — от мемуарных и детективных до фантазмагорических.

Таким образом, советское прошлое в произведениях петербургских писательниц предстает как сложный и многогранный культурный конструкт, который одновременно является предметом исторической памяти, объектом мифотворчества и материалом для художественной интерпретации. Это свидетельствует о продолжающейся актуальности и динамичности темы советского наследия в современной российской литературе и подчеркивает необходимость дальнейшего исследования её трансформаций и функций в постсоветском культурном пространстве.

Список источников

1. Алексеенко С. Она написала убийство [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/02/24/ona-napisala-ubiystv> (дата обращения: 30.01.2025)
2. Беляцкая Л. Ксения Букша «Завод “Свобода”» [Электронный ресурс]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2014/dlinnyj-spisok/kseniya-buksha-zavod-svoboda/> (дата обращения: 30.01.2025)
3. Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
4. Букша К. Завод «Свобода» // Новый мир. 2013. № 8. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/8/zavod-svoboda.html (дата обращения: 30.01.2025)
5. Волкова С. В. Джентльмены и снеговики // Нева. 2015. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2015/9/dzhentlmeny-i-snegoviki.html> (дата обращения: 30.01.2025)
6. Волкова С. В. Золотой цыпленок // Дружба народов. 2017. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/9/zolotoj-czyplenok.html> (дата обращения: 30.01.2025)
7. Волкова С. В. Коробка с зефиром. Повесть // Нева. 2019. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2019/8/korobka-s-zefirom.html> (дата обращения: 30.01.2025)
8. Вьюгин В. Ю. От составителя // Культурный ресайклинг: опыт (пост)советского // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169). С. 10 – 14.
9. Дубровская А. Египетский дом // Волга. 2016. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2016/11/egipetskiy-dom.html> (дата обращения: 30.01.2025)
10. Козакевич А. Букша Ксения. Завод “Свобода”. [Электронный ресурс]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2014/dlinnyj-spisok/kseniya-buksha-zavod-svoboda/> (дата обращения: 30.01.2025)
11. Костырко С.П. Два в одном: Елена Чижова. Китаист // Знамя. 2017. № 10. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6740> (дата обращения: 30.01.2025)
12. Кронидова М. София Синицкая «Сияние “Жемотаха”» [Электронный ресурс]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2020/dlinnyj-spisok/sofiya-sinickaya-siyanie-zhemotaha/> (дата обращения: 30.01.2025)
13. Крохина Н. П. Человек и история в романе Е. Чижовой «Город, написанный по памяти» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 7. С. 40 – 48.
14. Литовская М.А. Советская империя как тема современной литературы // Ностальгия по советскому. Томск, 2011. С. 326 – 343.
15. Ляшенко Е. Победитель «Нацбеста» Ксения Букша: «В шорт-листах бывают хорошие книжки» [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.aif.ru/culture/person/1179505> (дата обращения: 30.01.2025)
16. Москвина Т. В. Жизнь советской девушки: биороман. М.: АСТ, 2015. 350 с.
17. Погодина-Кузмина О. Адамово яблоко. М.: АСТ, 2011. 576 с.
18. Погодина-Кузмина О. Власть мертвых. М.: АСТ, 2013. 400 с.
19. Погодина-Кузмина О. Сумерки волков. М.: Лимбус Пресс, 2015. 320 с.
20. Погодина-Кузмина О. Уран. М.: ИД «Городец-Флюид», 2020. 384 с.

21. Садулаев С. София Синицкая «Сияние “Жеможаха”» [Электронный ресурс]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2020/dlinnyj-spisok/sofiya-sinickaya-siyanie-zhemozhaha/> (дата обращения: 30.01.2025)
22. Синицкая С. «Сияние “Жеможаха”». СПб.: Лимбус Пресс, 2021. 356 с.
23. Синицкая С. Мironyч, дырник и жеможаха. Рассказы о родине. СПб.: Лимбус Пресс, 2019. 356 с.
24. Синицкая С. При желании во врага народа можно записать любого. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/culture/2020/07/11/pri-zhelanii-vo-vraga-naroda-mozhno-zapisat-lyubogo.html>
25. Снегирев А. София Синицкая «Сияние “Жеможаха”» [Электронный ресурс]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2020/dlinnyj-spisok/sofiya-sinickaya-siyanie-zhemozhaha/> (дата обращения: 30.01.2025)
26. Ушакин С. Нам этой болью дышать // Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–45.
27. Фигль-Мигль. Волки и медведи. СПб.: Лимбус-пресс, 2013. 496 с.
28. Фигль-Мигль. Щастье. СПб.: Лимбус-пресс, 2013. 320 с.
29. Фигль-Мигль. Эта страна. СПб.: Лимбус-пресс, 2017. 377 с.
30. Чижова Е. Время женщин. Роман // Звезда. 2009. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2009/3/vremya-zhenshhin.html> (дата обращения: 30.01.2025)
31. Чижова Е. Выходит, есть два мнения: одно их, другое — преступное... [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/14/80514-vyehodit-est-dva-mneniya-odno-ih-drugoe-prestupnoe> (дата обращения: 30.01.2025)
32. Чижова Е. Город, написанный по памяти // Звезда. 2018. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/10/gorod-napisannyj-po-pamyati.html> (дата обращения: 30.01.2025)
33. Чижова Е. Китаист. М.: АСТ, 2017. С. 150.
34. Чижова Е. Крошки Цахес. Роман // Звезда. 2000. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/4/kroshki-ctzahes-roman.html> (дата обращения: 30.01.2025)
35. Чижова Е. Лавра. М.: АСТ, 2011.
36. Чижова Е. Планета грибов. Роман // Звезда. 2013. № 10/11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/10/planeta-gribov.html> (дата обращения: 30.01.2025)
37. Чижова Е. С. Орест и сын. М.: АСТ, 2012. 352 с.
38. Чижова Е. С. Преступница. М.: АСТ, 2004. 416 с.
39. Чижова Е. Терракотовая старуха: роман. М.: АСТ, 2011. 416 с.
40. Эткинд А. Кривое горе: память о непогребённых. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
41. Яковлева Ю. Вдруг охотник выбегает. М.: Издательство «Э», 2017. 384 с.
42. Яковлева Ю. Дети ворона: 1938 год. Ленинградские сказки. М.: Самокат, 2021. 264 с.
43. Яковлева Ю. Жуки не плачут. Ленинградские сказки. М.: Самокат, 2021. 224 с.
44. Яковлева Ю. Краденный город: 1941 год. Ленинградские сказки. М.: Самокат, 2021. 424 с.
45. Яковлева Ю. Небо в алмазах. М.: Издательство «Э», 2018. 320 с.
46. Яковлева Ю. Укрощение красного коня. М.: Издательство «Э», 2017. 377 с.

References

1. Alekseenko S. She wrote murder [Electronic resource]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/02/24/ona-napisala-ubiystv> (date of access: 01.30.2025)
2. Belyatskaya L. Ksenia Buksha "Svoboda Plant" [Electronic resource]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2014/dlinnyj-spisok/kseniya-buksha-zavod-svoboda/> (date of access: 01.30.2025)
3. Boym S. The future of nostalgia. Moscow: New Literary Review, 2019. 680 p.
4. Buksha K. Svoboda Plant. New World. 2013. No. 8. URL: https://magazines.gorky.media/novyj_mi/2013/8/zavod-svoboda.html (date of access: 30.01.2025)
5. Volkova S.V. Gentlemen and Snowmen. Neva. 2015. No. 9. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2015/9/dzhentlmeny-i-snegoviki.html> (date of access: 30.01.2025)
6. Volkova S.V. Golden Chicken. Friendship of Peoples. 2017. No. 9. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/9/zolotoj-czyplenok.html> (date of access: 30.01.2025)
7. Volkova S.V. Box with marshmallows. Story. Neva. 2019. No. 8. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2019/8/korobka-s-zefirom.html> (date of access: 30.01.2025)
8. Vyugin V.Yu. From the compiler. Cultural recycling: the experience of the (post)Soviet. New literary review. 2021. No. 3 (169). P. 10 – 14.

9. Dubrovskaya A. Egyptian house. Volga. 2016. No. 11. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2016/11/egipetskij-dom.html> (date of access: 30.01.2025)
10. Kozakevich A. Buksha Ksenia. Plant "Svoboda". [Electronic resource]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2014/dlinnyj-spisok/kseniya-buksha-zavod-svoboda/> (date of access: 30.01.2025)
11. Kostyrko S.P. Two in One: Elena Chizhova. Sinologist. Znamya. 2017. No. 10. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6740> (date of access: 30.01.2025)
12. Kronidova M. Sofia Sinitskaya "The Shining of "Zhemozhakha"" [Electronic resource]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2020/dlinnyj-spisok/sofiya-sinickaya-siyanie-zhemozhaha/> (date of access: 30.01.2025)
13. Krokhina N.P. Man and History in the Novel by E. Chizhova "The City Written from Memory". Conference Proceedings of the Research Center Sociosphere. 2020. No. 7. Pp. 40 – 48.
14. Litovskaya M.A. The Soviet Empire as a Theme of Contemporary Literature. Nostalgia for the Soviet. Tomsk, 2011. P. 326 – 343.
15. Lyashenko E. The Winner of the National Bestseller Ksenia Buksha: "There Are Good Books on Shortlists" [Electronic resource]. URL: <https://spb.aif.ru/culture/person/1179505> (date accessed: 30.01.2025)
16. Moskvina T. V. The Life of a Soviet Girl: A Bionovel. Moscow: AST, 2015. 350 p.
17. Pogodina-Kuzmina O. Adam's Apple. Moscow: AST, 2011. 576 p.
18. Pogodina-Kuzmina O. The Power of the Dead. Moscow: AST, 2013. 400 p.
19. Pogodina-Kuzmina O. Twilight of the Wolves. Moscow: Limbus Press, 2015. 320 p.
20. Pogodina-Kuzmina O. Uranium. Moscow: Gorodets-Fluid Publishing House, 2020. 384 p.
21. Sadulaev S. Sofia Sinitskaya "The Shining of Zhemozhakha" [Electronic resource]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2020/dlinnyj-spisok/sofiya-sinickaya-siyanie-zhemozhaha/> (accessed: 01/30/2025)
22. Sinitskaya S. "The Shining of Zhemozhakha". SPb.: Limbus Press, 2021. 356 p.
23. Sinitskaya S. Mironych, the Hole-Drover and the Zhemozhakha. Stories about the Motherland. SPb.: Limbus Press, 2019. 356 p.
24. Sinitskaya S. If desired, anyone can be recorded as an enemy of the people. [Electronic resource]. URL: <https://www.mk.ru/culture/2020/07/11/pri-zhelanii-vo-vraga-naroda-mozhno-zapisat-lyubogo.html>
25. Snegirev A. Sofia Sinitskaya "The Shining of "Zhemozhakha"" [Electronic resource]. URL: <https://natsbest.com/sezon-2020/dlinnyj-spisok/sofiya-sinickaya-siyanie-zhemozhaha/> (date accessed: 30.01.2025)
26. Ushakin S. We have to breathe this pain. Trauma: points: collection of articles. compiled by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow: New Literary Review, 2009. P. 5 – 45.
27. Figl-Migl. Wolves and Bears. St. Petersburg: Limbus-press, 2013. 496 p.
28. Figl-Migl. Happiness. St. Petersburg: Limbus-press, 2013. 320 p.
29. Figl-Migl. This Country. SPb.: Limbus-press, 2017. 377 p.
30. Chizhova E. Time of Women. Novel. Zvezda. 2009. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2009/3/vremya-zhenshhin.html> (date of access: 30.01.2025)
31. Chizhova E. It turns out that there are two opinions: one of them, the other is criminal ... [Electronic resource]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/14/80514-vygodit-est-dva-mneniya-odno-ih-drugoe-prestupnoe> (date of access: 30.01.2025)
32. Chizhova E. City, written from memory. Zvezda. 2018. No. 10. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/10/gorod-napisannyj-po-pamyati.html> (date of access: 30.01.2025)
33. Chizhova E. Kitaist. M.: AST, 2017. S. 150.
34. Chizhova E. Kroshki Tsakhes. Novel. Zvezda. 2000. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/4/kroshki-czahes-roman.html> (date of access: 30.01.2025)
35. Chizhova E. Lavra. M.: AST, 2011.
36. Chizhova E. Planet of Mushrooms. Novel. Zvezda. 2013. No. 10/11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/10/planeta-gribov.html> (access date: 01/30/2025)
37. Chizhova E.S. Orest and son. M.: AST, 2012. 352 p.
38. Chizhova E.S. Criminal. M.: AST, 2004. 416 p.
39. Chizhova E. Terracotta old woman: a novel. M.: AST, 2011. 416 p.
40. Etkind A. Crooked grief: memory of the unburied. M.: New Literary Review, 2016. 328 p.
41. Yakovleva Yu. Suddenly the Hunter Runs Out. Moscow: Izdatelstvo "E", 2017. 384 p.
42. Yakovleva Yu. Children of the Raven: 1938. Leningrad Tales. Moscow: Samokat, 2021. 264 p.
43. Yakovleva Yu. Beetles Don't Cry. Leningrad Tales. Moscow: Samokat, 2021. 224 p.

44. Yakovleva Yu. Stolen City: 1941. Leningrad Tales. Moscow: Samokat, 2021. 424 p.
45. Yakovleva Yu. Sky in Diamonds. Moscow: Izdatelstvo "E", 2018. 320 p.
46. Yakovleva Yu. Taming the Red Horse. M.: Publishing house "E", 2017. 377 p.

Информация об авторе

Сун Яцян, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-2572-1517>, Санкт-Петербургский государственный университет, song-yaqiang@foxmail.com

© Сун Яцян, 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 378.147

Перспективы использования нейросетей на занятиях иностранного языка в высшем учебном заведении

¹ Мороз Ю.А.,

¹ Севастопольский государственный университет

Аннотация: цель исследования – определить возможности использования нейросетей как инновационного инструмента создания учебного контента и средства организации интерактивной образовательной среды на занятиях по иностранному языку в вузе. Для лучшего понимания технических аспектов использования нейросетей в обучении иностранным языкам предоставляется обзор основных типов и архитектур релевантных нейросетей, используемых для обработки природного языка. Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем впервые представлены 3 разных способа использования нейросетей для проведения занятий по иностранному языку и подготовки к ним (персонализированное обучение, автоматизированная оценка и привлечение языковых ассистентов). Кроме того, приводятся результаты экспериментального исследования, демонстрирующего эффективность, качество, недостатки и проблемы указанных выше способов использования нейросетей в учебном процессе высшей школы. Общие выводы подчеркивают значимость и перспективы использования нейросетей для улучшения обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях, но также указывают на необходимость тщательной подготовки и поддержки преподавателей и студентов как со стороны администрации университетов, так и со стороны государства, что необходимо для успешной имплементации этих инноваций.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, иностранный язык, персонализированное обучение, автоматизированная оценка, языковые ассистенты)

Для цитирования: Мороз Ю.А. Перспективы использования нейросетей на занятиях иностранного языка в высшем учебном заведении // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 77 – 84.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Prospects for using neural networks in foreign language classes at higher education institutions

¹ Moroz Yu.A.,

¹ Sevastopol State University

Abstract: the purpose of the study is to determine the possibilities of using neural networks as an innovative tool for creating educational content and a means of organizing an interactive educational environment in foreign language classes at a university. For a better understanding of the technical aspects of using neural networks in teaching foreign languages, an overview of the main types and architectures of relevant neural networks used for processing natural language is provided. The scientific novelty of this study lies in the fact that it presents for the first time 3 different ways of using neural networks for conducting foreign language classes and preparing for them (personalized learning, automated assessment and involving language assistants). In addition, the results of an experimental study are presented demonstrating the effectiveness, quality, disadvantages and problems of the above methods of using neural networks in the educational process of higher education. The general conclusions emphasize the importance and prospects of using neural networks to improve the teaching of foreign languages in higher education institutions, but also indicate the need for careful preparation and support of teachers and students from both university administration and the state, which is necessary for the successful implementation of these innovations.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, foreign language, personalized learning, automated assessment, language assistants

For citation: Moroz Yu.A. Prospects for using neural networks in foreign language classes at higher education institutions. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 77 – 84.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

В течение последних лет тема нейросетей приобрела значительную популярность как среди обычных людей, так и среди влиятельных корпораций. Их использование растет, они широко применяются в разных областях, таких как обработка естественного языка, распознавание речи, машинный перевод и т.д. Одним из направлений применения нейросетей является сфера образования, в том числе преподавание иностранных языков.

В отечественной научной литературе отмечается важная роль изучения иностранных языков в вузе, более того, подобная компетентность выпускника вуза рассматривается в качестве обязательного компонента профессиональной подготовки.

Студенты непрофильных вузов зачастую не считают изучение иностранных языков своим приоритетом, начинают пропускать занятия и теряют интерес к повышению своего уровня владения иностранным языком, ограничиваясь базой умений и знаний, полученных в школе. Нейросети могут помочь решить некоторые проблемы, связанные с подготовкой и проведением занятий по иностранному языку в высших учебных заведениях, такие как адаптация учебного материала к уровню студентов, генерация заданий и тестов, автоматическая оценка навыков студентов, персонализация учебного процесса и т.п.

Как отмечает Л.А. Гаджиева, «системы искусственного интеллекта могут заполнить то пространство, которое недоступно преподавателю (например, некоторые аспекты самостоятельной работы студентов), освободить ему время для повышения квалификации и корректировки стратегии и методологии обучения, а также повысить доступность и качество образования» [2, с. 27]. С началом изучения иностранных языков при помощи ИИ у преподавателей будет больше времени для координации процесса обучения и наставничества студентов. Наиболее технически подкованные преподаватели смогут попробовать себя в роли специалистов по обработке данных, анализируя и используя данные, полученные в процессе обучения [12, с. 87].

В последнее десятилетие разнообразные типы нейросетей и их использование очень тщательно исследовались и описывались в разных научных работах: внедрение технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования [3, 12, 9, 13] использование нейросетей в иноязычном образовании [2, 5, 10, 11], в частности в обучении английскому языку [4, 6, 8].

На основе вышесказанного актуальность данного исследования обусловлена повсеместным использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сфере образования, необходимостью подготовки преподавателей к корректному использованию нейросетей, сложностью внедрения нейросетей в образовательный процесс высшей школы.

Целью статьи является исследование возможностей и преимуществ использования нейросетей для проведения занятий по иностранному языку в учреждениях высшего образования.

Для понимания потенциала нейросетей в образовании, необходимо дать описание того, что такое нейросети и как они могут быть применены для обучения иностранным языкам, в частности английскому.

В связи с этим нами были выделены следующие задачи:

1) на основе анализа научной и учебно-методической литературы определить основные способы использования нейросетей в образовательном процессе высшей школы, в частности в процессе обучения иностранному языку;

2) определить педагогические задачи обучения иностранному языку (английскому) с использованием нейросетей;

3) представить результаты экспериментального исследования по обучению иностранному языку студентов бакалавриата ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» с использованием искусственного интеллекта.

Материалы и методы исследований

Анализ научных, учебно-методических материалов по проблемам внедрения нейросетей в обра-

зовательный процесс высшей школы, систематизация и обобщение результатов применения нейросетей в практике преподавания иностранного языка, опытная работа автора статьи по внедрению нейросетей в процесс обучения английскому языку.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленные примеры работы с нейросетями на занятиях по английскому языку могут быть использованы как основа для формирования методических материалов, а полученные в ходе апробации занятия результаты позволят в дальнейшем сформировать методику работы с нейросетями в практике преподавания английского языка в вузе.

Результаты и обсуждения

Нейросети – это информационные системы, которые пытаются моделировать работу человеческого мозга. Они состоят из большого количества связанных между собой единиц, которых называют нейронами или искусственными нейронами. Каждый такой нейрон принимает входные данные, обрабатывает их и выдает исходные данные. Основная идея состоит в том, что искусственные нейроны могут обучаться и адаптироваться к новой информации на основе примеров.

Нейросети используются для обработки естественного языка, включающего тексты, речь и другие аспекты коммуникации. Для этого используются специальные архитектуры, которые учатся понимать и генерировать язык.

Из таких работ мы знаем о рекуррентных нейросетях (RNN), которые могут анализировать последовательности слов и предусмотреть следующее слово в тексте. RNN используют, например, для распознавания текста написанного от руки [16, с. 855] или распознавание языка человека [20, с. 338]. Сверточные нейросети могут определять паттерны в тексте, такие как ключевые слова или фразы, используемые для создания систем рекомендации контента [19, с. 2644], создание нейрокомпьютерного интерфейса [14, с. 142]. Трансформеры, такие как BERT и GPT, могут понимать связи между словами и создавать большие модели, которые могут генерировать текст или отвечать на вопросы и создавать контент подобно людям [17].

В глобальном масштабе существуют самообучающиеся системы ИИ высокоинтеллектуального профиля, способные получать, перерабатывать и выдавать информацию различного уровня сложности (когнитивная система Watson от компании IBM; база знаний и набор вычислительных алгоритмов, вопросно-ответная система Wolfram Alpha от компании Wolfram Research и др.). Системы ИИ в сфере образования могут быть применены при

машинном обучении (machine learning), задействующем в образовательном процессе «умных виртуальных ассистентов» (например, виртуальный голосовой помощник Алиса от компании Яндекс; голосовой помощник Маруся, разработанный компанией VK; облачный персональный помощник и вопросно-ответная система Siri от компании Apple, виртуальный голосовой помощник Alexa от компании Amazon и др., причем первые два могут быть использованы скорее для справки о какой-либо информации, так как они практически не распознают английскую речь), аватаров и чат-ботов, способных одновременно выполнять несколько интеллектуальных функций (голосовой помощник Cortana от компании Microsoft; персонализированный сервис поиска GoogleNow от компании Google; смарт-динамик Echo, ранее известный как Doppler, от компании Amazon и др.). Помимо этого, это могут быть системы больших данных (Big Data Systems), с блокчейном и облачными вычислениями для формирования и обработки защищенных системами шифрования портфолио учащихся и педагогов, построение рейтинга на основе достижений и эффективного контракта, фиксация сформированности общих и профессиональных компетенций; средства дистанционной оценки, контроля и валидации экзаменационно-аттестационных мероприятий (ресурс для изучения иностранного языка Duolingo, система прокторинга (контроля и верификации тестов) ProctorEdu и др.); виртуальная и дополненная реальность, используемая в рамках образовательного процесса; собственно образовательные системы на основе ИИ (AIED) [7, 1, с. 84].

Такие нейросети открывают новые возможности для обучения и преподавания иностранных языков, далее мы рассмотрим, как именно это используется в высшем учебном заведении.

Использование нейросетей для преподавания иностранных языков является актуальной и перспективной проблемой, требующей глубокого теоретического и практического исследования. Как уже было выше обозначено, нейросети являются искусственными интеллектуальными системами, которые способны учиться на основе данных и адаптироваться к разным условиям. Они могут применяться для решения различных задач, связанных с изучением иностранных языков, таких как распознавание языка, перевод, генерация текста, оценка уровня знаний, создание интерактивных сценариев и т.д.

Одним из направлений применения нейросетей для преподавания иностранных языков является разработка интеллектуальных ассистентов, которые могут способствовать улучшению коммуни-

кативных компетенций студентов. Такие ассистенты могут иметь форму чат-ботов, голосовых агентов или виртуальных персонажей, которые могут вести диалог с пользователем на определенную тему, используя естественный язык. К примеру, в Китае разработан проект Liulishuo, который предлагает персонализированный курс английского языка с использованием голосового ассистента, который может понимать, отвечать и оценивать произношение пользователя. Такие ассистенты используют нейросети для распознавания и генерации языка, осуществления семантического анализа, построения диалоговой стратегии и предоставления обратной связи.

Использование нейросетей на занятиях иностранного языка в вузе является относительно новым явлением. В пример можно привести Grammarly. Grammarly – американский облачный помощник для набора текста. Он проверяет орфографию, грамматику, пунктуацию, ясность, любопытство и ошибки в английских текстах. Также обнаруживает плагиат и предлагает замены для обнаруженных ошибок [18]. Кроме того, Grammarly позволяет пользователям настраивать стиль, тон и язык в соответствии с контекстом.

Рассмотрим различные способы использования нейросетей, направленных на улучшение обучения иностранным языкам и подготовку к занятиям в учреждениях высшего образования. Внимание будет уделено 3 аспектам: персонализация обучения, автоматизация оценки, языковые ассистенты.

Персонализированное обучение. Одним из ключевых преимуществ использования нейросетей для улучшения обучения иностранному языку является возможность создания персонализированных программ обучения для каждого студента. Это значит, что преподаватели могут предоставлять студентам индивидуальные материалы и задачи, которые отвечают их потребностям и уровню знаний. Благодаря использованию ИИ при изучении нового языка можно учитывать потребности каждого отдельного студента [12].

Рассмотрим преимущества введения автоматизированной оценки:

- **Объективность:** системы на основе нейросетей оценивают студенческие работы объективно и консистентно, не поддаются эмоциональному воздействию и не устают.

- **Быстрота.** Нейросети могут оценить студенческую работу в несколько секунд, что уменьшает время, необходимое для возвращения результатов студентам.

- **Сложность оценки.** Системы на основе нейросетей могут оценивать разные аспекты студенческих работ, включая правильность ответов,

грамматическую корректность, структуру текста и стилистики.

- **Обеспечение обратной связи.** После автоматизированной оценки системы могут предоставлять студентам подробную обратную связь, указывая на ошибки и недостатки в их работах.

- **Масштабность.** Системы автоматизированной оценки могут быть использованы для большого количества студентов одновременно.

- **Обучение моделей.** Нейросети могут постоянно совершенствоваться и учиться на примерах, что делает их способными к более точной и эффективной оценке со временем.

Кроме того, такой подход может быть полезен преподавателям, поскольку он освобождает их от необходимости тратить время на рутинную оценку и позволяет сосредоточиться на более важных аспектах обучения.

Человеку необходимо контролировать качество работы ИИ, нужно проверять и верифицировать полученные данные, закладывая на это время и ресурсы. В связи с этим ИИ нужно рассматривать как помощника преподавателя вуза, а не его заместителя [2].

Языковые ассистенты – еще один способ использования нейросетей. Они представляют собой интерактивные системы, которые общаются со студентами. Среди их особенностей и преимуществ можем выделить:

- **Обучение в реальном времени.** Языковые ассистенты на основе нейросетей могут взаимодействовать со студентами и преподавателями в режиме реального времени. Они могут служить собеседниками, исправлять произношение, давать ответы на вопросы и создавать ситуации для практики речи в аутентичных ситуациях.

- **Персонализированный подход.** Языковые ассистенты могут адаптироваться к уровню знаний и потребностей каждого студента или преподавателя. Они способны помогать преподавателю в создании планов, задач и упражнений.

- **Языковая аналитика:** Языковые ассистенты на основе нейросетей могут анализировать произношение и выразительность студентов и способны предоставлять статистику и советы по улучшению языковых навыков.

В общем, языковые ассистенты на основе нейросетей могут открыть новые возможности для эффективного обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях.

Адекватная и полная реализация описанных выше аспектов: персонализированного обучения, автоматизации оценки и языкового ассистента требует участия университета и соответствующего финансирования. Ведь некоторое программное

обеспечение достаточно ограничено в своих бесплатных версиях (например ChatGPT), остальное полностью платное. В отдельных случаях необходимое ПО имеет планы и версии, с функционалом подстроенным под уровень университетов (Grammarly). Расчет у них идет на общую интеграцию в образовательное учреждение, а не одного отдельного пользователя.

Далее мы сосредоточимся на тестировании, направленном на оценку эффективности и качества способов использования нейросетей для обучения иностранным языкам в университетской среде и описании возможных проблем, которые необходимо преодолеть. Описанное исследование проводится с позиции отдельного преподавателя и с использованием обычных бесплатных версий программного обеспечения. Это, в свою очередь, сильно ограничивает возможности и объем тестирования, но лучше демонстрирует среднестатистический опыт пользователя, не имеющего соответствующего необходимого финансового обеспечения на индивидуальном уровне и программного на уровне ВУЗа.

Персонализированное обучение. Для реализации подхода персонализированного обучения нами был выбран ChatGPT – чат-бот на основе языковой модели, разработанной OpenAI. Он позволяет пользователям уточнять и подстраивать разговор под желаемый формат, стиль, уровень детализации и язык.

В качестве эксперимента для создания персонализированного плана был создан запрос с описанием доступного для студента времени, текущих оценок и желаемого временного срока плана в 1 семестр. На основе запроса ChatGPT создал индивидуальный план для студента. В дальнейшем разговоре с ChatGPT этот план можно скорректировать. Уменьшить или увеличить количество доступных для занятий часов, попросить переписать план с учетом улучшения или ухудшения оценок, расширить его и расписать более подробно. На основе этого плана можно также вести дальнейшее развитие персонализированного подхода к обучению.

Основной преградой для преподавателя может стать неумение пользоваться ChatGPT или другими похожими инструментами.

Они требуют от пользователя умения правильно создавать запросы. Для решения этой проблемы необходимо как минимум наличие у преподавателя правильно сформулированных шаблонов для запросов, а желательно прохождение курсов от профессионалов по получению навыков «техники подсказок». Техника подсказок (англ. «Prompt engineering») в основном используется в коммуни-

кации с моделями, работающими по принципу «текст-текст» и «текст-изображение» – это процесс структурирования текста, который может быть интерпретирован и понятен генеративной моделью искусственного интеллекта [15, с. 6]. Такие курсы необходимы для того, чтобы преподаватель не просто мог использовать существующие шаблоны для создания персональных планов, но и был способен подстраивать их под свои личные потребности.

Автоматизация оценивания. Для проверки автоматического оценивания был взят другой чат бот Microsoft Bing, базирующийся на выпущенной в 2023 году версии GPT-4 от Open AI.

Для эксперимента с автоматической оценкой был создан запрос на оценку работы студента и были поочередно скопированы две различные цифровые работы. Первая работа была без ошибок, чат бот правильно распознал их отсутствие и верно дал самую высокую оценку. Вторая работа имела ошибки, чат-бот распознал их наличие, выделил и поставил более низкую оценку, чем на первой работе.

Среди сложностей необходимо отметить проблему правильности создания запроса, который уже был описан ранее. Также проверка задач определенной формы может вызвать затруднения. В пример можем привести задачи с раскрытием скобок, в которых студент должен поставить слово в правильную форму. Эти слова необходимо отдельно выделить для чат бота, который займет время и уменьшит эффективность автоматизации. Здесь следует заметить, что чат бот Microsoft Bing не разрабатывался для оценки студенческих работ.

Это только одна из его возможностей. Для более высокой эффективности необходимы специализированные модели онлайн чат-ботов или отдельного программного обеспечения, которые были бы интегрированы в деятельность университетов.

Другая проблема, это то, что проверке подлежат только цифровые версии работ, проверить работу студента в тетради с помощью Microsoft Bing невозможно.

Языковой ассистент. Для следующего эксперимента мы смоделировали ситуацию, когда необходимо подготовить план занятия и некоторые материалы для него. Нами снова было использовано ChatGPT. В запросе мы указали тему Present Simple, уровень студентов A2. Чат боту также было необходимо создать 2 задачи на грамматику по соответствующей теме. Одно в виде теста, другое на раскрытие скобок с правильным выбором формы слова, которое у них написано. Кроме того, ему в необходимость было поставлено порекомен-

довать интересную активность для студентов, чтобы сделать небольшой перерыв во время занятия.

В ответ был получен план, рассчитанный на занятие продолжительностью 60 минут и указание необходимого оборудования.

ChatGPT создал небольшие задачи, которые при необходимости можно расширить с помощью дополнительного запроса. И порекомендовал 15-минутную активность под названием «Guess the Action», которая отвечает заданным в запросе параметрам. Нами была замечена только одна неточность, вместо первого тестового задания с множественным выбором типа а,б,в чат бот создал обычную задачу на раскрытие скобок и несколькими вариантами в них. Такую некорректность также можно исправить дополнительным запросом, в котором будут точнее описаны параметры необходимой задачи.

Кроме того, с помощью дополнительных запросов можно изменить план в соответствии с продолжительностью занятия, наличия или отсут-

ствия определенного оборудования и других критериев.

Проблем с использованием инструментов, работающих на нейросетях, в качестве языковых ассистентов найдено не было.

Исключением является уже описанная нами проблема связана с навыками «техники подсказок».

Выводы

Исследование и практическая реализация использования нейросетей для проведения занятий по иностранному языку в высшей школе указывают на значительный потенциал этой технологии в улучшении обучения и подготовки студентов.

При персонализированном обучении нейросети позволяют создавать уникальные учебные планы для каждого студента, учитывая его уровень знаний и индивидуальные потребности. Возможность дальнейших научных исследований видим в разработке и тестировании способов интеграции нейросетей в сферу образования.

Список источников

1. Амиров Р.А., Билалова У.М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 80 – 88.
2. Гаджиева Л.А. Использование систем искусственного интеллекта при обучении иностранному языку студентов бакалавриата // Балтийский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 3(44). С. 26 – 30.
3. Гузь Ю.А., Мелконян А.А., Куликова Э.А. Влияние искусственного интеллекта на образование и обучение студентов письменному высказыванию (эссе) на иностранном языке // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 146 – 148.
4. Иоффе Н.Е., Абайдуллина О.С., Миролюбова Н.А. К вопросу об использовании словарей на итоговом экзамене по иностранному языку для студентов непрофильных специальностей // Вопросы соотношения теории и практики в научных исследованиях: Сборник статей международной научной конференции, Екатеринбург, 23 мая 2023 года. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2023. С. 5 – 6.
5. Ковальчук С.В., Тараненко И.А., Устинова М.Б. Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 6. С. 1 – 6.
6. Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 360 – 363.
7. Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 98 – 113.
8. Мещерякова О.В. Возможности использования искусственного интеллекта для повышения мотивации студентов к изучению иностранных языков в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. – № 6 (110). С. 152 – 160.
9. Павлюк Е.С. Анализ зарубежного опыта влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в высшем учебном заведении // Современное педагогическое образование. 2020. № 1. С. 65 – 72.
10. Писарь Н.В. Потенциал использования нейросетей как инновационного инструмента создания учебного контента и средства организации интерактивной образовательной среды на занятиях по русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 58 – 65.
11. Тоцкая И.В., Недоспасова Л.А. Образовательный потенциал чат-ботов в изучении иностранных языков: социолингвистический, дидактический и коммуникативный аспекты // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2023. № 6. С. 14 – 27.

12. Шефиева Э.Ш., Исаева Т.Е. Использование искусственного интеллекта в образовательном процессе высших учебных заведений (на примере обучения иностранным языкам) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 10 (78). С. 84 – 89.
13. Юшкова Н.А., Воробьева Н.А. Развитие языковой личности в профессиональном дискурсе: о современном состоянии науки и методики // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 82 – 93.
14. Avilov Oleksii, Rimbert Sebastien, Popov Anton, Bougrain Laurent. «Deep Learning Techniques to Improve Intraoperative Awareness Detection from Electroencephalographic Signals». 2020 42nd Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine & Biology Society (EMBC). Vol. 2020. Montreal, QC, Canada: IEEE. P. 142 – 145.
15. Diab Mohamad, Herrera Julian, Chernow Bob «Stable Diffusion Prompt Book». 2022. [Электронный ресурс]. URL:<https://cdn.openart.ai/assets/StableDiffusionPromptBookFromOpenArt11-13.pdf>
16. Graves Alex, Marcus Liwicki, Santiago Fernández, Roman Bertolami, Horst Bunke, Jürgen Schmidhuber A Novel Connectionist System for Unconstrained Handwriting Recognition // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence 31. 2009. № 5. P. 855 – 868.
17. Larsen Benjamin, and Jayant Narayan. “Generative AI: a game-changer that society and industry need to be ready for.” World Economic Forum, 2023. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.weforum.org/agenda/2023/01/davos23-generative-ai-a-game-changer-industries-and-society-code-developers>
18. Moore Ben. “Grammarly Review.” PCMag, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pcmag.com/reviews/grammarly>
19. Oord Aäron van den, Sander Dieleman, and Benjamin Schrauwen. 2013. “Deep Content-Based Music Recommendation.” In Advances in Neural Information Processing Systems 26 (2013), edited by Christopher Burges, Léon Bottou, Max Welling, Zoubin Ghahramani, and Kilian Weinberger. Vol. 26. Lake Tahoe, NV, USA: Neural Information Processing Systems Foundation (NIPS). P. 2643 – 2651.
20. Sak Hasim, Andrew W. Senior, and Françoise Beaufays. “Long shortterm memory recurrent neural network architectures for large scale acoustic modeling.” INTERSPEECH. 2014. P. 338 – 342.

References

1. Amirov R.A., Bilalova U.M. Prospects for the Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education. Management Consulting. 2020. No. 3. P. 80 – 88.
2. Gadzhieva L.A. Using Artificial Intelligence Systems in Teaching a Foreign Language to Undergraduate Students. Baltic Journal of the Humanities. 2023. Vol. 12. No. 3 (44). P. 26 – 30.
3. Guz Yu.A., Melkonyan A.A., Kulikova E.A. The Impact of Artificial Intelligence on the Education and Teaching of Students to Write (Essay) in a Foreign Language. The World of Science, Culture, Education. 2023. No. 5 (102). P. 146 – 148.
4. Ioffe N.E., Abaydullina O.S., Mirolyubova N.A. On the use of dictionaries in the final exam in a foreign language for students of non-core specialties. Issues of the relationship between theory and practice in scientific research: Collection of articles from the international scientific conference, Yekaterinburg, May 23, 2023. St. Petersburg: Limited Liability Company "Lomonosov International Institute for Advanced Studies", 2023. P. 5 – 6.
5. Kovalchuk S.V., Taranenko I.A., Ustinova M.B. Application of artificial intelligence for teaching a foreign language at a university. Modern problems of science and education. 2023. No. 6. P. 1 – 6.
6. Kondrakhina N.G., Petrova O.N. Using Artificial Intelligence to Teach Foreign Languages: A New Reality. The World of Science, Culture, Education. 2024. No. 1 (104). P. 360 – 363.
7. Korovnikova N.A. Artificial Intelligence in the Educational Space: Problems and Prospects. Social Innovations and Social Sciences. 2021. No. 2. P. 98 – 113.
8. Meshcheryakova O.V. Possibilities of Using Artificial Intelligence to Increase Students' Motivation to Learn Foreign Languages at a University. Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2023. – No. 6 (110). P. 152–160.
9. Pavlyuk E.S. Analysis of Foreign Experience of the Influence of Artificial Intelligence on the Educational Process in Higher Education Institutions. Modern Pedagogical Education. 2020. No. 1. P. 65 – 72.
10. Pisar N.V. Potential for using neural networks as an innovative tool for creating educational content and a means of organizing an interactive educational environment in Russian as a foreign language classes. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 58 – 65.

11. Totskaya I.V., Nedospasova L.A. Educational potential of chatbots in learning foreign languages: sociolinguistic, didactic and communicative aspects. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2023. No. 6. P. 14 – 27.
12. Shefieva E.Sh., Isaeva T.E. The use of artificial intelligence in the educational process of higher educational institutions (on the example of teaching foreign languages). Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. No. 10 (78). P. 84 – 89.
13. Yushkova N.A., Vorobyova N.A. Development of linguistic personality in professional discourse: on the current state of science and methodology. Russian law: education, practice, science. 2023. No. 6. P. 82 – 93.
14. Avilov Oleksii, Rimbert Sebastien, Popov Anton, Bougrain Laurent. "Deep Learning Techniques to Improve Intraoperative Awareness Detection from Electroencephalographic Signals". 2020 42nd Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine & Biology Society (EMBC). Vol. 2020. Montreal, QC, Canada: IEEE. P. 142 – 145.
15. Diab Mohamad, Herrera Julian, Chernow Bob "Stable Diffusion Prompt Book". 2022. [Electronic resource]. URL: <https://cdn.openart.ai/assets/StableDiffusionPromptBookFromOpenArt11-13.pdf>
16. Graves Alex, Marcus Liwicki, Santiago Fernández, Roman Bertolami, Horst Bunke, Jürgen Schmidhuber A Novel Connectionist System for Unconstrained Handwritten Recognition. IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence 31. 2009. No. 5. P. 855 – 868.
17. Larsen Benjamin, and Jayant Narayan. "Generative AI: a game-changer that society and industry needs to be ready for." World Economic Forum, 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/01/davos23-generative-ai-agame-changer-industries-and-society-code-developers>
18. Moore Ben. "Grammarly Review." PCMag, 2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.pcmag.com/reviews/grammarly>
19. Oord Aäron van den, Sander Dieleman, and Benjamin Schrauwen. 2013. "Deep Content-Based Music Recommendation." In Advances in Neural Information Processing Systems 26 (2013), edited by Christopher Burges, Léon Bottou, Max Welling, Zoubin Ghahramani, and Kilian Weinberger. Vol. 26. Lake Tahoe, NV, USA: Neural Information Processing Systems Foundation (NIPS). P. 2643 – 2651.
20. Sak Hasim, Andrew W. Senior, and Françoise Beaufays. "Long shortterm memory recurrent neural network architectures for large scale acoustic modeling." INTERSPEECH. 2014. P. 338 – 342.

Информация об авторе

Мороз Ю.А., Севастопольский государственный университет, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4736-1159>, yuriy_moros@mail.ru

© Мороз Ю.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82-14

От текста к культуре: семиотический анализ русского перевода стихотворений в династии Тан И.А. Бродским

¹ Чжан Цзясинь, ¹ Чжэн Вэньдун,
¹ Уханьский университет, Китай

Аннотация: настоящая статья, опираясь на семиотику культуры Московско-Тартуской семиотической школы, рассматривает переводческую практику Иосифа Бродского в отношении стихотворений в династии Тан. На примере стихотворений «Вспоминаю родную страну» и «Охота на оленей» анализируется, как поэт осуществляет семиотическую реконструкцию, превращая языковой текст в культурный смысл. Исследование показывает, что Бродский не просто переводит, а творчески адаптирует китайские образы и ритмы, внедряя их в русскую поэтическую традицию, тем самым открывая новые возможности культурного взаимодействия.

Ключевые слова: Иосиф Александрович Бродский, русский перевод стихотворений в династии Тан, семиотика культуры, Московско-Тартуская семиотическая школа, поэтическая реконструкция, межкультурная передача поэзии

Для цитирования: Чжан Цзясинь, Чжэн Вэньдун От текста к культуре: семиотический анализ русского перевода стихотворений в династии Тан И.А. Бродским // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 85 – 91.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

From text to culture: a semiotic analysis of I.A. Brodsky's Russian translations of Tang dynasty poems

¹ Zhang Jiaxin, ¹ Zheng Wendong,
¹ Wuhan University, China

Abstract: this paper, grounded in the semiotic theory of the Moscow-Tartu Semiotic School, examines the Russian poet Joseph Brodsky's translation of Tang dynasty poetry. Focusing on his renditions of "Quiet Night Thought" and "Deer Enclosure", the study explores how Brodsky reconstructed poetic symbols to transform linguistic texts into cultural meanings. As both poet and translator, he integrated Chinese imagery and rhythm into the Russian context, revealing translation as an act of cultural re-encoding and poetic innovation, rather than mere linguistic transfer.

Keywords: Joseph Brodsky, Russian translations of Tang dynasty poems, cultural semiotics, Moscow-Tartu Semiotic School, poetic reconstruction, cross-cultural poetic transmission

For citation: Zhang Jiaxin, Zheng Wendong From text to culture: a semiotic analysis of I.A. Brodsky's Russian translations of Tang dynasty poems. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 85 – 91.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 13, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

В условиях углубляющихся процессов глобального литературного обмена перевод поэзии давно вышел за рамки простого языкового преобразования, превратившись в сложную деятельность по культурной реконструкции и возрождению смысла. Иосиф Александрович Бродский (1940-1996), которого называли «величайшим русскоязычным поэтом второй половины 20 века» [6, с. 255], не только заново сформировал традицию русской поэзии благодаря своей глубокой поэтической философии, но и проявил особое внимание к поэтическим ресурсам иной, гетерогенной культуры. Особенно примечательны его переводы китайской поэзии эпохи Тан, в которых проявляется не только тонкое восприятие поэтом классической эстетики Востока, но и высокая осознанность в области культурного кодирования и смыслообразования. По мнению исследователей, Бродскому «удалось преодолеть жесткие ограничения по числу и форме древнекитайских стихов, он отказался от буквального следования таким формам, как четырехсложный древний стих, пятисловное четверостишие и семисловные уставные стихи, но при этом сумел на русском языке воссоздать музыкальность, ритм и мелодику китайской поэзии» [5, с. 35].

Материалы и методы исследований

Настоящая статья, опираясь на теоретическое наследие Московско-Тартуской семиотической школы, рассматривает механизмы семиотической реконструкции, проявляющиеся в переводах Бродского китайских танских стихотворений, и выявляет пути трансформации языкового текста в культурный смысл. На основе подробного анализа таких переводов, как «Вспоминаю родную страну» (《静夜思》) и «Охота на оленей» (《鹿柴》), автор статьи стремится показать, каким образом Бродский осуществляет структурные адаптации и культурную реорганизацию образов, возвращая поэтическую энергию танской поэзии в русскоязычный контекст. Подобная переводческая практика является не просто межъязыковым переходом, а творческим путешествием от текста к культуре, от формы – к сущности.

Результаты и обсуждения

Иосиф Бродский в своем творчестве органично сочетал черты классической и модернистской поэзии. Его стихи отличаются высокой языковой плотностью, сложным синтаксисом и выраженной философской направленностью. Бродского считают наследником традиций О.Э. Мандельштама и У.Х. Одена. Как переводчик, он не ограничивался простой языковой трансляцией, а превращал пере-

вод в поэтическое переписывание и культурную реконструкцию. Его стратегия перевода тяготела скорее к творческому эквиваленту, чем к буквальному подражанию. В переводах танской поэзии эта установка проявляется особенно ярко. Выбор поэтом поэзии эпохи Тан в качестве важного объекта своей переводческой практики был не случаен. Он обусловлен как личными эстетическими предпочтениями Бродского, так и его глубокими поэтическими размышлениями. Как поэт, придающий большое значение категории времени и ритмической выразительности, Бродский нашел в танской поэзии такие качества, которые перекликались с его собственными поэтическими установками: лаконизм, выразительная пауза и молчание, стремление к воплощению вечности в мгновении, а также философская глубина, выходящая за пределы вербального уровня. Эти элементы не только расширили художественный язык Бродского, но и побудили его воспринимать танскую поэзию как внешний ресурс, способный органично интегрироваться в его собственную систему поэтического творчества посредством перевода.

«Органическое целое, формируемое всеми элементами поэтического текста, становится генератором смысла, обладающим уникальной способностью порождать все новые и новые значения» [8, с. 90]. Танская поэзия, являясь вершиной китайской классической поэзии, демонстрирует исключительную утонченность и согласованность на уровне языковой структуры, ритмической организации и образной системы. Благодаря этому она достигает максимальной плотности текста, культурной насыщенности и интерпретационной многослойности, что обеспечивает ее широкое и долговременное влияние во всем мире. По мнению Бродского, лаконичность языка и глубина образов танских стихов не только не препятствуют их межъязыковому переводу, но, напротив, за счет структурного напряжения и эстетической автономии способствуют сохранению поэтической целостности при трансляции символов.

В разработанной Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским системе семиотики культуры культура предстает не только как хранилище информации, но и как семантическая сеть, обеспечивающая воспроизводство смысла. Они вводят понятие «вторичной моделирующей системы» – надъязыковой системы культурного кодирования, включающей знаки, тексты и контексты. В этой теории язык (первичная моделирующая система) является базовым носителем смысла, а культурная семантическая сеть (вторичная моделирующая система) – это обработка и переинтерпретация языковой

информации, в результате чего рождается культурное значение, обладающее общественным признанием и исторической глубиной. Поэтический текст как типичный пример «вторичной моделирующей системы» строится на основе определенной знаковой структуры – симметрии, повторов, ритма, пространственной организации и других элементов – и формирует поэтическое пространство, которое помимо эстетической функции формы выполняет роль передачи культуры и вызова эмоций. Секрет поэтической структуры заключается в следующем: «Ее ритмическая природа носит принудительный характер, она подчиняет разнообразным и гетерогенным языковым элементам единой поэтической структуре, заставляя их конфликтовать, противостоять, заслонять и отражать друг друга, что ведет к искажению и трансформации первоначального значения слов и порождению новых смыслов» [7, с. 56]. Таким образом, структура поэтического текста – это не только формальное устройство, но и медиативный механизм генерации смысла. Переводческая деятельность, особенно связанная с поэзией и межкультурным переносом, затрагивает не только преобразование языковых структур, но и реконфигурацию культурной семантики.

В 1963 году 23-летний Бродский познакомился с китаеведом Борисом Борисовичем Вахтиным (1930–1981). Именно по его совету Бродский начал пробовать себя в переводе китайской классической поэзии. Вахтин предоставлял ему подстрочные переводы оригиналов, а Бродский на их основе создавал поэтические версии, придавая текстам завершенную художественную форму. В числе их совместных переводов – стихотворение Мэн Хаожаня «Весенний рассвет» (《春晓》). Редакция Бродского настолько впечатлила Вахтина, что он настоятельно рекомендовал поэту перевести еще несколько танских стихов. Позднее, уже в США, Бродский начал изучать китайский язык и приступил к самостоятельным переводам китайской классики непосредственно с оригинала. В этот период он перевел, в частности, «Вспоминаю родную страну» Ли Бо и «Охота на оленей» Ван Вэя. При работе над «Тихой ночью» Бродский переживал тоску по родине: он был далек от Ленинграда, где жили его родители, от друзей-поэтов. Настроение стихотворения оказалось ему чрезвычайно близким. Бродский восхищался не только Ли Бо, но и Ван Вэем, чье имя, по его мнению, по звучанию напоминает английское выражение One Way. А «Way» значит «дао» (道), которое является понятием из «Дао дэ цзин». Бродский питал интерес к китайской культуре с детства, когда его

оказывали экзотические вещицы из Китая. Даосская философия оказала на него заметное влияние: «Вся жизнь поэта – от детских игр с моделью китайской джонки до чтения “Дао дэ цзин” перед смертью – была поиском своего “дао”» [2, с. 42]. В данной главе для анализа выбраны переводы Бродского двух стихотворений – «Вспоминаю родную страну» Ли Бо и «Охота на оленей» Ван Вэя. Эти произведения, обладающие лаконичной образностью и глубокой эмоциональностью, считаются образцовыми в китайской поэтической традиции. Русские версии Бродского демонстрируют не только высокую чувствительность к оригинальной поэтической атмосфере, но и его активную роль как культурного медиатора. «Он с поэтической интуицией и внутренним переживанием воссоздает стихотворение на другом языке, его переводы полны поэтического звучания и отличаются оригинальностью» [3].

Сначала посмотрим на оригинальные тексты этих двух стихотворений и русский перевод Бродского:

《静夜思》

床前明月光，疑是地上霜。
举头望明月，低头思故乡。

Вспоминаю родную страну

Сиянье лунное мне снегом показалось,
Холодным ветром вдруг дохнуло от окна...
Над домом, где друзья мои остались,
Сейчас такая же, наверное, луна.

《鹿柴》

空山不见人，但闻人语响。
返景入深林，复照青苔上。

Охота на оленей

Горы безлюдны, бесчеловечны горы.
Только ручья в горах слышатся разговоры.

Луч, пробившись с потерями сквозь частокол деревьев,

Кладет на лиловый мох причудливые узоры.

В стихотворении Ли Бо «Вспоминаю родную страну» с помощью простого образа лунного света раскрывается глубокая тоска по родине. Всего из двадцати иероглифов состоит это стихотворение, но оно выстраивает трехуровневую прогрессию – от чувственного восприятия к действию и, наконец, к эмоциональному отклику. Перевод Бродского озаглавлен как «Вспоминаю родную страну», что уже с самого начала указывает на эмоциональное ядро текста. Первая строка перевода – «Сиянье лунное мне снегом показалось» – представляет собой вольную интерпретацию строки «床前明月光». В этой интерпретации образ «луны» не воспроизводится напрямую, а воссоздается через метафору «снега». Для русского читателя снег

вызывает не только визуальную ассоциацию с близкой, но и физическое ощущение холода, а также психологическое чувство отчуждения и расстояния. Такой ассоциативный эффект гораздо сильнее способствует эмоциональному отклику, чем простое буквальное воспроизведение образа луны. Таким образом, становится очевидным точное понимание Бродским принципа культурной адаптации: метафорическая замена «иней» (霜) на «снег» делает влажный южный лунный пейзаж в оригинале более близким русскому читателю, превращая его в холодную северную ночную сцену. Это усиливает эффект эмоционального переноса и делает его более естественным.

Следующая строка перевода – «Холодным ветром вдруг дохнуло от окна...» – представляет собой развитие оригинальной строки «疑是地上霜». В оригинале частица «疑是» указывает на поэтическую иллюзию: поэт принимает лунный свет за иней. У Бродского эта неопределенность превращается в телесное ощущение – внезапный порыв ветра, который меняет пространственное восприятие и подчеркивает границу между внутренним и внешним мирами. Введение слова «окно» – это акт культурной перекодировки: оно отсутствует в оригинале, но придает стихотворению характерную для русской поэзии атмосферу «человек в доме, глядящий в окно». В русской литературной традиции окно часто символизирует взгляд в даль и поворот души наружу. Таким образом, оно обогащает духовное пространство оригинальной строки «举头望明月», придавая ей новое измерение, близкое русскому читателю.

Наибольшую культурную значимость в реконструкции оригинального смысла имеют заключительные строки перевода: «Над домом, где друзья мои остались, / Сейчас такая же, наверное, луна». Оригинальное «思故乡» у Ли Бо переосмысливается Бродским как воспоминание о «друзьях», «доме» и «одной и той же луне». Такой прием расширяет диапазон эмоционального выражения: ностальгия становится не только личным чувством, но и формой коллективной памяти и эмоционального единения. Здесь особенно ярко проявляется действие вторичной моделирующей системы: Бродский трансформирует китайский поэтический образ «созерцания луны с тоской по родине» в универсальный символ, узнаваемый и чувственно воспринимаемый в русской культурной традиции. Таким образом, достигается эффективный перенос культурного значения.

А вот в переводе стихотворения Ван Вэя «鹿柴» Бродский использует еще более креативную стратегию. Оригинальное стихотворение начина-

ется со строк: «空山不见人, 但闻人语响», где подчеркивается звуковое восприятие, создающее атмосферу уединенной тишины. Подобная образность – типичная черта китайской классической поэзии, основанной на недосказанности. Однако Бродский не стремится сохранить китайскую «неуловимость», а, напротив, намеренно направляет поэзию в русло нарративной структуры, более привычной для русскоязычного читателя. Он заменяет оригинальное название на «Охота на оленей», что уже не является ни фонетической, ни семантической калькой с китайского, а представляет собой культурную транспозицию в виде осязаемого образа охоты. Такой выбор не случаен: «охота» несет в себе динамику и вызывает у русской аудитории ассоциации с традиционным взаимодействием человека и природы.

Первая строка – «Горы безлюдны, бесчеловечны горы.» – усиливает мотив уединения и абсолютной изоляции природы. При этом слово «безлюдны» точно передает значение китайского выражения «空山», тогда как «бесчеловечны» вносит дополнительный культурно-эстетический оттенок. Оно выходит за рамки буквального смысла и подчеркивает не просто отсутствие людей, но и отчужденность, иную природу самого ландшафта. Благодаря такому приему природа в стихотворении перестает быть просто фоном – она приобретает мистический, «иностранный» характер, вступает в особое бытие.

Следует подчеркнуть, что Бродский не стремился к буквальному переводу строки «但闻人语响», – а передал ее как: «Только ручья в горах слышатся разговоры». Здесь «человеческая речь» трансформируется в «речь ручья» – символическая и осмысленная замена. В китайской культурной традиции «человеческая речь», возникающая в пустых горах, выражает постижение присутствия сквозь отсутствие, «видимого через невидимое». В русской поэтической традиции подобная абстрактная «человеческая речь» в природном пейзаже может восприниматься как неуместная. Поэтому Бродский выбирает «ручей» в качестве говорящего субъекта, что не только сохраняет текучесть и музыкальность строки, но и делает саму природу носителем речи, воплощая поэтический прием одушевления и придавая тексту оттенок пантеистической образности.

Последние строки – «Луч, пробившись с потереями сквозь частокол деревьев, / Кладет на лиловый мох причудливые узоры.» – представляют собой творческую реконструкцию финала оригинала «返景入深林, 复照青苔上», в котором передается тихая, почти медитативная сцена природы. В вер-

сии Бродского зрительная картина приобретает динамику и драматизм: свет выступает не пассивным явлением, а активным субъектом, «пробивающимся» сквозь преграды. Выражение «пробившись с потерями» наделяет луч света волей и судьбой, превращая его в носителя действия, чья борьба и преодоление подчеркивают трудность достижения красоты. Такое изображение не только оживляет сцену, но и вводит в нее символическую нагрузку: красота природы – не данность, а результат преодоления. Эта метафорическая перекодировка обогащает эстетическое восприятие текста и ярко демонстрирует творческое участие Бродского в процессе культурного перевода.

Переводы стихотворений Ли Бо и Ван Вэя, выполненные Бродским, являются ярким примером перехода от языкового перевода к культурной трансляции. В этом процессе перевод перестает быть простым соответствием поверхностных структур и становится актом глубокого перекодирования и интеграции между культурными системами. Посредством реконфигурации поэтических образов, переосмысления эмоциональной структуры и адаптации контекстуальных элементов Бродский оживляет культурную жизнь китайской классической поэзии в пределах русской культуры, наделяя ее потенциалом межкультурной коммуникации.

Лотман утверждал: «Культура есть знаковая система, определенным образом организованная» [1, с. 395]. В контексте Московско-Тартуской семиотической школы культура перестает быть лишь совокупностью знаний, верований, искусства и морали, накопленных человеческим обществом, и предстает как организованный, продуктивный и трансформирующий знаковый механизм. Иными словами, культура – это динамическое семантическое пространство, состоящее из многоуровневых знаковых систем, обладающее способностью кодировать и декодировать. Это пространство Лотман назвал «семиосферой». Более того, Лотман рассматривает культуру как механизм, способный порождать тексты – так называемая «текстуализация культуры»: «Вся культура существует в форме текста» [4, с. 31]. Одним из таких механизмов порождения является перевод, с помощью которого элементы, не принадлежащие данной системе, превращаются в узнаваемое, усваиваемое и запоминаемое содержание. В этом контексте перевод уже не является нейтральным актом, а выступает как культурная практика с ярко выраженной селективностью и операциональностью. Он участвует в конструировании образа «чужого» и в то же время формирует границы культурного «своего». Этот взгляд дает нам новое

понимание переводов Танской поэзии, выполненных Бродским: он не стремился к буквальной передаче оригинала, а создавал воображаемый образ Востока, адаптированный под восприятие русскоязычного читателя.

Бродский, переводя китайскую классическую поэзию, не только осуществлял языковую трансформацию, но и глубоко вмешивался в процесс реорганизации и перекодирования культурных знаков. Возьмем, к примеру, стихотворение Ли Бо «静夜思». Первая строка – «床前明月光» представляет собой предельно сжатую сценическую зарисовку, где лунный свет выступает не просто природным образом, а пусковым механизмом для чувства тоски по родине. В китайской поэтической традиции луна как культурный знак часто ассоциируется с идеей небесно-человеческой сопричастности, с настроениями странствий, с мысленным устремлением сквозь пространство и время. Однако в переводе Бродского это изображение подверглось значительной трансформации: «сиянье лунное мне снегом показалось». Здесь происходит заметный сдвиг образа: «снего» – это традиционный символ в русской литературе, связанный с холодом, одиночеством, простором. Такая замена является не только поэтическим переосмыслением исходного образа, но и символическим перекодированием между культурами. Через метафорическое сближение «лунного света» и «снега» Бродский сохраняет холодное, отстраненное световое ощущение оригинала, одновременно вводя читателя в эмоциональное пространство одиночества через знакомую для русскоязычной культуры образность. Тем самым он активизирует в сознании читателя способность к эмпатии, к соучастию в теме тоски по дому, закодированной в китайском тексте.

Подобный механизм прослеживается и в переводе Бродского стихотворения Ван Вэя «鹿柴». Оригинальные строки «空山不见人，但闻人语响» создают атмосферу пустоты и тишины, являющуюся воплощением типичного для китайской поэзии художественного приема «оставления пробела». Перевод Бродского – «Горы безлюдны, бесчеловечны горы» – сохраняет лаконичность ритма оригинала, но при этом значительно усиливает смысловое напряжение. Слово «бесчеловечны» в русском языке обладает насыщенной эмоциональной окраской и несет философскую, экзистенциальную нагрузку. В отличие от тонкой и умиротворенной атмосферы оригинала, перевод приобретает ярко выраженный экзистенциальный оттенок: «空山» становятся не только визуальным образом, но и символом внутренней отчужденности

и одиночества. Пустота здесь – не просто физическое отсутствие людей, а выражение духовной изоляции. Такое решение свидетельствует о творческом подходе Бродского к культурным знакам: он не стремится к буквальной передаче китайского контекста, а применяет типичные для русской культуры способы мышления и эстетические коды. Пейзаж превращается в пейзаж души, а художественная метафора становится средством культурного переосмысления. Через эту перекодировку он соединяет китайскую образность с русской философской традицией, осуществляя тем самым не просто перевод, а культурное сращение и возрождение смысла.

Переводческая деятельность Бродского, обращенная к классической китайской поэзии, представляет собой не только лингвистическую практику, но и глубокое культурное преобразование. Посредством стратегического сохранения культурных символов и их эстетической трансформации он выстраивает между оригиналом и переводом поэтический мост – зримый, осязаемый и воспринимаемый как подлинно художественный. Благодаря этому мосту классическая поэзия Китая получает новую жизнь в русскоязычном пространстве, а русскоязычный читатель, в свою очередь,

обретает возможность заново войти в и постичь далекую по времени и пространству цивилизацию – через призму собственной культуры.

Выводы

В процессе продвижения китайской культуры за рубеж необходимо уделять особое внимание структурным барьерам межкультурного понимания. Если полагаться исключительно на поэтику и рецептивные механизмы целевой культуры, китайская культура в переводе неизбежно подвергается редукции, реконструкции и даже экзотизации. Переводческая практика Бродского, с одной стороны, предоставляет нам ценные текстуальные примеры культурной трансляции, с другой – служит напоминанием об опасности «мифа понимания» в культурном диалоге – то есть ситуации, когда внешнее впечатление взаимопонимания скрывает отсутствие глубинного межкультурного узнавания. В контексте интернационализации культуры подлинное понимание может быть достигнуто лишь при условии создания многоуровневых механизмов культурной интерпретации и усиления дискурсивной субъектности исходной культуры – только так возможно добиться осмысленного восприятия китайской культуры, а не ее поверхностной проекции.

Финансирование

Настоящая статья является этапным результатом выполнения проекта общего плана Национального фонда социальных наук КНР за 2020 год «Исследование эволюции теории Московско-Тартуской семиотической школы» (номер утвержденного проекта: 20BWW028)

Список источников

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 703 с.
2. 弗·邦达连科. 道家影响下的布罗茨基[J]. 李春雨译. 俄罗斯文艺, 2014, (02): С. 34 – 42.
3. 谷羽. 布罗茨基译唐诗[N]. 中华读书报, 2013年01月23日19版.
4. 康澄. 文化及其生存与发展的空间——洛特曼文化符号学理论研究[M]. 南京: 河海大学出版社, 2006. 212 с.
5. 李伟荣. 中国文化“走出去”的外部路径研究——兼论中国文化国际影响力[J]. 中国文化研究, 2015, (03): С. 29 – 46.
6. 任光宣主编. 俄罗斯文学简史[M]. 北京: 北京大学出版社, 2006. 760 с.
7. 张冰. 洛特曼的结构诗学[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2019. 328 с.
8. 张杰、康澄. 结构文艺符号学[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2004. 205 с.

References

1. Lotman Y.M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001. 703 p.
2. 弗·邦达连科. 道家影响下的布罗茨基[J]. 李春雨译. 俄罗斯文艺, 2014, (02): P. 34 – 42.
3. 谷羽. 布罗茨基译唐诗[N]. 中华读书报, 2013年01月23日19版.
4. 康澄. 文化及其生存与发展的空间——洛特曼文化符号学理论研究[M]. 南京: 河海大学出版社, 2006. 212 p.
5. 李伟荣. 中国文化“走出去”的外部路径研究——兼论中国文化国际影响力[J]. 中国文化研究, 2015, (03): P. 29 – 46.
6. 任光宣主编. 俄罗斯文学简史[M]. 北京: 北京大学出版社, 2006. 760 p.

7. 张冰. 洛特曼的结构诗学[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2019. 328 p.
8. 张杰、康澄. 结构文艺符号学[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2004. 205 p.

Информация об авторах

Чжан Цзясинь, докторант, Институт иностранных языков, Уханьский университет, г. Ухань, Китай, 747014966@qq.com

Чжэн Вэньдун, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков, Уханьский университет, г. Ухань, Китай, qingqing282@163.com

© Чжан Цзясинь, Чжэн Вэньдун, 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.512.162

О взаимосвязи русского сленга в азербайджанском языке при переводе

¹ Абдуллаева Ульвия Салам гызы,

¹ Бакинский славянский университет, Азербайджан

Аннотация: в статье рассматриваются жаргоны и история их возникновения в мировой лингвистике. Раскрываются характерные черты слов и выражений, входящих в сленговую лексику, и уточняются их эквиваленты в азербайджанском языке. Отмечается, что жаргоны вообще не употребляются в прямом смысле, они в основном выражают переносное значение. Кроме того, приводятся различные примеры традиционных жаргонов, а также жаргонов, используемых современной русской молодежью, рассматриваются их значения в русском языке, затрагивается стиль выражения их азербайджанских аналогов. Отмечается также, что русские жаргоны, использовавшиеся в XIX веке, имели латинское и греческое происхождение, и многие из них были переведены на русский язык с французского и немецкого языков, а современные жаргоны передаются с английского языка. В рассматриваемой нами статье сленг является результатом трансформации слов и выражений в азербайджанский язык посредством сленговых слов, жаргонизмов, диалектных единиц и вулгаризмов. По мере того, как образ жизни быстро меняется, новые тенденции приводят к развитию языка и эволюции грамматического строя языка, его упрощению, обновлению и изменению различных слов и выражений. Эти области языка развиваются так быстро, что его коммуникативная функция становится необходимостью появления новых и более коротких выражений в языке, чтобы идти в ногу с современными тенденциями в жизни человека.

Ключевые слова: сленг, лексическая единица, семантика, неформальный слой языка, социалект, дифференциация

Для цитирования: Абдуллаева Ульвия Салам гызы О взаимосвязи русского сленга в азербайджанском языке при переводе // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 92 – 97.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

On the relationship of Russian slang in the Azerbaijani language in translation

¹ Abdullayeva Ulviya Salam gyzy,

¹ Baku Slavic University, Azerbaijan

Abstract: the article discusses jargons and the history of their origin in world linguistics. The characteristic features of the words and expressions included in the slang vocabulary are revealed, and their equivalents in the Azerbaijani language are clarified. It is noted that jargons are not used in the literal sense at all, they mainly express a figurative meaning. In addition, various examples of traditional jargons, as well as jargons used by modern Russian youth, are given, their meanings in the Russian language are considered, and the style of expression of their Azerbaijani counterparts is touched upon. Russian jargons used in the 19th century were of Latin and Greek origin, and many of them were translated into Russian from French and German, while modern jargons are transmitted from English. In the article we are considering, slang is the result of the transformation of words and expressions into the Azerbaijani language through slang words, jargonisms, dialect units and vulgarisms. As the lifestyle changes rapidly, new trends lead to the development of language and the evolution of the grammatical structure of the language, its simplification, updating and modification of various words and expressions. These areas of language are developing so rapidly that its communicative function becomes necessary for the emergence of new and shorter expressions in the language in order to keep up with modern trends in human life.

Keywords: slang, lexical unit, semantics, informal layer of language, sociolect, differentiation

For citation: Abdullayeva Ulviya Salam gyzy On the relationship of Russian slang in the Azerbaijani language in translation. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 92 – 97.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Бурное развитие человеческого общества в экономической, научной, технологической и культурной сферах оказывает прямое и многогранное влияние на язык, являющийся основным средством общения. Поскольку язык – живая и динамичная система, он постоянно обновляется, обогащается и гибко адаптируется к изменениям, происходящим в обществе.

В целом, поскольку язык является социальным проявлением, он имеет тенденцию быть социальным членом. Таким образом, разделение общества на разные слои и группы создает стимулы для социальной дифференциации языка. Одной из основных частей социальной дифференциации языка являются сленги. Сленги – это языковые вариации, которые используются в ограниченном диапазоне. Сленги отражают практическую деятельность той или иной группы населения и возникают между различными социальными группами, которые связаны между собой. Сленг в речи людей различных специальностей и профессий – студентов, полицейских, спортсменов, поваров, заключенных и других социальных групп – не понимается другими социальными группами в обществе [2, с. 879].

Развитие информационных технологий, глобализация, рост международного сотрудничества и широкое распространение социальных сетей приводят к появлению в языке новых слов и выражений, стилистическим изменениям, трансформациям в структуре и функциях языка. В язык проникают новые понятия и термины, одни усваиваются, а другие через определенное время выходят из языковой системы.

На фоне стремительного развития:

Обновление терминологии (особенно в научно-технических языках),

Расширение лексического слоя,

Изменения в стилях речи и письма,

В языке наблюдается увеличение количества интернациональных слов [3].

Одновременно расширяются и социальные функции языка. Язык выступает не только как средство общения, но и как носитель культуры, со-

здатель личности, регулятор общественных отношений [5].

Все эти изменения также серьезно влияют на переводческую деятельность. Переводчики должны глубоко владеть как языковыми навыками, так и актуальным социокультурным контекстом, чтобы адекватно передавать новые концепции и выражения на целевой язык.

Материалы и методы исследований

В статье использован метод сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Результаты и обсуждения

В результате постоянного развития языка люди при общении привносят новые значения в используемые лексические единицы, изменяют способы выражения, обретают новые формы или образуют новые слова. В связи с этим немаловажную актуальность приобретает изучение сленга, меняющего форму, обновляющегося или отличающегося своими особенностями [6].

Поскольку сфера применения сленгов в языке узка, в их изучении не было необходимости. По мнению ученых, использование сленгов началось с XV века, а с XVIII века сленги привлекли внимание лингвистов. При изучении сленга следует различать сленг, арг, жаргоны, которые являются разновидностями неформального сленга. Потому что эти термины иногда можно спутать. Происхождение сленгового слова неясно. Потому что в некоторых источниках утверждается, что это слово происходит от вулгарного слова скандинавского происхождения, в некоторых источниках – от оскорбительного слова норвежского происхождения, а в некоторых источниках – от корня немецкого происхождения. Однако есть также источники, указывающие на английское происхождение этого слова, в которых ученые пришли к выводу, что сленговое слово также происходит от аббревиатуры английского термина «социальный язык» [4, с.1024]. Сленговые слова и словосочетания можно встретить и в русском языке.

Мария Россыхина, изучавшая русский сленг, установила, что сегодняшний сленг формируется в XVIII-XIX веках по тем же законам, что и «условный» язык учащихся и школьников. Исследования на примере России, Германии и Франции показа-

ли, что молодежный жаргон носит интернациональный характер, и его законы сегодня более выражены [11].

Было бы уместно рассмотреть обработку и перевод на азербайджанский язык некоторых сленговых слов, используемых в современном русском языке.

Офигеть! – это сленг, используемый в русском языке для выражения большого восхищения и удивления. Этот сленг является одним из наиболее часто употребляемых в русском языке, и его можно перевести на азербайджанский как “*Yox də! Yox əşi! Yaxşı görək!*”. Например, – *Можешь ты поверить, что я только что выиграл миллион долларов?* – *Офигеть!* (– *İnana bilirsən ki, mən elə indicə milyon dollar qazanmışam?* – *Yaxşı görək!*)

Развезло – сленг в русском языке используется в его значении, чтобы обозначить, что он слишком пьян. В азербайджанском языке мы можем выразить это слово как “*keflənmək, dəm olmaq*”: *Меня развезло.* (*Möhkəm dəmə!*).

Прикольный сленг также является одним из наиболее часто употребляемых сленгов в русском языке. Буквально означает “*bağlı, hərəkətsiz*”. В современном русском языке *прикол* означает “*zarafət, gülməli hadisə və ya sadəcə gülməli bir şey*”, но первоначальное значение этого слова сильно отличается: оно означает кол, на котором стоит корабль, палатка или животное. Это значение было дано в церковнославянском и русском словаре, составленном в 1847 году вторым отделением Императорской академии наук. В русском языке до сих пор иногда это слово используется в идиоматических выражениях в его первоначальном значении. Например, *Корабль стоит на приколе* (*Gəmi rayaya bağlı durmuşdu*). Состав этого слова очень прост: *кол* – это корень слова, что означает *колоть*, которое связано с глаголом “*deşmək, batırmaq və ya kəsmək*”, а приставка *при* соответствует суффиксу “-a², -ya²” в азербайджанском языке. Как видно, в семантическом составе слова *прикол* нет ничего, что связано с шуткой, то есть современное значение является переносным или производным. Сленг *прикольно* можно выразить на нашем родном языке как “*məzə, məzəli*”.

Бабки на литературном языке означают “*nəpələr*”. Но, как сленг, это слово употребляется в значении “*pul*”: “*Где ты бабки нашёл?*” (*Bu pulları haradan tapmışan?*). На азербайджанском языке этот сленг довольно сложно перевести или ответить взаимностью. В постсоветский период, когда страна обрела независимость, в дизайне национальной валюты Азербайджана использовались изображения государственных

деятелей и поэтов, памятников. В результате этого было много людей, которые в просторечии называли банкноту в 500 манатов *nizami*, банкноту в 1000 манатов *təmməd*, банкноту в 100000 манатов *şirvan*. Или, в соответствии с цветом банкнот, люди также произносят слово деньги как *göy, qırmızı, yaşıl*. Например: *O göylərdən bir az ver xərcləyək də...* Как видно из приведенного примера, сложность заключается в том, в какой именно форме мы адаптируем слово *бабки* к нашему языку.

Достал/достала – слово *достать* в литературном языке означает “*çatmaq, almaq, əli çatmaq*”. Но как сленг он используется в смысле “*bezdirmək*”. Например, *Ты меня достал!* – переводится на азербайджанский язык как: “*Məni boğaza yığdın!*”.

В русском языке сленги проявляются не только в виде лексических единиц, но и в виде словосочетаний. Давайте посмотрим на некоторые из этих сленговых фраз:

“*Да не гони!*” – дословный перевод на литературный язык этой фразы: “*Sürətli getmə!/Sürətli sürmə!*”. Но в разговорной речи люди называют это “*Yox əşi də!*” или “*İnana bilməyərm!*” или “*Yalan demə də!*”.

Братан, ты спалился! – слово *братан* в составе этого сленгового выражения употребляется и отдельно, а в русском языке *брат*, то есть сленговый вариант слова “*qardaş*”, который употребляют при разговоре с другом. На литературном языке перевод этой фразы означает “*Sən özünü yandırmısan*” или “*Sən dayanmısan*”. Однако это выражение вовсе не означает буквально. *Ты спалился на экзамене* – для кого-то, кто плохо сдал экзамен в своем предложении, сказать, *Sən yandın*, – это сленговая фраза, используемая в ситуации, когда произошло что-то, о чем “*qardaş*” не хочет, чтобы узнал другой человек.

Это полный зашквар! – выражение используется, когда есть что-то постыдное или непоследовательное, оправдание. Например, *Вечеринка у Саши – это был полный зашквар.* (*Səşagildəki yığıncaq başdan ayağa biabırçılıq idi.*) Однако следует отметить, что в азербайджанском языке это выражение в некоторых контекстах переводится как “*Lap ağ oldu! Şitini çıxardı! Həddini aşdı!*”. “*Это полный зашквар! Я не знаю, что делать.*” (*Bu lap ağ oldu! Bilmirəm nə edim.*)

Наши исследования показали, что сленговые слова и выражения употребляются в мировых языках с XV века, а в русском – с XIX века. Жаргон студентов XIX века сохранился до наших дней в мемуарах, письмах и художественной литературе. В 1862-1863 годах Николай

Помяловский опубликовал свои очерки в книге «Очерки бурсы» [12]. Их герои – семинаристы – говорят на особом языке. Автор, сам в прошлом семинарист, даже подчеркнул слова другим шрифтом, чтобы не привлекать к себе внимания: *глядёлы* – *глаза*, *отчихвостить* – *высечь*, *рождество* – *лицо*, *вздуть* – *избить* и т.д.

В настоящее время более 1000 таких слов и выражений собраны в «Словаре русского школьного жаргона XIX века» Ольги Анищенко [1].

Сравнивая социолекты русской и немецкой молодежи XIX века, Мария Россихина выделила их общие черты и указала основные способы пополнения словарного запаса следующим образом: а) образование совершенно новых слов; б) метафоризация общенациональной лексики; в) заимствование из других языков.

При метафоризации обычные слова употребляются в переносном значении, предметы и явления ассоциируются с другими, похожими. Нередко метафора «переносится» с нечеловеческого на человеческое. Например, *локомотив* – *gimnaziya direktoru*, *грач* – *gimnaziya şagirdi* и т.д. Заимствованы они были, как правило, из тех же языков, которые изучались в России и Германии – латыни, греческого и французского: *вакация* (лат.) – *каникулы*, *футур* (лат.) – *будущий студент* и т.д.

Метафоризация активно заполняет не только английский, немецкий, французский и русский языки, но и в нашу современную эпоху азербайджанский язык. Везде в центре языковых изменений оказывается молодежь, то есть она совершает метафорические переносы с животных и неодушевленных предметов на людей и их части тела. Особенно много сленговых слов, «связанных с людьми». Так, в русском языке количество сленговых слов со значением «девушка, женщина» превышает сотню (*ляля*, *василиса*, *коза*, *пчелка*, *клюшка*, *овца*, *селетка*, *прима*, *бикса*, *герла* и т.д.).

Современный русский сленг, однако, произошел не от греческого или латинского, а в основном от влияния английского языка. Но сути это не меняет, еще триста лет назад школьники демонстрировали тенденции к словотворчеству, да и сегодня тоже. Такой сленг встречается в виде слов, выражений или сокращений [7].

Краш в буквальном переводе с английского означает «*этак*». На первый взгляд объяснение слова кажется странным, ведь в молодежном сленге так называют человека, влюбленного в девушку, чаще всего тайно и безответно.

Агриться (*agress*) на английском языке переводится как *hücum etmək*, *təcavüzkar*

hərəkətlərə başlamaq kimi. Однако этот глагол, закрепившийся в речи русскоязычной молодежи как сленг, означает «*qəzəblənmək*».

Rofl – образовано от сокращенных начальных букв слов в английском выражении *rolling on the floor laughing*. Перевод – “*gülərək yerə yuvarlanaraq*” (*gülməkdən yerə uzanmaq*). В молодежном сленге это слово означает шутку. Это сокращение, употребляемое в форме *рофлить*, употребляется в значении пошутить.

Как видим, в современном русском языке используется целый ряд сленговых слов и выражений, и те, кто прибегает к этим словам и выражениям, в основном представители молодого поколения. Тот факт, что сленги приходят в язык из других языков или создаются за счет собственных внутренних возможностей, имеет как отрицательные, так и положительные черты. Отрицательным аспектом является то, что сленги заполняют язык как примеры неформального разговорного языка, в то время как положительным аспектом является то, что многие из этих выражений впоследствии приобретают статус в языке и входят в литературный язык, способствуя его обогащению [8].

В целом, перевод русского сленга на азербайджанский язык иногда осуществляется лексически, а иногда идиоматически. В некоторых случаях это также происходит за счет диалектных единиц, то есть диалектные слова и выражения приходят нам на помощь в этом пункте, чтобы прийти к наиболее точному, наиболее подходящему переводу. Однако, наряду со всем этим, следует отметить, что при переводе сленгов мы сталкиваемся с рядом трудностей, а именно, поскольку полный перевод сленгового слова или выражения не удовлетворяет буквальному переводу, лексическим или фразеологическим единицам, следует продемонстрировать контекстуальный подход, а семантику вывести на первый план [9].

Вопрос эквивалента русского сленга на азербайджанском языке является довольно сложной и интересной проблемой при переводе. Сленги, как динамическая часть языка, представляют собой выражения, специфичные для культурных, социальных и возрастных групп. При переводе русского сленга на азербайджанский язык необходимо учитывать несколько ключевых моментов:

1. Нахождение эквивалентности:

Смысловая эквивалентность: Самое главное – передать основной смысл сленга. Иногда это невозможно при дословном переводе.

Функциональная эквивалентность: Эффект, создаваемый сленгом в речи (эмоциональность, ирония, юмор и т.д.), должен быть передан таким же образом на азербайджанском языке [10].

Стилистическая эквивалентность: Сленг выражает неформальный или грубый стиль. Следует выбирать выражения, которые создают такой же стиль на азербайджанском языке.

2. Стратегии перевода:

Нахождение эквивалентного сленга: Если на азербайджанском языке есть сленговое выражение, соответствующее русскому сленгу, то это самый идеальный вариант. Например, для «бабки» (money) могут быть такие варианты, как «babki» или «pul».

Аналогичные выражения: Найти выражение на азербайджанском языке, которое имеет то же значение, но не является сленгом. В этом случае, в зависимости от контекста, может потребоваться изменить стиль выражения.

Перефразирование: Если эквивалентного или аналогичного выражения нет, значение сленга можно объяснить на азербайджанском языке. Это помогает сократить потери перевода, но может снизить живость перевода.

Адаптация: Адаптировать сленг к реалиям азербайджанского языка. Это особенно важно для сленга, связанного с культурным контекстом.

Транслитерация или транскрипция: В некоторых случаях сленговое выражение можно

транслитерировать или транскрибировать как есть. Это особенно актуально для нового сленга или интернет-сленга.

3. Сложности: Изменчивость сленга: сленг часто меняется и обновляется. Это затрудняет переводчикам оставаться в курсе событий.

Культурные различия: различия между русской и азербайджанской культурами могут затруднить перевод сленга. Контекстная зависимость: значение сленга может меняться в зависимости от контекста. Переводчик должен тщательно анализировать контекст, в котором используется сленг: «Круто» (*ala, super*): в азербайджанском языке могут использоваться такие выражения, как «*ala*», «*super*», «*qəşəng*», «*bombadır*» и т.д.

«Чел» (*oğlan, adam*): в азербайджанском языке такие выражения, как «*oğlan*», «*adam*», «*qaqaş*», «*brat*» и т.д. могут быть уместны.

«Жест» (*dəhşət, pis vəziyyət*): в азербайджанском языке такие выражения, как «*dəhşət*», «*fəlakət*», «*biabırçılıq*», «*zibil*» и т.д.

Выводы

Перевод русского сленга на азербайджанский требует от переводчика высокого уровня лингвистического мастерства, культурной осведомленности и креативности. Переводчик должен использовать различные стратегии перевода, чтобы точно передать значение, функцию и стиль сленга.

Список источников

1. Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. Москва: Эллипс. 2007. 363 с.
2. Allen I.L., Usher R.E. Slang: Sociology // Concise Encyclopedia of Pragmatics. Amsterdam: Elsevier. 1998. № 16. P. 878 – 883
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва, 2010. 363 с.
4. Bussman H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London: Routledge, 1998. 1034 p.
5. Ветухова Л.М., Жовтяк В.Д., Плохих Е.В. Применение программ машинного перевода в информационном обеспечении международных космических программ // Сборник материалов XVI Международной конференции «Крым-2009: Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса». Крым, Судак, 2009. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2009/disk/69.pdf>
6. Грабовский В.Н. Технология Translation Memory // «Мосты». 2004. № 2. С. 57 – 62.
7. Катфорд Дж.К. Лингвистическая теория перевода. Москва, 2004. 208 с.
8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2002. 424 с.
7. Кутузов, А.Б. Компьютерные технологии в формировании профессиональной компетенции переводчика // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей Третьей международной научной конференции. Челябинск, 2007. Т. 2. С. 244 – 250.
9. Липатов А.Т. Сленг как проблема социолектики. М.: Элпис, 2010. 320 с.
10. Силонов А. Программы, помогающие переводчику. Компьютерная неделя. Москва, 2000. № 16 (238).
11. Очерки бурсы (1862-1863), в сокращении. 02.04.2019. URL: <https://lit.ukrtvory.ru/ocherki-bursy-1862-1863-v-sokrashhenii/> (дата обращения: 06.04.2023)
12. Сленг с историей. 24.10.2018. URL: <https://iq.hse.ru/news/226623236.html> (дата обращения: 12.07.2024)

References

1. Anishchenko O.A. Dictionary of Russian School Jargon of the 19th Century. Moscow: Ellips. 2007. 363 p.
2. Allen I.L., Usher R.E. Slang: Sociology. Concise Encyclopedia of Pragmatics. Amsterdam: Elsevier. 1998. No. 1b. P. 878 – 883
3. Barkhudarov L.S. Language and Translation: Issues of General and Particular Theory of Translation. Moscow, 2010. 363 p.
4. Bussman H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London: Routledge, 1998. 1034 p.
5. Vetuhova L.M., Zhovtyak V.D., Plokhikh E.V. Application of Machine Translation Programs in Information Support of International Space Programs. Collection of Materials of the XVI International Conference "Crimea-2009: Libraries and Information Resources in the Modern World of Science, Culture, Education and Business". Crimea, Sudak, 2009. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2009/disk/69.pdf>
6. Grabovsky V.N. Translation Memory Technology. "Bridges". 2004. № 2. P. 57 – 62.
7. Catford J.K. Linguistic Theory of Translation. Moscow, 2004. 208 p.
8. Komissarov V.N. Modern Translation Studies. Moscow: ETS, 2002. 424 p.
7. Kutuzov, A.B. Computer Technologies in Forming Professional Competence of a Translator. Languages of Professional Communication: Collection of Articles from the Third International Scientific Conference. Chelyabinsk, 2007. Vol. 2. P. 244 – 250.
9. Lipatov A.T. Slang as a problem of sociolectics. Moscow: Elpis, 2010. 320 p.
10. Silonov A. Programs that help the translator. Computer week. Moscow, 2000. No. 16 (238).
11. Essays on the seminary (1862-1863), abridged. 02.04.2019. URL: <https://lit.ukrtvory.ru/ocherki-bursy-1862-1863-v-sokrashhenii/> (date of access: 06.04.2023)
12. Slang with history. 24.10.2018. URL: <https://iq.hse.ru/news/226623236.html> (date of access: 12.07.2024)

Информация об авторе

Абдуллаева Ульвия Салам гызы, кандидат филологических наук, доцент, Бакинский славянский университет, Азербайджан

© Абдуллаева Ульвия Салам гызы, 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 372.881.1

Сопоставительная характеристика глаголов движения в номинативно-производном значении в русском и арабском языках

¹ Магомедова С.И., ¹ Ибрагимова А.А.,
¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются глаголы движения русского и арабского языков употребляемые в номинативно производном значении в тематических группах – время и мыслительная деятельность в ситуациях: наступление, ход, окончание времени и понимание, осознание, обдумывание. Анализируется также лексико-семантическое значение глаголов движения арабского языка, употребляемых в переносном значении, которое обуславливает правильное употребление глагола в данном контексте.

На основе анализа выявляется особенность и различие в употреблении глаголов движения в переносном смысле в русском и арабском языках в исследуемых тематических группах.

Ключевые слова: номинативное значение, номинативно-производное значение, компоненты глаголов движения, глаголы движения, тематические группы, лексико-семантическое значение

Для цитирования: Магомедова С.И., Ибрагимова А.А. Сопоставительная характеристика глаголов движения в номинативно-производном значении в русском и арабском языках // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 98 – 103.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Comparative characteristics of verbs of motion in the nominative-derivate meaning in Russian and Arabic

¹ Magomedova S.I., ¹ Ibragimova A.A.,
¹ Dagestan State University

Abstract: the article examines verbs of motion in Russian and Arabic used in a nominative-derivative meaning in thematic groups – time and mental activity in situations: the onset, course, end of time and understanding, awareness, deliberation. The lexical and semantic meaning of verbs of motion in Arabic used in a figurative meaning is also analyzed, which determines the correct use of the verb in this context.

Based on the analysis, the peculiarity and difference in the use of verbs of motion in a figurative sense in Russian and Arabic in the studied thematic groups are revealed.

Keywords: nominative meaning, nominative-derivative meaning, components of verbs of motion, verbs of motion, thematic groups, lexical and semantic meaning

For citation: Magomedova S.I., Ibragimova A.A. Comparative characteristics of verbs of motion in the nominative-derivate meaning in Russian and Arabic. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 98 – 103.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что глаголы движения в русском и арабском языках характеризуются частотностью употребления в различных сферах общения и в разных стилях речи, многозначны, часто употребляются в переносном значении. В арабском языке употребление глаголов синонимического ряда, в большинстве случаев, контекстуально обусловлено.

Цель исследования выявить характерность и степень частотности употребления глаголов движения арабского и русского языков в номинативно-производном значении в трех тематических группах – время, мыслительная деятельность.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

- изучить и обобщить сведения о глаголах движения и их производных, имеющиеся в научной литературе;
- проанализировать контексты употребления глаголов движения русского и арабского языков в тематических группах – время, мыслительная деятельность.
- обобщить и сопоставить данные, полученные в ходе исследования.

Теоретическая значимость нашей работы обеспечивается тем, что сопоставительный анализ номинативно-производных значений глаголов движения русского и арабского языков выявляет сходство и различие в двух языках на лексико-семантическом уровне.

Практическая ценность исследования состоит в том, что результаты и материалы нашей работы могут быть использованы в практике преподавания дисциплин: «Практический курс арабского языка», «Методика преподавания арабского языка», а также при составлении учебников и пособий.

Материалы и методы исследований

Глаголы движения отличаются сложностью своего содержания, так как лексические компоненты в глагольных значениях тесно переплетены и взаимодействуют с грамматическими компонентами.

В семантике глаголов движения выделяются такие компоненты как: *однонаправленность* (направленность) – *неоднонаправленность* (разнонаправленность, ненаправленность), *способ передвижения* и др. Способ передвижения вкупе с направленностью движения является одним из определяющих семантических признаков глаголов движения.

Еще В.Г. Гак акцентировал внимание на том, что если глагол обозначает только направление движения например, *прибывать*, он утрачивает тем самым связь с понятием движения и «примыкает к другой ЛСГ – к глаголам, обозначающим положение тела в пространстве» [3]. Глаголы же, обозначающие только способ передвижения (например, бежать), «также проявляют тенденцию к выпадению из группы глаголов движения и начинают квалифицировать субъект, т.е. обозначают его способность, манеру поведения и т.д.» [3].

При противопоставлении глаголов движения по способу передвижения принято использовать два основных критерия: 1) наличие (отсутствие) средств передвижения; 2) вид среды, в которой происходит действие (земля, вода, воздух).

К числу важнейших семантических компонентов глаголов движения относятся *независимость / зависимость движения*. При этом под независимостью движения понимается самостоятельное движение субстанции, а зависимость движения подразумевает перемещение как результат воздействия других субстанций.

Все русские переходные глаголы движения характеризуются зависимостью движения; глаголы же, которым присуща независимость движения, по большей части непереходные. Например, непереходному русскому глаголу *идти* свойственна независимость движения, в то время как глагол *вести* отличается зависимостью движения.

В арабском языке глаголы, характеризующиеся зависимостью движения, могут быть как непереходными: جاءت فاطمة بالفواكه «*Фатима принесла фрукты*»; ذهب الأب بابنه إلى المدرسة «*Отец отвел сына в школу*»; جاء أحمد بصديقه الجديد «*Ахмад привел своего друга*», так и переходными: أجاز الأم إلى المسرح «*Привел маму в театр*»; أحضر الهدية لأمه «*принес подарок матери*»

أورد الشرطي المرأة المخافة إلى المنزل «*Полицейский довел испуганную женщину до дома*»; هدى العروس إلى زوجها «*Отводит невесту к жениху*».

Прямое номинативное и противостоящее ему номинативно-производное значение выделяются в зависимости от способа номинации действия, предмета или явления действительности.

Номинативно-производные значения слова неотрывны от основного, чаще всего они уже, специализированнее, чем основное значение, поэтому обусловлены лексемами, с которыми они вступают в лексико-семантические связи [6]. Если нет прямой связи производного значения слова с основным значением, то мы имеем дело уже с омонимом. Сравните: *убрать кружки со стола и*

убрать комнату – глаголы *убрать* являются омонимами, т.к. значение не выводится одно из другого, т.е. не являются производными.

Номинативно-производное значение может быть переносным (метафорическим или метонимическим), при котором основное значение слова подверглось при именовании другого предмета/явления действительности переосмыслению на основе сходства или смежности каких-то общих для обоих предметов признаков, реальных или надуманных.

Переносное значение одновременно является и номинативно-производным значением, в то время как номинативно-производное значение не обязательно является переносным [2].

Вторичные значения могут разворачиваться линейно, либо образовываться от исходного на основании ассоциативной связи между двумя понятиями, выраженными этими двумя значениями. Для большинства глаголов движения характерно образование вторичных значений от первичного основного значения. Уфимцева выделяет пять основных причин появления вторичных значений в семантической структуре глаголов движения:

1. Вторичные лексико-семантические варианты образуются вследствие дополнительного дифференциального признака при неизменном интегральном признаке, например: интегральным признаком глагола *бродить* является «перемещаться шагами», дифференциальным – «медленно», «бесцельно». В данном случае дифференциальный признак указывает на различные аспекты, обстоятельства процесса хождения.

2. Вторичное значение возникает вследствие сильной актуализации дифференцированного признака глагола, при которой меняется его интегральный признак. Пример такого переосмысления номинативно-непроизводного значения глагол *ползти* в значении «медленно перемещаться шагами», первичное значение которого «перемещаться ползком», а также глаголы *скакать* и *лететь* в значениях «быстро бежать куда-либо», первичное значение которого «бежать вскачь с большой скоростью (о животных) и «перемещаться в воздухе» соответственно. В качестве примера можно привести также глагол *бежать* (*бегут ручьи*) в значении «быстро течь», первичное значение которого «перемещаться бегом».

3. Производные значения обусловлены существительными, с которыми вступают глаголы движения в синтагматические связи. Так, глагол *летать* в зависимости от существительного, с которым он вступает лексико-семантические связи, может означать: передвижение в воздухе с помощью крыльев (птицы, насекомые), передвижение в

определённом направлении с помощью летательных аппаратов (люди), перемещение, передвижение в воздухе посредством топлива (ракета, самолёт и т.д.) и т.д. [1].

4. Значения некоторых глаголов движения абстрагируются, теряя свою соотнесённость с определённым способом перемещения. Например, первичное значение глагола *идти* «двигаться в определённом направлении шагом» перешло в «двигаться в каком-то направлении» по отношению к наземному транспорту, движение которого заключено в семантике глагола *ехать* [7].

5. Вторичное значение, обусловленное употреблением глагола во фразеологических оборотах, т.е. фразеологически связанное – обнаруживается только в составе фразеологических сочетаний: *желтая* (продажная, низкопробная) *пресса* [10].

К номинативно-производным значениям относится также конструктивно обусловленное значение. Оно проявляется только в строго определённой конструкции, включающей в себя конкретизатор в жестко устоявшейся грамматической форме [4]. Это значение, которое как бы «навязано» слову устойчивым типом конструкции.

Сравните: *дать деру* и *дать ответ* – в обоих конструкциях, где глагол *дать* употребляется как в основном значении, так и номинативно-производном, конкретизатор употребляется в форме вин. падежа. В то время как употребление глагола *пленив* в прямом значении предполагает употребление конкретизатора в форме вин. падежа, а при конструктивно обусловленном значении в тв. падеже: *пленив красотой, умом*. Значение глагола *обернуться* (повернуться назад) понятно каждому, но когда глагол *обернуться* употребляется в значении превратиться требуется употребление существительного в творительном падеже: *обернуться птицей, волком*. Вне этой конструкции у слова будет реализовано совершенно другое значение.

В обоих языках глаголы движения, значения которых метафорически связаны с умственной деятельностью человека, используются в ситуации, где умственная деятельность человека представлена как метафорическое движение истины, мысли, знаний к человеку: «То ей приходила мысль вскочить на рампу и пропеть ту арию, которую пела актриса, то ей хотелось зацепить веером недалеко от нее сидевшего старичка, то перегнуться к Элен и защекотать ее» [9]; لا أستطيع أن أقول «من الذي جاء إلى ذهنه أولاً شرب الصودا من أجل تقليل الوزن» «Я не знаю кто он, кому первым пришло в голову пить соду, чтобы похудеть».

В русском языке эта ситуация вербализуется одним глаголом движения *приходить*, в арабском – глаголами: *أتى، ورد، جاء*.

Понимание, осознание человеком чего-либо может передаваться в арабском языке и как мысль, которая охватила человека: *أبقى لنفسك المرة المقبلة أفكارك* «Когда тебя в следующий раз осенит (охватит) еще одна гениальная мысль, оставь ее себе».

Глагол *سعى* бежать, устремляться, дифференциальная сема которого «быстрое передвижение», употребляется в данной ситуации в значении *приходить* на ум тут же, сразу же: *كلما كنت أفكر في عروض عيد الميلاد الكلاسيكية يسعى إلى الذهن رودولف* «Всякий раз, когда я думаю о классических рождественских шоу, на ум тут же приходит Рудольф...».

Движение к человеку мыслей, вызывающих негативные чувства: страх, тревога, переживание, передается посредством глагола *лезть*: В последнее время в голову лезут всякие дурацкие мысли.

Как и в русском языке, объектом глаголов движения *приходить* арабского языка, употребляемых в ситуации, где умственная деятельность человека представлена как метафорическое движение истины, мысли, знаний к человеку, является сам человек, сравните: *جاءتني الفكرة* мне пришла мысль. Объектом движения мысли в русском языке может быть также «голова» *ل* в голову пришла мысль, в арабском языке *ذهن* ум, разум.

Наряду с глаголами движения, метафорически связанных с умственной деятельностью, в арабском языке употребляется глагол *خطر* *приходить* в голову, на ум, например: *ما خطر ببالي يا سيدتي أنه لا يحسن اختيار الفاكهة* «Госпожа, мне и в голову не пришло, что он не умеет выбирать фрукты». Глагол *خطر* вступает в лексико-семантическую связь с лексемой *بال* ум, душа в сочетании с предлогами *ذهن، خطر عليّ/فيّ/ببالي* мне пришла мысль, *في، ب، خطر* ум, разум в сочетании с предлогом *عليّ، في* ему пришла мысль; с лексемой, означающей того, к кому пришла мысль в сочетании с предлогом *ل*: *خطر له خاطر*

В русском и арабском языках умственная деятельность человека представлена как метафорическое движение человека к мысли, пониманию. В русском языке эта ситуация вербализуется глаголами – *приходить, доходить, уловить, схватить* в значении *понять что-либо, кого-либо*, например: сам дошел до этого, я сам пришел к этому, он уловил ее мысль, он все схватывает на лету. В арабском языке – глаголом *توصل* добиваться, достигать чего-либо в значении «осознать», например: *آمل في أن نتوصل إلى فهم مشترك لهذا الأمر مع الشركاء الأمريكيين*

Надеюсь, мы придем к общему пониманию этого (осознанию) с американскими коллегами.

Несостоятельность человека сосредоточиться на чем-либо, собраться мыслями в обоих языках передается посредством глаголов движения *кружиться, блуждать* с дифференциальной семой «совершать круговые движения» *крутиться*: Столько вопросов и мыслей крутится в голове; *الجميع لديه الكثير من الأفكار تدور في عقله* У каждого из нас много всяких мыслей в голове; В автобусе я позволяю своим мыслям блуждать; *في رأسي تتجول أفكار مختلفة* Я в моей голове блуждают разные мысли.

В русском языке сложность осознания истины передается посредством глаголов движения с префиксами *рас, про, ср.*: *раскусить, проникнуть*. Например: «Но все это я говорю только в оправдание недосмотра Марьи Алексеевны, не успевшей вовремя раскусить, что за человек Лопухов, а никак не в оправдание самому Лопухову» [8].

Результаты и обсуждения

Глаголы движения, метафорически связанные с понятием *время*, используются в трех ситуациях: *наступление, ход и окончание времени*. *Наступление времени* номинируется глаголом невыраженной интенсивности движения – *приходить* – и только в сочетании с определенными лексемами: *пришла весна/зима, пришел час расплаты, пришло время действовать, но наступила осень/лето, настал день праздника*.

Наступление времени в арабском языке передается, как глаголами движения *приходить*: *أتى، جاء، أقبل*, так и глаголами с денотативной семой «наступление времени» *حان* наступать о времени, *حلّ* наступать о сроке / времени, например: *حان الوقت لكي تسأل الجمعية بعض الأسئلة المختلفة* Настало время, чтоб ассамблея задалась некоторыми иными вопросами; *عندما حل الموعد لم أستطع فعل ذلك* Когда настало время, я не смог сделать это.

Глагол *حلّ* наступать о времени в отличие от остальных глаголов не вступает в лексико-синтаксическую связь с лексемами «время», сочетаясь только с лексемой *موعد* срок.

Ход времени может выражаться глаголами низкой интенсивности: *ползти, тянуться*, невыраженной интенсивности: *идти, течь* и высокой интенсивности: *бежать, мчаться*.

С глаголом невыраженной интенсивности *течь* употребляется только лексема *время*, например: «Всё это в прибрежном посёлке жило какой-то своей отрешённой от цивилизации жизнью, где не было гудящих машин, где время текло медленно-медленно...» [5], в то время как с глаголом *идти* – как лексема *время*, так и лексемы *дни, годы, минуты* и т.д. Следует отметить, что с лексемами *дни, годы, минуты* глагол *идти* употребляется, как правило, в прош. вр., с лексемой *время* – как в наст. времени, так и в прош. вр.

В арабском языке ход времени передается глаголами невыраженной интенсивности *مرّ* проходить мимо чего-либо и *تقدّم* двигаться вперед, например: *يتقدم الوقت ببطء هنا، أليس كذلك؟* «Время здесь так медленно идет, правда?»

Окончание времени выражается глаголами невыраженной интенсивности: *مضى*, *كانت*, *انقضى*, *انتهى*: «И минул день, и минул год, и минул век»; «Тихо и незаметно канул еще один год в вечность».

Окончание времени выражается также сочетаниями, в состав которых входят выражения: на исходе, подходить к концу: «Светлый вечер подходил к концу.»; «День был на исходе...».

Уход времени передается метафорическим переносом прямого значения глаголов движения: *مرّ*, *انقضى*, *مضى*, *ذهب*, контекст употребления которых в данном значении ничем не обусловлен, т.е. они являются полными синонимами. Например: *انتهى عامنا الدراسي، وذهبت الأيام الجميلة الممتعة وبعد قليل سنفتقر* «Закончился учебный год и прошли прекрасные и интересные дни. Скоро мы расстанемся.»; *مضت أيام ولم يجد كشافة آثارهم* «Прошли дни, но разведчики не нашли их следов».

Наиболее частотными глаголами движения арабского языка из синонимического ряда приходиться, употребляемых в переносном значении в ис-

следуемых тематических группах, явились глаголы – *أتى* и *جاء*

Метафорическое движение мысли к человеку представлено в арабском языке шире, чем в русском, в то время как движение человека к мысли в русском представлено значительно большим количеством глаголов движения, чем в арабском.

Ход времени в русском языке может выражаться глаголами низкой интенсивности: *ползти*, *тянуться*, невыраженной интенсивности: *идти*, *течь* и высокой интенсивности: *бежать*, *мчаться*. В арабском языке только глаголами невыраженной интенсивности.

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует преимущественное различие в употреблении глаголов движения в переносном смысле в русском и арабском языках, что требует дальнейшего исследования и составления учебного пособия по данной теме.

Сопоставительный анализ группы глаголов «движения» в арабском и русском языках станет основой для дальнейшей разработки комплекса упражнений и заданий с целью формирования у учащихся навыков употребления данной группы глаголов в соответствии с коммуникативной целью и ситуацией общения.

Список источников

1. Виноградов В.В. Русский язык. М., Высшая школа, 1986. С. 328 – 337.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 67 – 83.
3. Гак В.Г. Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: Изд-во «Международные отношения», 1966. С. 156 – 160.
4. Гречко В.А. Теория языкознания. М.: Высшая школа, 2007. С. 52 – 65.
5. Зверев С. «Тельняшка – наш бронежилет». М., 2010. С. 200 – 215.
6. Морковин В.В., Бееме Н.О., Дорогонова И.А., Иванова Т.Ф., Успенская И.Д. Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь / под. ред. В.В. Морковина. М.: Русский язык, 1984. 1186 с.
7. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. 564 с.
8. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1972. 334с.
9. Толстой Л.Н. «Война и Мир». М., 2017. С. 54 – 62.
10. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 75 – 80.

References

1. Vinogradov V.V. Russian language. Moscow, Higher School, 1986. P. 328 – 337.
2. Vinogradov V.V. Selected works: Lexicology and lexicography. Moscow, 1977. P. 67 – 83.
3. Gak V.G. Conversations about the French word. (From the comparative lexicology of the French and Russian languages). Moscow: Publishing house “International Relations”, 1966. P. 156 – 160.
4. Grechko V.A. Theory of linguistics. Moscow: Higher School, 2007. P. 52 – 65.
5. Zverev S. “Telnyashka – our bulletproof vest”. M., 2010. P. 200 – 215.
6. Morkovin V.V., Beeme N.O., Dorogonova I.A., Ivanova T.F., Uspenskaya I.D. Lexical basis of the Russian language: a comprehensive educational dictionary. under. ed. V.V. Carrot. M.: Russian language, 1984. 1186 p.
7. General linguistics. Internal structure of language. M.: Nauka, 1972. 564 p.

8. General linguistics. Forms of existence, functions, history of language. Rep. ed. B.A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1972. 334 p.
9. Tolstoy L.N. "War and Peace". M., 2017. P. 54 – 62.
10. Ufimtseva A.A. Semantics of the word. Aspects of semantic research. M.: Nauka, 1980. P. 75 – 80.

Информация об авторах

Магомедова С.И., кандидат филологических наук, Дагестанский государственный университет, sakinat.0111@gmail.com

Ибрагимова А.А., Дагестанский государственный университет, ibragimovaalina2004@gmail.com

© Магомедова С.И., Ибрагимова А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.512.162

Ментальная идентичность нации и ее выражение в русскоязычной азербайджанской прозе (на материале творчества Н. Расулзаде)

¹ Касимова М.М.,

¹ Бакинский славянский университет, Азербайджан

Аннотация: в этой статье мы рассматривали понятие «этническая реальность» с точки зрения этнопсихологической характеристики языкового и надъязыкового бытия этноса. Изучая процесс этнопсихологической характеристики языкового и надъязыкового бытия этноса, мы отталкиваемся от понятия ментальной идентичности и при этом анализируем саму ментальную идентичность. В рассказе Натига Расулзаде «Девушка в красном» автор повествуя о жизни главного героя Акаши приходит к выводу, что его жизнь привела к дальнейшему изменению его социального статуса. В результате герой слезно обращается к Богу, просит помочь ему и сотворить его вновь. Ментальная идентичность дает писателю право полностью перевернуть сознание героя. С целью декларирования специфики ментальности и сохранения изменений в жизни героя автор получает возможность вторгнуться в его жизнь и полностью ее изменить. Нация – не этнос, а государство. Этнолингвистика изучает связь языка с культурой народа, быта. Ментальная идентичность нации занимает важное место в процессе анализа характера героя-современника и окружающей его азербайджанской действительности. Показывая внутренний мир героя-современника, писатель принимает активное участие в развитии современного мышления азербайджанского читателя, а значит и в развитии азербайджанской прозы на пути ее становления от модернизма к постмодернизму.

Ключевые слова: национальный, текст, азербайджанская литература, литературный процесс, образ

Для цитирования: Касимова М.М. Ментальная идентичность нации и ее выражение в русскоязычной азербайджанской прозе (на материале творчества Н. Расулзаде) // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 104 – 108.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Mental identity of the nation and its expression in Russian-language Azerbaijani prose (based on the works of N. Rasulzade)

¹ Kasimova M.M.,

¹ Baku Slavic University, Azerbaijan

Abstract: in this article we have considered the concept of “ethnic reality” from the point of view of the ethnopsychological characteristics of the linguistic and supralinguistic existence of an ethnic group. While studying the process of ethnopsychological characteristics of the linguistic and supralinguistic existence of an ethnic group, we based on the concept of mental identity and at the same time analyzed mental identity itself. In story “The Girl in Red” by Natig Rasulzadeh, the author, narrating about the life of the main character Akashi, comes to the conclusion that his life has led to a further change in his social status. As a result, the hero tearfully turns to God, asks to help him and to create him again. Mental identity gives the writer the right to turn completely the hero’s consciousness upside down. In order to declare the specificity of mentality and preserve changes in the hero’s life, the author gets the opportunity to “invade” hero’s internal life and completely change it. A nation is not an ethnic group, but a state. Ethnolinguistics studies the connection between language and the culture of the people and their way of life. The mental identity of a nation occupies an important place in the process of analyzing the character of a con-

temporary hero and the Azerbaijani reality surrounding him. By showing the inner world of a contemporary hero, the writer takes an active part in the development of the modern thinking of the Azerbaijani reader, and therefore in the development of Azerbaijani prose on the path of its formation from modernism to postmodernism.

Keywords: national, text, Azerbaijani literature, literary process, character

For citation: Kasimova M.M. Mental identity of the nation and its expression in Russian-language Azerbaijani prose (based on the works of N. Rasulzade). Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 104 – 108.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Когда художник слова проникает в психологический мир своего героя, то он словно живёт в его собственном мире. Во всяком случае, старается принять участие в его проступках, понять ход его мыслей. Мир мышления выдающегося современного азербайджанского писателя Нати́га Расулзаде особенный. Сначала кажется, что читатель и критик будто входит в общую ауру праздника, веселья. Но очень скоро осознаёшь, что это далеко не так. С точки зрения А.М. Казиевой и опорой на ее статью: «Этническая реальность – это этнопсихологическая характеристика языкового и надязыкового бытия этноса» [4], мы обратились к анализу одного из рассказов Н. Расулзаде «Девушка в красном». При анализе рассказа мы обратили внимание на то, что связи ментальной идентичности этноса, присутствующие в рассказе нуждаются в полной или частичной самоидентификации нации.

Возьмём, к примеру, разработку им городской тематики. Это необычное лексико-семантическое пространство, наполненное суровой и мрачной реальностью («Всадник в ночи»). Черты национального персонажа как будто соперничают «с условным пластом повествования» [1].

Маленькие герои других его многочисленных рассказов, в том числе таких, как «Дом», «Брат», «Окно», «Трамвай», «Дуэль» интересны еще и тем, что они существуют не в одной плоскости парадигмы, а в разных плоскостях бытия, определяя собой маргинальный тип сознания городского жителя, развенчивающего былые сомнительные ценности советского образа жизни.

Такое явление наблюдается, скажем, в рассказе «Чужая жизнь», который по своей архитектонике и внутреннему содержанию ассоциативно напоминает центральную героиню – Анну из распутиновских повестей («Последний срок» и «Прощание с Матёрой»). В обоих случаях они балансируют на грани жизни и смерти.

С думой о кровном, о детях, о жизни и судьбе и характере городского и деревенского жителя, черты национального типа характера, способствуют

выводу писателя Н. Расулзаде об общих и специфических чертах национального типа характера.

Постоянно увеличивая духовную составляющую в своей практической деятельности, герои Н.Расулзаде и В. Распутина решают пути выхода из сложившихся негативных ситуаций.

В характере его героев проглядывают определенные реальные черты поведения азербайджанского национального героя, перемежающиеся с условным планом повествования. Показывая внутренний мир героя-современника писатель принимает участие в развитии современного мышления азербайджанского читателя.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье мы опирались на сравнительно-сопоставительный метод, при котором нами обнаруживается синтез опытно-эмпирических и научно-теоретических данных.

Результаты и обсуждения

В рассказе «Девушка в красном» русскоязычного азербайджанского писателя Н. Расулзаде показан жизненный путь его героя. От плохого поступка к осознанию неправильности своего поведения. Все события указанной повести Н. Расулзаде выдержаны в реалистическом ключе. Это особенно заметно в тех случаях, когда герой явно описан в негативном свете. Между тем даже те мелкие гадости, которые он причиняет окружающим, оставляют у нас, современных почитателей таланта писателя несколько нетрадиционное впечатление: оставьте меня в покое, не трогайте, «забудьте обо мне вовсе» [5, с. 159].

Автор все время подчеркивает исполнение двух важных для героя желаний: «выигрыша и денег». Но, в процессе его жизненного пути его герой прозревает. И в борьбе за выживаемость, Агаша стал превыше всего ценить свою жизнь.

Словно с полотен Н. Расулзаде сошёл знаменитый герой Н.В. Гоголя – «маленький человек» Башмачников из его «Шинели». Однако интересующий нас автор объективно всё же далёк от мировоззрения гоголевского персонажа. Для него все достоинство личности заключается в следующей формуле: не упустить денежный выигрыш. В

конце концов он таки добивается желаемого: деньги обеспечивают ему надёжное положение в обществе. Однако внешнее благополучие липовое, и его бравада тоже напускная, искусственная. Когда герой попадает в клинику, он всё чаще задумывается о смысле жизни и бренности бытия. Этот философский силлогизм в принципе нельзя назвать новаторским. Но глубже вчитываясь в рассказ, ловишь себя на мысли, что Агаша – центральная героиня «Девушки в красном» – это своего рода плацдарм для серьёзных философских размышлений отечественного писателя. Речь идёт о таких важных категориях, как нравственность и личностный статус человека. Н. Расулзаде взвешивает эти понятия как бы на весах и задаётся естественным вопросом: что перевесит? [7].

Но до конца рассказа в прозрение героя верится с трудом. На самом деле, среда уже перевоспитала его и превратила в монстра в буквальном смысле слова. Это видно хотя бы из того, что герой погряз в обманах да аферах, порою доходящих до открытого воровства или предательства по отношению к вои близким, знакомым. Казалось бы, давно пора остановиться, «остепениться», по выражению самого автора. Но этого, увы, не происходит. Существо дела заключается в том, что Агаша живёт в мире грёз и иллюзий, причём, в самом отрицательном смысле этого слова. На протяжении всей жизни его сопровождают абсурд и миражи. К толму же мир откровенно враждебен ему. Отсюда, собственно говоря, сцены, описывающие его беспредельное одиночество. А это подлинная трагедия личности: Одиночества.

Сведя национальный тип героя к структуре мотивов в его поведении, писатель, показав негативные черты в характере азербайджанского героя к концу жизни приводит своего героя к осознанию ценности своей жизни.

Сюжетно-композиционная структура линейного и многолинейного повествования во второй половине XX века в творчестве Н. Расулзаде, и В. Распутина, переплетаясь с реальными и условными формами повествования, способствовала выражению диалектического единства категории национального и интернационального. Требуя знаний исторического и современного художественного опыта жизни, традиций и обычаев. Писатель стал прибегать и к проявлению новых художественных приемов и методов в постановке черт русского и азербайджанского национального типа героя. На тот период времени можно было отнести к ним такие художественные приемы, как перевод, заимствование, подражание, стилизацию, связанную с образными художественными аналогиями, пришедшими на смену старым формам по-

вестования, в связи с развалом СССР и уходом в небытие коммунистической идеологии.

Осмывая важнейшие проблемы бытия и менталитета нации русские и русскоязычные азербайджанские писатели в передаче особенностей национальных черт характера героя-современника, в отличие от черт героического народного типа, приобщали своего читателя к социальному, художественному и нравственному опыту «уроков многовековой классической литературы народов Советского Союза, и в том числе и азербайджанской классики» [9, с. 45].

При рассмотрении черт национального и интернационального типа характера, в котором национальный тип характера вырабатывался в ходе межнациональных культурных взаимосвязей, мы справедливо опираемся на мнение о том, что «идейно-историческая общность, присущая литературам социалистических стран и, вытекающая из самой природы нового социалистического строя, не исключает, а предполагает обращение к национальным и культурным традициям, к неповторимому историческому национальному опыту, который неизменно питает своими истоками современную литературу» [9, с. 45].

Опираясь на ментальную идентичность нации и ее место в процессе анализа внутреннего мира героя-современника (на материале анализа рассказа Н. Расулзаде «Девушка в красном»), писатель получает возможность способствовать углублению взаимосвязей национальных литератур. И дальнейшему освоению художественного опыта творчества многонациональных писателей, в связи с тем, что зрелость реализма современной русской и русскоязычной азербайджанской прозы обнаруживала себя в результате процесса устоявшихся литературных традиций при обращении к постановке проблемы в концепции личности героя-современника конца XX – начала XXI века.

В одном из сборников писателя Н.Расулзаде в рассказе «Девушка в красном» поведение героя, делающего все время пакости, раскрывается писателем как нежелание героя быть в центре внимания. Автором подчеркивается два важных желания героя: «выигрыша» и «денег». По ходу жизненных событий в судьбе героя происходят изменения в сторону улучшения его социального статуса. Но в поведении тупого и нелюбознательного героя Агаши продолжают присутствовать мошенничество, предательство, обман и воровство.

Автор убедительно показывает, что во враждебный для него мир вливается восприятие новой этнической реальности. В этой связи обращение к проблеме ментальной идентичности нации дает право писателю изменить сознание героя, находя-

щегося в больнице. И полностью перевернуть его сознание [8].

В рассказе «Девушка в красном» русскоязычного азербайджанского писателя Н.Расулзаде показан его жизненный путь. От плохого поступка к осознанию неправильности своего поведения. Показ реальных событий, окружающих героя, в которых герой все время делает пакости людям, раскрываются писателем как желание героя оставить его в покое, чтобы про него все забыли, будто его и нет вовсе. Автор все время подчеркивает исполнение двух важных для героя желаний: «*выигрыша и денег*». Но в процессе его жизненного пути его герой прозревает. В борьбе за выживаемость, Агаша стал превыше всего ценить свою жизнь.

Агаша видит жизнь как бы из окна своего дома, и она, по мысли Н. Расулзаде, представляется ему «паскудной». Вот он и просит у Бога помощи, ждёт возвращения к нормальной жизни. Правда, не без оснований. Агаша нутром чувствует, что в нём ещё осталось живое и нетронутое. Есть нерастраченные силы. Далее следуют метаморфозы его жизни, так как социальный статус всё же растёт. Непоследовательно, урывками, но он имеет место быть.

Парадокс в рассказе заключался в том, что к его концу, герой своими руками относит в мечеть неправедным путём заработанные деньги [6].

К концу жизни герой обретает благополучие: у него есть деньги, он чувствует себя благородным человеком, но все это напускное в его поведении. Только оказавшись в больнице, в двух шагах от смерти, он начинает задумываться о смысле и бренности существования человека на земле [3, с. 5].

Сведя национальный тип героя к структуре мотивов в его поведении, писатель, показав негативные черты в характере азербайджанского героя к концу жизни писатель приводит его к осознанию ценности своей жизни.

Сюжетно-композиционная структура линейного и многолинейного повествования во второй половине XX века в творчестве Н.Расулзаде и В. Распутина, переплетаясь с реальными и условными формами повествования, способствовала выражению диалектического единства категории национального и интернационального. Требуя знаний исторического и современного художественного опыта жизни, традиций и обычаев. Она стала прибегать и к проявлению новых художественных приемов и методов в постановке черт русского и азербайджанского национального типа героя. На тот период времени можно было отнести к ним такие художественные приемы, как перевод, заимствование, подражание, стилизацию, связан-

ную с образными художественными аналогиями, пришедшими на смену старым формам повествования, в связи с развалом СССР и уходом в небытие коммунистической идеологии.

Осмысляя важнейшие проблемы бытия и менталитета нации русские и русскоязычные азербайджанские писатели в передаче особенностей национальных черт характера-современника, в отличие от черт героического народного типа, приобщали своего читателя к социальному, художественному и нравственному опыту «уроков многовековой классической литературы народов Советского Союза, и в том числе азербайджанской классики» [9, с. 45].

При рассмотрении черт национального и интернационального типа характера, в котором национальный тип характера вырабатывался в ходе межнациональных культурных взаимосвязей, мы справедливо опираемся на мнение о том, что «идейно-историческая общность, присущая литературам социалистических стран и, вытекающая из самой природы нового социалистического строя, не исключает, а предполагает обращение к национальным и культурным традициям, к неповторимому историческому национальному опыту, который неизменно питает современную литературу» [9, с. 45].

Постановка проблемы способствовала углублению взаимосвязей национальных литератур. И дальнейшему освоению художественного опыта творчества многонациональных писателей, в связи с тем, что зрелость реализма современной русской и русскоязычной азербайджанской прозы обнаруживала себя в результате процесса устоявшихся литературных традиций при обращении к постановке проблемы в концепции личности героя-современника конца XX – начала XXI века [2, с. 127].

В одном из сборников писателя Н.Расулзаде в рассказе «Девушка в красном» поведение героя, делающего все время пакости, раскрывается писателем как нежелание героя быть в центре внимания. Автор подчеркивается два важных желания героя: «*выигрыша*» и «*денег*». По ходу жизненных событий в судьбе героя происходят изменения в сторону улучшения его социального статуса. Но в поведении тупого и нелюбознательного героя Агаши продолжают присутствовать мошенничество, предательство, обман и воровство [1].

Автор убедительно показывает, что в враждебный для него мир вливается восприятие новой этнической реальности. Ментальная идентичность нации дает право писателю изменить сознание героя, находящегося в больнице. И полностью перевернуть его сознание.

Выводы

Отталкиваясь от утопических желаний героя в конце рассказа его главный герой Акаша не хочет продлевать свою жизнь, имея на руках кучу врачебных предписаний. Тесно связанный с отображением традиций азербайджанской нации, т.е. отображением менталитета бытия героя в азербайджанской действительности. Автор с целью деко-

дирования специфики ментальности в жизни героя и сохранения новых чувств, возникших в его сознании получает возможность полностью изменить внутреннее сознание героя. В конце рассказа он приводит своего героя Акаши к Богу. Герой, имея на руках лечебные рекомендации для полного излечения, слезно просит у него: Помоги мне, сотвори меня вновь.

Список источников

1. Алиев Х. Намерения автора и его воплощения // “Azərbaycan gəncləri” qəzeti. 18 aprel 1974.
2. Ахмедова А.Э. Эволюция нравственных стереотипов в городской прозе 11 половины XX века (в контексте русской и азербайджанской литературы. Баку, 2006. 237 с.
3. Ахундова А.Э. Полвека в литературе // Литературный Азербайджан. 2019. № 6. С. 3 – 9.
4. Казиева А.М. Ментальная идентичность нации и ее место в процессе перевода национально маркированных текстов // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивноконцептуальные аспекты: Материалы IV Международной научно-методической конференции. 21-22 апреля 2011 г. / под ред. Л.В. Витковской, А.М.Казиевой. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011. С. 92 – 94.
5. Караев Я. Поэзия и проза. Баку: Язычы, 1979. С. 153 – 184.
6. Расулзаде Н. Девушка в красном. URL: <https://readli.net/devushka-v-krasnom-day-nam-neschastnyim/> (дата обращения: 11.03.2025)
7. Расулзаде Н. Стоявший за дверью: рассказы и повести. Баку: Zardabinesr, 2021. 344 с.
8. Рзаев В. От «Дня казни» до Дня триумфа // Дружба народов. 1988. № 10. С. 145 – 163.
9. Талыбзаде К. Идея писателя и повествование // “Ədəbiyyat və incəsənət” qəzeti. 4 aprel 1970.
10. Хамство требует мордобоя... Интервью с писателем. URL: <https://www.anl.az/down/meqale/exo/2010/sentyabr/131831.htm> (дата обращения: 22.03.2025)

References

1. Aliyev H. The author's intentions and their implementation. “Azərbaycan gəncləri” qəzeti. April 18, 1974.
2. Akhmedova A.E. Evolution of moral stereotypes in urban prose of the 11th half of the 20th century (in the context of Russian and Azerbaijani literature. Baku, 2006. 237 p.
3. Akhundova A.E. Half a century in literature. Literary Azerbaijan. 2019. No. 6. P. 3 – 9.
4. Kazieva A.M. Mental identity of the nation and its place in the process of translating nationally marked texts. Russian-speaking and bi(poly)linguistics in intercultural communication of the 21st century: cognitive-conceptual aspects: Proceedings of the IV International scientific and methodological conference. April 21-22, 2011 / edited by L.V. Vitkovskaya, A.M. Kazieva. Pyatigorsk: Publishing house of Pyatigorsk State Linguistic University, 2011. P. 92 – 94.
5. Karaev Ya. Poetry and prose. Baku: Yazychy, 1979. P. 153 – 184.
6. Rasulzade N. The Girl in Red. URL: <https://readli.net/devushka-v-krasnom-day-nam-neschastnyim/> (date of access: 11.03.2025)
7. Rasulzade N. The Man Behind the Door: Stories and Novels. Baku: Zardabinesr, 2021. 344 p.
8. Rzaev V. From the “Day of Execution” to the Day of Triumph. Friendship of Peoples. 1988. No. 10. Pp. 145 – 163.
9. Talibzade K. The Writer's Idea and Narrative. “Ədəbiyyat və incəsənət” qəzeti. April 4, 1970.
10. Rudeness Demands fisticuffs... Interview with the writer. URL: <https://www.anl.az/down/meqale/exo/2010/sentyabr/131831.htm> (date accessed: 22.03.2025)

Информация об авторе

Касимова М.М., кандидат филологических наук, доцент, Бакинский славянский университет, Азербайджан

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

Функционально-семантическое поле итеративности во французском языке

¹ Бен Айсса Ибрахим Аталлах,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в данной статье осуществляется выявление характерных особенностей функционально-семантического поля итеративности во французском языке и определяется классификация грамматических, морфологических и лексических средств его выражения. Проведён теоретический анализ состояния вопроса на основе научных трудов, изданных в России и за рубежом, с применением общих и специальных методов, включая функционально-семантический, описательный, сравнительно-типологический и контекстуальный анализ. Определена сущностная характеристика итеративности как языкового явления, составлена структура функционально-семантического поля итеративности во французском языке. Проанализированы ключевые средства выражения итеративности, такие как морфолого-грамматические средства: использование глагольной формы *imparfait*, префикса *re-*, суффикса *-ill-*; лексические средства: наречия (*souvent*, *encore*), синтаксические конструкции со значением повторяемости. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в уточнении понятия итеративности и ее средств выражения во французском языке, что представляет собой дополнительную информацию в области теории французского языка, романской грамматики, лексикологии и переводоведения. В ходе исследования удалось установить, что функционально-семантическое поле итеративности во французском языке включает широкий спектр языковых средств – от грамматических форм до морфологических маркеров-аффиксов и лексических показателей – наречий. Все эти элементы взаимодействуют в системе языка, обеспечивая выражение повторяемости и многократности действий. Понимание ФСП итеративности играет важную роль в изучении французской грамматики и лексикологии, а также в процессе аналитического изучения текстов различного жанра.

Ключевые слова: итеративность / повторяемость, рекуррентность, функционально-семантическое поле, грамматическая категория, морфологические средства, лексико-семантические маркеры

Для цитирования: Бен Айсса Ибрахим Аталлах Функционально-семантическое поле итеративности во французском языке // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 109 – 113.

Поступила в редакцию: 20 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

The functional and semantic field of iteration in French

¹ Ben Ayssa Ibrahim Atallah,

¹ Federal State University of Education

Abstract: this article identifies the characteristic features of the functional and semantic field of iterativity in the French language and defines the classification of grammatical, morphological and lexical means of its expression. The theoretical analysis of the issue is based on scientific papers published in Russia and abroad, using general and special methods, including functional-semantic, descriptive, comparative-typological and contextual analysis. The essential characteristic of iterativity as a linguistic phenomenon is defined, the structure of the functional and semantic field of iterativity in the French language is compiled. The key means of expressing iterativity are analyzed, such as morphological and grammatical means: the use of the verb form *imparfait*, the prefix *re-*, the suffix *-ill-*; lexical means: adverbs (*souvent*, *encore*), syntactic constructions with the meaning of repetition. The theoretical and practical significance of the work lies in clarifying the concept of iterativity and its

means of expression in French, which provides additional information in the field of French language theory, Romance grammar, lexicology and translation studies. The study revealed that the functional and semantic field of iteration in French includes a wide range of linguistic means, from grammatical forms to morphological markers such as affixes and lexical indicators such as adverbs. All these elements interact in the language system, providing an expression of the repeatability and multiplicity of actions. Understanding the FSP of iteration plays an important role in the study of French grammar and lexicology, as well as in the process of analytical study of texts of various genres.

Keywords: iterativity, repeatability, recurrence, functional and semantic field, grammatical, morphological, lexical, syntactic means of expressing the meaning of repetition

For citation: Ben Ayssa Ibrahim Atallah The functional and semantic field of iteration in french. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 109 – 113.

The article was submitted: April 20, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Ввиду важности и масштаба проблемы итеративности для гуманитарных наук – лингвистики, психологии, логики, философии – вопросы выражения итеративности в современном французском языке представляют значительный интерес для исследователей. Итеративность, рассматриваемая как лингвистическая категория, охватывает широкий спектр языковых явлений, отражая многократность и повторяемость действия в различных грамматических, морфологических и лексических формах. Особую степень *актуальности* исследование приобретает в контексте функционально-семантического поля (ФСП) итеративности, включающего в себя разнообразные языковые средства, выражающие повторяемость, рекуррентность, цикличность действия.

В статье рассматриваются различные механизмы выражения итеративности в современном французском языке, такие как использование глагольной формы несовершенного вида *imparfait*, префикса *re-*, суффикса *-ill-*, наречий частотности (*souvent, encore, toujours...*), а также специфических синтаксических конструкций. Анализ этих элементов позволяет выявить закономерности функционирования итеративных конструкций и определить их влияние на семантическую организацию высказываний.

Целью исследования является установление особенностей функционально-семантического поля итеративности во французском языке и выявление ключевых языковых средств выражения повторяемости действия.

Задачи работы содержат решение следующих вопросов:

- понятие и сущность итеративности как лингвистической категории;
- грамматические, морфологические и лексические способы выражения итеративности во французском языке;

- анализ функционирования итеративных конструкций в различных контекстах.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации языковых средств, передающих итеративность, что вносит вклад в изучение грамматической и лексико-семантической структуры французского языка.

Практическая ценность изыскания состоит в возможности применения полученных результатов в практике перевода, преподавании французского языка, а также в переводоведении при анализе текстов различного жанра, включая медиатексты и рекламные слоганы.

Функционально-семантическое поле итеративности

Функционально-семантическое поле (ФСП) понимается в статье соответственно словарному определению [5, с. 116] и концепции понятийных категорий, разработанной в трудах А.В. Бондарко [3, с. 58], В.А. Плунгяна [8, с. 79], и других исследователей и характеризующихся как смысловые компоненты общего характера, свойственные обширным классам слов и выражающиеся различными средствами.

Итеративность как семантическая категория была и остается объектом научного интереса: Шахматов (1941), Фортунатов (1956), Потемкина (1958) и других, цит. по: Е.С. Комиссарова [7, с. 104]. В.С. Храковский определяет итеративность как семантическую константу, выражающую поликомпонентную неоднократность ситуаций [10, с. 6]. В современной лингвистике итеративные единицы выступают как квалификационные показатели ситуации, которую они определяют, персонажей, действий и других признаков аспектов изучения текста. Итеративность на материале французского языка исследуется в современных работах Е.И. Бойчук (2023), Н.Г. Епифанцевой (2025), И.В. Скуратова (2024) и других ученых.

*Языковые средства, составляющие ФСП
итеративности и их классификация*

ФСП итеративности представлено языковыми единицами различных категорий, среди которых:

- *грамматические средства*, а именно, категориальная форма несовершенного вида *imparfait*, выражающая повторяющиеся действия в прошлом;

- *морфологические средства*, включающие аффиксы: *re-*, для обозначения повторного действия, *-ill-*, подчеркивающего интенсивность или многократность действия;

- *лексические маркеры*, такие как наречия *souvent* (часто), *toujours* (всегда), *encore* (снова) и т.п., а также сочетания типа *encore et encore* (снова и снова);

- *синтаксические конструкции*, например, параллельные структуры или повторение одних и тех же слов в предложении, часто, в сочетании с лексическими маркерами повтора.

Материалы и методы исследований

Проведен теоретический анализ состояния вопроса на основе научных трудов, изданных в России и за рубежом, с применением общих и специальных методов, включая функционально-семантический, описательный, сравнительно-типологический и контекстуальный анализ. Методология исследования включает общенаучные методы, такие как описание, сравнение, индукция-дедукция, а также специальные научные методы, в числе которых контекстный, семантический и функционально-семантический анализ.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования проводится подробный анализ функционирования итеративных конструкций во французском языке.

*Форма Imparfait как средство
выражения итеративности*

Форма *imparfait* как член оппозиции французской грамматической категории вида *passé simple / imparfait* широко используется для выражения многократных, привычных или длительных действий в прошлом. В отличие от формы *passé simple*, которая указывает на завершенное действие в рамках общего значения «*action globale*», *imparfait*, напротив, подчеркивает *итеративность и регулярность*. Например:

- Gridoux *déjeunait* sur place, ça lui *évitait de rater* un client, *s'il s'en présentait* un ; il est vrai qu'à cette heure-là il *n'en survenait jamais* [11, p. 73]. – Обычно Подшаффэ обедал прямо у себя в мастерской, чтобы не упустить клиента, если таковой объявится. Было известно, однако, что в это время дня такого *не случалось никогда* [6, с. 61].

- La dame francophone lui fit simplement un petit signe amical et d'une ironique pseudoconnivence tandis que le bahut démarrait, cependant que l'autre dame, non moins francophone d'ailleurs mais veuve, *faisait des petits sauts sur place en poussant des clameurs* [11, с. 104]. – Франкоговорящая дама с насмешкой во взоре лишь едва заметно подмигнула ей на прощанье, как раз в тот момент, когда машина трогалась с места, в то время как другая, не менее франкоговорящая дама, хоть и вдова, *подпрыгивая на месте, испускала короткие, но громкие возгласы* [6, с. 88].

Из приведенных примеров видно, что форма *imparfait*, предполагающая в своем значении возможность повторяемости действия, может быть поддержана лексическими средствами. Примеры подтверждают тезис о возможности использования формы *imparfait* для выражения повторяющихся действий в рамках описательных повествований, что делает его важным элементом ФСП итеративности [4, с. 58].

*Аффиксы (RE-, -ILL-) как
показатели повторяемости*

Префикс *re-*: *refaire* (переделать), *revenir*, *rentrer* (возвратиться), *relire* (перечитать)... во французском языке широко используется для образования глаголов, выражающих *итеративные значения*, такие как повторение или возвращение к предыдущему состоянию. Во многих случаях приставка *re-* вносит дополнительное значение *возврата или повторения* действия, что подтверждается исследованиями функциональной морфологии [8, с. 221]. Префиксальные глагольные образования с *re-* отличаются продуктивностью, это многочисленная и широко употребляемая группа глаголов. [1, с. 94] Суффиксальные образования с *-ill-*, напротив, малочисленны, редки в употреблении и специфичны в плане семантики.

Суффикс *-ill-*: *sautiller* (подпрыгивать) выражает многократность и мягкость, *fretiller* (извиваться, подергиваться) в своем значении указывают на многократное, активное действие; *gargouiller* (урчать, булькать) звукоподражание со значением непрерывности, повторения действия; *gribouiller* (царапать, выводить каракули) обозначает хаотично повторяющиеся действия. Таким образом, суффикс *-ill-* может рассматриваться как средство усиления итеративности [2, с. 158].

Лексические маркеры итеративности

Лексическая итеративность во французском языке выражается с помощью наречий частотности, таких как *souvent* (часто), *toujours* (всегда), *encore* (снова) и т.п. Например:

- Et qu'est-ce qu'il fait, le tonton Gabriel ? – Il est veilleur de nuit, il *se lève jamais* avant midi une heure

[11, p. 56]. – А чем занимается твой дядя? Он ночной сторож. Он *никогда не встает* раньше двенадцати-часу [6, с. 47].

- Gabriel soupira. *Encore faire appel à la violence, ça le dégoutait cette contrainte. Depuis l'humanisation première, ça n'avait jamais arrêté* [11, p. 10]. – Габриэль вздохнул: *опять* придется пускать в ход кулаки. Эта неотвратимость угнетала его. Еще со времен палеолита насилие в человеческом обществе стало нормой [6, с.10]. – Исследования показывают, что сочетание этих наречий с формой *imparfait* усиливает эффект итеративности [2, с. 159].

Синтаксические конструкции повторяемости

Во французском языке существуют определенные синтаксические модели [9, с. 125], включая прием повтора и маркированную лексику:

- *encore et encore* (снова и снова), *une fois de plus* (еще раз), *jour après jour* (день за днем) и т.п. Например:

- Attendez, dit flicmane soudain mis en mouvement, *vzallez voir. Vzallez voir* ce dont est capable Trouscailon [11, p. 107]. – Подождите! – воскликнул внезапно пришедший в движение полицейский. *Вы увидите, вы увидите*, на что способен Хватязад [6, с. 90].

- Mais, enfin *fallait ce qu'il fallait*. C'était pas de sa faute à lui, Gabriel, si c'étaient *toujours* les faibles qui emmerdaient le monde [11, p. 10]. – Но, в конце концов, *чему быть, того не миновать*, и не он, Габриэль виноват в том, что именно они, слабые, портят всем жизнь [6, с. 10].

- *Tu causes*, dit Laverdure, *tu causes*, c'est tout ce que tu sais faire [11, p. 28]. – *Болтай, болтай*, вот все, на что ты годен, сказал Зеленуда [6, с. 25].

- La verité, dit Charles, c'est que *tantôt il le fait exeuprès et tantôt pas* [11, p. 17]. – По правде говоря, он иногда *притворяется*, а иногда *такой и есть* [6, с. 16].

Эти и подобные конструкции подчеркивают *регулярность и цикличность* действия, что делает их важной частью ФСП итеративности [2, с. 159].

Выводы

По результатам проведенного в статье лингвистического анализа была определена сущностная характеристика итеративности как языкового явления, составлена структура функционально-семантического поля итеративности во французском языке. Проанализированы ключевые средства выражения итеративности, такие как морфолого-грамматические средства: использование глагольной формы *imparfait*, префикса *re-*, суффикса *-ill-*; лексические средства: наречия (*souvent, encore*), синтаксические конструкции со значением повторяемости. В ходе исследования удалось установить, что функционально-семантическое поле итеративности во французском языке включает широкий спектр языковых средств – от грамматических форм, таких как глагольная форма несовершенного вида до морфологических маркеров-аффиксов и лексических показателей – наречий. Все эти элементы взаимодействуют в системе языка, обеспечивая выражение повторяемости и многократности действий. Понимание ФСП итеративности играет важную роль в изучении французской грамматики и лексикологии, а также в процессе аналитического изучения текстов различного жанра.

Список источников

1. Балута А.А., Елифанцева Н.Г., Михайлов М.К. Изменение синтаксических функций инфинитива в народной латыни // Современный ученый. 2022. № 6. С. 92 – 96.
2. Бойчук Е.И. Лексико-семантические функции повтора (на материале французского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 157 – 166.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Яз. славян. культур, 2005. 624 с.
4. Елифанцева Н.Г. Вид и способ действия французского глагола на фоне видо-временной глагольной системы русского языка. Вопросы современной лингвистики. М.: ГУП. 2025. С. 57 – 64.
5. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2010. 488 с.
6. Кено Р. Зази в метро. Пер. с фр. М.К. Голованивской, Е.Э. Разлоговой. М.: Московский рабочий, 1992. 158 с.
7. Комиссарова Е.С. Итеративные адвербиальные единицы в функционально-семантическом аспекте. Канд. дисс. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2014. 192 с.
8. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011. 669 с.
9. Солнцева А.В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3(22). С. 124 – 133.

10. Храковский В.С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Ученые записки Тартуского государственного университета, 1980. С. 3 – 24.
11. Queneau R. Zazie dans le métro. Paris: Gallimard, 1959. 192 p.
12. Skuratov I.V. Lfngues romanes hier et aujourd'hui // Человек и его язык. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. P. 62 – 70.

References

1. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Changes in the syntactic functions of the infinitive in Vulgar Latin. *Sovremennyy Scientist*. 2022. No. 6. P. 92 – 96.
2. Boychuk E.I. Lexical and semantic functions of repetition (based on the French language). *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*. 2023. No. 1 (32). P. 157 – 166.
3. Bondarko A.V. Theory of morphological categories and aspectological studies. Moscow: Language of Slavic Cultures, 2005. 624 p.
4. Epifantseva N.G. Type and mode of action of the French verb against the background of the aspect-tense verb system of the Russian language. *Issues of modern linguistics*. Moscow: GUP. 2025. P. 57 – 64.
5. Zherebilo T.V. Terms and Concepts of Linguistics: Vocabulary. Lexicology. Phraseology. Lexicography: Dictionary-Reference. Nazran: Pilgrim, 2010. 488 p.
6. Keno R. Zazie v metro. Translated from French by M.K. Moscow: Moskovsky rabochy, 1992. 158 p.
7. Komissarova E.S. Iterative Adverbial Units in the Functional-Semantic Aspect. Cand. Diss. Perm: Perm State University, 2014. 192 p.
8. Plungyan V.A. Introduction to Grammatical Semantics. M.: RSUH, 2011. 669 p.
9. Solntseva A.V. Romance languages: history of formation and problems of classification. *Upper Volga Philological Bulletin*. 2020. No. 3 (22). P. 124 – 133.
10. Khrakovsky V.S. Some problems of universal-typological characteristics of aspectual meanings. *Scientific notes of Tartu State University*, 1980. P. 3 – 24.
11. Queneau R. Zazie dans le métro. Paris: Gallimard, 1959. 192 p.
12. Skuratov I.V. Lfngues romanes hier et aujourd'hui. Man and his language. Yaroslavl: RIO YSPU, 2024. P. 62 – 70.

Информация об авторе

Бен Айсса Ибрахим Аталлах, аспирант, Государственный университет просвещения

© Бен Айсса Ибрахим Аталлах, 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.77

Влияние медиакоммуникаций на переосмысление классических произведений в контексте современных трендов: к постановке вопроса

¹ Шарифуллина С.В.,

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Аннотация: тенденция нашего времени состоит в том, что медиакоммуникации превращают классику в современный тренд. Одним из самых эффективных способов сделать классику современной и популярной является экранизация классических произведений. Социальные сети и блоги играют ключевую роль в продвижении классической литературы. Популярны мемы и цитаты: они быстро распространяются, определяя классику трендом среди молодежи. Онлайн-курсы и вебинары делают классику более доступной: электронные версии книг, подкасты и видеолекции позволяют изучать классику в удобном формате. В результате предпринимаемых усилий по популяризации классики медиакоммуникации, используя различные каналы и форматы, подают её как актуальный и привлекательный элемент современной культуры.

Ключевые слова: медиа, коммуникации, классика, литература, современность, тренды, адаптация, блоги, обзоры, киноверсия, кино

Для цитирования: Шарифуллина С.В. Влияние медиакоммуникаций на переосмысление классических произведений в контексте современных трендов: к постановке вопроса // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 114 – 118.

Поступила в редакцию: 21 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

The influence of mediacommunications on the reinterpretation of classical works in the context of modern trends: to the formulation of the question

¹ Sharifullina S.V.,

¹ Saint Petersburg University of Technology Management and Economics

Abstract: the trend of our time is that media communications turn classics into a modern trend. One of the most effective ways to make classics modern and popular is through film adaptations of classic works. Social media and blogs play a key role in promoting classical literature. Memes and quotes are popular: they spread quickly, making classics trendy among the youth. Online courses and webinars make classics more accessible: e-book versions, podcasts, and video lectures allow the study of classics in a convenient format. As a result of the efforts to popularize classics, media communications, using various channels and formats, present them as a relevant and attractive element of modern culture. This certainly pleases and inspires.

Keywords: media, communications, classics, literature, modernity, trends, adaptation, blogs, reviews, film version, cinema

For citation: Sharifullina S.V. The influence of mediacommunications on the reinterpretation of classical works in the context of modern trends: to the formulation of the question. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 114 – 118.

The article was submitted: April 21, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Под весьма корректным заголовком нашей статьи кроется революционное содержание: вот уже почти четверть века мы наблюдаем кризис литературоцентризма и торжество медиацентризма. В данном случае речь может идти о первенстве медиа и отстающих позициях классики: «Традиционно высокий уровень доверия аудитории к печатному слову естественным образом перешел от художественной литературы к медиа» [3, с. 134].

Целью данной статьи является исследование влияния современных медиакоммуникаций на процесс переосмысления классических произведений в условиях актуальных культурных и социальных трендов, а также формулировка ключевых вопросов, касающихся этой трансформации.

В одном из справочных изданий мы находим определение литературоцентризма, которое есть «главенствующее положение искусства слова как самого могущественного по своему воздействию на умы» [4, с. 217].

Медиацентризм – это особое понимание места и роли СМИ и СМК в жизни современного общества: «Современная отечественная культура утратила свой литературоцентризм и перешла в разряд медиацентричных культур, в которых язык средств массовой информации, коммуникации и пропаганды определяет культурспецифические черты того общества, в котором эти СМИ функционируют» [1, с. 53].

Материалы и методы исследований

В качестве основного материала для анализа в данной статье использовались классические художественные произведения, адаптированные в современных медиасредах – кино, театре, сериалах, социальных сетях, музыкальных проектах, видеоиграх и графических романах. Методы исследования включали культурологический и компаративный анализ, интерпретацию медиаадаптаций с точки зрения их соответствия оригинальному тексту и культурному контексту, а также элементы дискурсивного анализа – для выявления трансформаций восприятия классики в условиях медиацентричной эпохи. Анализу подверглись как конкретные примеры современных экранизаций и проектов (например, мюзикл «Гамилтон», графическая адаптация «Войны и мира», постановки «Гамлета» и «Грозы»), так и процессы, происходящие в цифровом пространстве: обсуждения классики в соцсетях, использование мемов, адаптаций в коротких видеоформатах и подкастах. Для обоснования теоретических положений были использованы научные публикации по вопросам литературоцентризма, медиацентризма, метамодерна

и культурной трансформации.

Результаты и обсуждения

Метаисторическое свойство культуры в целом, упорное тяготение к литературно-словесным формам саморепрезентации – эта особенность в той или иной степени характерна не только для русской культуры, но и для других развитых культур мира – об этом есть целый ряд работ, в которых мы встречаем идею о культурно – историческом обосновании переживаемой русской культурой кризиса [2, 6]. По мнению И.В.Кондакова, данный кризис объясняется пришествием массового читателя, который, согласно теории Х. Ортеги-и-Гассета, есть неискушенный читатель, не элитарный, для которого текст превращается в объект одноразового потребления: когда «никакого волнения, трепета, аль предвкушения» [7, с. 285].

Универсальным показателем понижения культурного статуса литературы является тот факт, что люди в периоды кризисов литературы меньше читают, подчас почти совсем отказываясь от книги в пользу иных носителей художественной информации. При этом исследователи видят понижение статуса художественной словесности как явление закономерное, временное и далеко не свидетельствующее о крахе основ национальной культуры. Другой исследователь, И. Яркевич, уверяет нас, что «очередной «конец» предполагает не исчезновение и не печальный итог, а новый виток или поворот культуры, но многие незыблемые основания культуры лишаются на таком повороте своей уникальности» [9, с. 245].

Кризис литературоцентризма совпал с кризисом культуры постмодерна, и сегодня мы говорим о другом художественном направлении – метамодерне – оно адаптирует разновеликое и примиряет оппозиционное. Множество перспектив и адаптивность – авторы и интерпретаторы термина подчеркивают важность множества точек зрения и способность адаптироваться к изменяющимся условиям.

Итак, подтверждается идея «нового рождения» классики, ее нового статуса, ее нового вида и ценности. Стало возможно говорить о новой жизни классики – на другой платформе, на платформе медиа. И, за неимением более внятных образцов и мотивов, происходит акцентуализация классической традиции в новой упаковке – классика в медиаформате.

Возможно, предлагаемые суждения покажутся полемичными, спорными, сложными, не адаптированными, но, на самом деле, сейчас нами обозначена лишь попытка разобраться в существующих трендах и отношениях ведущих культуроло-

гических систем, а также желание зафиксировать новую культурологическую эпоху, коснувшуюся каждого благодаря медиа, – метамодернизм, который остается актуальным и отзывчивым к вызовам времени.

В условиях стремительного развития технологий и глобализации медиасреды классические произведения неизбежно подвергаются переосмыслению. Медиа сегодня выступают мощным инструментом трансформации, адаптации и распространения культурного наследия. Влияние медиакоммуникаций выражается не только в том, что классические произведения становятся доступными для более широкой аудитории, но и в том, каким образом они интерпретируются и воспринимаются в современном контексте.

Переосмысление – это процесс пересмотра и изменения существующего понимания, убеждений или представлений о чем-либо. Этот процесс может применяться в различных контекстах, будь то личное развитие, научные исследования, культурные концепции или философские идеи. Переосмысление включает в себя критический анализ: подвергаются сомнению текущие взгляды, при этом появляются новые перспективы, связанные с возможностью исследовать альтернативные точки зрения или методы, которые могут привести к новому пониманию.

Переосмысление часто приводит к более глубокому пониманию и может открывать новые пути развития в различных сферах жизни. Один из элементов переосмысления классики – это адаптация её в медиасреде. Речь идет о популяризации классических произведений через современные форматы – это так называемый творческий подход: использование инновации и воображения для создания нового на основе пересмотренных концепций. Сегодня классические произведения адаптируются в различных мультимедийных форматах: кино, сериалы, видеоигры, комиксы и визуальные романы. Это позволяет привлечь внимание молодежной и цифровой аудитории, которая может быть не знакома с оригинальными текстами.

Тенденция нашего времени: медиакоммуникации превращают классику в современный тренд. Одним из самых эффективных способов сделать классику современной и популярной является экранизация классических произведений. К примеру, современные экранизации «Анны Карениной», «Евгения Онегина», «Мастера и Маргариты», постановка «Гамлета» или «Грозы» включают элементы современной культуры, актуализируя язык или образы, чтобы сделать их ближе современному зрителю: музыкальные темы фильмов и сериалов, снятых по мотивам известных текстов,

написаны молодыми композиторами с включениями модных мелизмов, электронной музыкой, обращением к современным музыкальным жанрам, таким как хип-хоп, EDM, рэп или поп-музыка – для замены классических саундтреков. Прекрасный пример – мюзикл «Гамильтон», где классическая история революции преподносится через рэп и хип-хоп. Или фильм «Онегин», в котором композиции на стихи Пушкина исполняются в современном музыкальном ключе.

Подбор костюмов и декораций, их адаптация к современным или футуристическим стилям, понятным в контексте допущений моды современного дня – это тоже «осовременивание» классики: театральная постановка «Гамлета» с Б. Камбэрбэтчем допускала универсальный джинс, рубашки в шотландском стиле, модные худи с капюшонами и кроссовки, как неизменный атрибут моды последних десятилетий.

Фильмы и телевизионные сериалы по мотивам классики привлекают внимание новой аудитории: ставятся акценты на актуальные темы (гендерные вопросы, социальное неравенство, отцы и дети – в противостоянии поколений вклинивается технократическая составляющая, поиски героя нового времени и т.д.)

Ещё одним современным форматом адаптации классики стали социальные сети. Они выступают новым инструментом интерпретаций содержания текстов, приближая их главные идеи к современным звучаниям: подписчики обсуждают героев русской и зарубежной классики, находя логическое оправдание их поступкам или современное звучание их настроений. Медиаплатформы играют важную роль в популяризации классики: пользователи создают мемы, короткие ролики, разбирают сюжеты и персонажей через призму современности. Герои Шекспира, Достоевского, Чехова, зарубежных писателей (Кафки, Хемингуэя) обсуждаются в социальных сетях с точки зрения психологии или социальной справедливости.

Современные адаптации часто стремятся подчеркнуть социальные проблемы и переосмысливают классические произведения в духе инклюзивности. Например, в недавних экранизациях появляются актеры разных национальностей (в «Гамлете» Полония играет чернокожий актер, как и в «Русалочке», и в «Воине и мире»), а также добавляются новые персонажи или темы, соответствующие современной повестке.

Цифровая культура влияет на то, как аудитория воспринимает классические произведения. Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) позволяют буквально «погрузиться» в произведения, создавая эмоциональный и персонализированный

опыт. Так, музыкальные произведения Бетховена или произведения Данте могут быть представлены через интерактивные мультимедийные проекты. Или картины из сокровищниц Русского музея «оживают» на страницах каталогов и корпоративных календарей.

Несомненно, в любом новом и развивающемся есть не только дополнительные грани таланта создателя истории, но и сложности и опасности переосмыслений. Развитие медиакоммуникаций в целом способствует популяризации классики, однако несет в себе и определенные риски, среди которых: поверхностность восприятия (адаптация часто упрощает авторскую идею), коммерциализация (адаптация делает ставку на прибыль через обращение к шок – контенту, чем на сохранение авторской идеи), разрыв с традициями (адаптация теряет глубину и подтекст – это конфликт с традиционным текстом).

Таким образом, медиацентричность в итоге оборачивается опасным размыванием поля экспертного мнения и глубокого анализа.

Медиакоммуникации стали мощным инструментом для переосмысления классических произведений, позволяющим сделать их доступнее и актуальнее для современного зрителя. Однако важно сохранять баланс между адаптацией к современным трендам и уважением к оригинальному контексту и замыслу авторов. При этом классические произведения, будучи трансформированными, продолжают жить в новых формах, обогащая культурный ландшафт и сохраняя своё значение для будущих поколений.

Когда-то упрекали Средневековье за упрощение глубины и значимости поднимаемых проблем в культуре Античности – со временем пришли к пониманию, что сохраненной Античность стала благодаря Средневековью... В этих переписываниях, объяснениях и адаптациях, подражаниях и повторях заключалось основное открытие древних.

Выводы

В финале своих рассуждений об опасности упрощения литературы и языка под влиянием адаптации их сути мы хотели бы обратиться к словам И. Бродского на вручении ему Нобелевской премии: 30 с лишним лет назад наш современник предрек изменение формы текста – ее экономии за счет адаптации. В Нобелевской речи И. Бродский предрекает неизбежное упрощение монументальных текстов: «В «Войне и мире» следующего века будет не больше двухсот страниц. А то и меньше – учитывая, сколько внимания читатель сможет уделить книге при разнообразии его досугов. Она будет длиной <...> в стихотворение» [3, с. 244-250].

Сегодня мы видим графический роман «Война и мир» («графическая адаптация») экономичного объема – в 222 страницы. При этом внимание к толстовскому эпосу благодаря адаптации возросло в разы. Графический роман «Война и мир» Д. Чухрая и А. Полторака вышел на английском языке в сентябре 2022 года и уже через 3 месяца после старта мировых продаж вошел в СШВ в ТОП – 10 лучших графических адаптаций классической литературы по версии «Screen Rant». Спустя еще 3 месяца этот графический роман вошел в Топ – 10 лучших графических адаптаций классической литературы Великобритании.

Специалисты отмечают не только отсутствие искажений сюжета Л.Толстого, но и то внимание, с которым авторы отнеслись к точности воссоздания в графике исторических деталей: костюмов, интерьеров, архитектуры. Графическая адаптация романа ставит своей целью познакомить с шедевром – «с основной сюжетной линией и погрузить в яркий и проработанный мир эпопеи Толстого»[8]. Читателям, знакомым с романом, живая графика подарит минуты воспоминаний нетленного произведения русского классика.

Медиакоммуникации открыли новые горизонты для споров о классических текстах, сделав их более доступными и глобальными, но при этом они сталкиваются с вызовами: сохранением глубины анализа и предотвращением манипуляций с содержанием. Баланс между традиционными и цифровыми подходами становится ключом к продуктивному диалогу о наследии прошлого – медиакоммуникации создают новые возможности для диалога. Современные технологии позволяют людям не только читать и обсуждать классические тексты, но и участвовать в их переформулировании. Например, пользователи могут создавать ремиксы, литературные игры или проекты, где классические произведения адаптируются к современным реалиям.

Влияние медийных форматов на классическое искусство несомненно. Медиакоммуникации изменяют способ подачи спорных вопросов. Классические тексты интерпретируются через визуальную эстетику (мемы, видеоролики) или упрощение сложных идей до понятных схем и инфографик. Это демократизирует доступ к знаниям, но одновременно может упрощать сложные смыслы. Такие каналы, как YouTube или Telegram, активно используют форматы, где специалисты объясняют глубокие и многозначные тексты за 15 минут. Критики указывают, что подобные подходы выхолащивают оригинальный смысл, тогда как другие считают, что это полезно для вовлечения новичков. Нам есть о чем подумать.

Список источников

1. Анненкова И.В. «Элита» и «Лжеэлита» как системные понятия медиацентричной культуры // Научные ведомости: БелГУ, серия «Гуманитарные науки». 2014. № 3. С. 71 – 74.
2. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2000. 352 с.
3. Бродский И. Нобелевская речь // Иностранная литература. 2000. № 5. С. 1 – 4.
4. Гурова Е., Ломыкина Н. Русский язык PRO (некоторые последствия медиацентричности культуры // Меди@льманах. 2020. № 5. С. 134 – 140.
5. Дмитриева Н. Литература и другие виды искусства. Краткая литературоведческая энциклопедия. М.: Наука, 1962-1978. С. 229 – 244.
6. Кондаков И. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX-XXI в.в. // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5 – 44
7. Толстая Т. Кысь. М.: Подкова, 2002. 320 с.
8. Чухрай Д. Война и мир: графический роман. Ростов-на-Дону: Феникс, 2024. 223 с.
9. Яркевич И. Литература, эстетика и другие интересные вещи // Вестник новой литературы. 1993. № 5. С. 61 – 64.

References

1. Annenkova I.V. "Elite" and "False Elite" as Systemic Concepts of Media-Centric Culture. Scientific News: BelSU, "Humanities" Series. 2014. No. 3. P. 71 – 74.
2. Berg M. Literaturocracy. The Problem of Appropriation and Redistribution of Power in Literature. Moscow: NLO, 2000. 352 p.
3. Brodsky I. Nobel Speech. Foreign Literature. 2000. No. 5. P. 1 – 4.
4. Gurova E., Lomikina N. Russian language PRO (some consequences of the media-centricity of culture. Medi@lmanakh. 2020. No. 5. Pp. 134 – 140.
5. Dmitrieva N. Literature and other types of art. Brief literary encyclopedia. Moscow: Nauka, 1962-1978. P. 229 – 244.
6. Kondakov I. On the other side of the word. The crisis of literature centrism in Russia in the 20th-21st centuries. Questions of literature. 2008. No. 5. P. 5 – 44
7. Tolstaya T. Kys. Moscow: Podkova, 2002. 320 p.
8. Chukhray D. War and Peace: a graphic novel. Rostov-on-Don: Phoenix, 2024. 223 p.
9. Yarkevich I. Literature, aesthetics and other interesting things. Bulletin of new literature. 1993. No. 5. P. 61 – 64.

Информация об авторе

Шарифуллина С.В., кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Litera-Tur@yandex.ru

© Шарифуллина С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.892.09

Особенности сирийского романизма XX века: между традицией и реализмом

¹ Стоянова Н.И., ¹ Абсаламов А.З.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье исследуются особенности эволюции сирийской прозы XX века, с акцентом на роман как ведущий литературный жанр. Проанализировано взаимодействие традиционных арабских повествовательных форм с влиянием европейской литературы – в частности, русской, французской и немецкой. Особое внимание уделяется тому, как сирийские писатели критически адаптировали зарубежные традиции для отражения местной реальности, национальной идентичности и особенностей арабского языка. Выделены основные этапы становления сирийского романа: 1920-1930-е годы как формирующий этап, 1940-1960-е как период реалистического подъёма, 1970-1980-е как эпоха углублённого психологизма и социальной проблематики. Рассматриваются ключевые фигуры, такие как Ханна Мина, Мааруф аль-Арнаут и Шакиб аль-Джабири, с точки зрения их тематических инноваций и структурных решений. В статье также освещается роль арабской литературной критики (в частности, М.Дж.А. аль-Мусави, Набиля Сулеймана) в формировании жанровой направленности сирийского романа. Сделан вывод о том, что сирийский романтизм, синтезировавший реализм и формальный эксперимент, заложил основы литературного развития XXI века. Результаты работы могут быть полезны для сравнительного литературоведения и анализа региональной литературы в глобальном контексте.

Ключевые слова: Сирийская литература, арабский роман, Ханна Мина, реализм, Ан-Нахда, исторический роман, арабская критика, востоковедение

Для цитирования: Стоянова Н.И., Абсаламов А.З. Особенности сирийского романизма XX века: между традицией и реализмом // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 119 – 123.

Поступила в редакцию: 22 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

Characteristics of Syrian romanism in the 20th century: between tradition and realism

¹ Stoyanova N.I., ¹ Absalamov A.Z.,

¹ Dagestan State University

Abstract: the article explores the evolution of Syrian prose in the 20th century, with a focus on the novel as the leading literary genre. It analyzes the interaction between traditional Arabic narrative forms and the influences of European literature – particularly Russian, French, and German literary models. Special emphasis is placed on how Syrian writers critically adapted these foreign traditions to express local realities, national identity, and the Arabic language. The study outlines the major developmental stages of the Syrian novel, identifying the 1920s-1930s as the formative phase, the 1940s-1960s as the period of realist expansion, and the 1970s–1980s as an era of psychological depth and social engagement. The contribution of prominent writers such as Hanna Mina, Maaruf al-Arnaut, and Shakib al-Jabiri is examined in terms of both thematic innovation and narrative structure. The paper also considers the role of literary criticism in shaping the novel's trajectory, highlighting key figures such as M.J.A. al-Musawi and Nabil Suleiman. The research concludes that Syrian romanticism, with its synthesis of realism and experimentation, established a foundation for 21st-century prose. The findings may be useful for further comparative literary studies and for understanding how regional literature contributes to global literary trends.

Keywords: Syrian literature, Arabic novel, Hanna Mina, realism, Nahda, historical novel, Arabic criticism, Oriental studies

For citation: Stoyanova N.I., Absalamov A.Z. Characteristics of Syrian romanism in the 20th century: between tradition and realism. Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 119 – 123.

The article was submitted: April 22, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

Сирийская проза пережила период трансформации с середины 1950-х до конца 1970-х годов, ознаменованный качественным сдвигом от публицистических и риторических жанров к сложным художественным формам [1]. Этот процесс совпал с укреплением романа как доминирующего жанра в арабской литературе, способного вобрать в себя социально-исторические, психологические и эстетические измерения. Становление сирийского романа прошло несколько этапов, каждый из которых отличался своими характерными чертами: от поисков литературной формы и синтеза традиционного повествования с западными структурами в 1920-30-х годах [2], через развитие реалистического направления и социальной критики в 1940-60-х, до углубления психологического анализа и расширения тематических границ в 1970-80-х. История сирийского романа XX века представляет собой многослойную картину, в которой различные эпохи взаимодействуют, формируя эстетическую преемственность и идейную глубину, ставшую основой для литературы XXI века.

Материалы и методы исследований

Данное исследование опирается на анализ литературных произведений сирийских писателей, созданных в период с 1920-х по 1980-е годы [3], с особым акцентом на период с середины 1950-х до конца 1970-х годов. Основными материалами исследования являются [4]:

Первичные источники: Романы сирийских писателей, таких как Мааруф аль-Арнаут, Шакиб аль-Джабири, Ханна Мина, Рифкат ас-Саид и других. Особое внимание уделено произведениям, отражающим социальные, политические и культурные изменения в Сирии в указанный период. Конкретные названия произведений, такие как "Паруса в тумане" и "Звезды над аллеей мрака" Ханны Мины, приводятся в качестве примеров для анализа.

Вторичные источники: Критические статьи, монографии и исследования сирийской и арабской литературы, в том числе работы Набиля Сулеймана, Самар Руихи аль-Фейсал и других исследователей, занимающихся изучением поэтики, стиля и философской глубины сирийского романа.

В ходе исследования использовались следующие методы:

- Историко-литературный метод: для анали-

за развития сирийской прозы в контексте социально-политических и культурных изменений в Сирии XX века [5]. Этот метод позволяет проследить эволюцию тематики, проблематики и художественных приемов в сирийском романе на различных этапах. Временные рамки, выделенные в тексте (1920-30е, 1940-60е, 1970-80е), использовались как основа для периодизации и сравнения.

- Сравнительно-типологический метод: для выявления общих черт [4] и различий в творчестве разных писателей и в разные периоды развития сирийского романа. Это позволило определить основные тенденции и направления в развитии жанра.

- Метод структурного анализа: для выявления особенностей построения и композиции романов, анализа нарративных стратегий, использования художественного времени и пространства [6].

- Герменевтический метод: для интерпретации смыслового содержания литературных произведений, выявления авторской позиции и понимания социокультурного контекста, отраженного в текстах.

- Социологический подход: для анализа отражения в романах социальных проблем, конфликтов и идеологий, а также для определения роли литературы в формировании национального самосознания и общественной мысли.

Исследование направлено на выявление основных этапов развития сирийского романа в XX веке [1], определение его специфических черт и вклада в арабскую и мировую литературу.

На основе комплексного анализа можно выделить следующие ключевые особенности, характеризующие сирийский роман:

К тематической основе и ведущей проблематике мы можем отнести следующие темы:

- Социальная несправедливость: война, колониализм, безработица и другие проявления социальной несправедливости занимают центральное место в сирийской литературе [7].

- Взаимодействие Востока и Запада: Эта тема часто раскрывается через образы женщин, любовные или семейные конфликты, символизируя культурное напряжение и различия между мирами.

- Историческое сознание и национальная идентичность: Исторический роман выполняет важную функцию осмысления прошлого, форми-

рования патриотизма и коллективной памяти [2].

Жанровые особенности и формальные эксперименты включают в себя:

- Реализм с элементами эксперимента: сирийский роман XX века характеризуется не только приверженностью к реализму, но и использованием элементов эссеистики, хроникального повествования, фольклора, религиозной символики и модернистской прозы [8].

- Многоголосие: авторская позиция переплетается с голосами персонажей, хронистов, мифических и исторических фигур, создавая многомерное изображение исторической и социальной реальности [4].

- Жанровое разнообразие: развиваются различные жанры, такие как исторический, социальный, философский, психологический роман, роман-притча и роман-поток сознания.

Влияние и формирование сирийского романизма XX века протекало в эпоху Возрождения арабской литературы (Ан-Нахда), когда литература стала инструментом национального самосознания и критики тирании. На него также оказала влияние западная литература, а именно прослеживается влияние западных модернистских традиций (Джойс, Пруст, Кафка) и русской классической литературы (Достоевский, Толстой, Чехов) [9].

Рассматривая роль романизма в жизни сирийского общества, то важно отметить, роман выступает как способ коллективного осмысления истории, где художественная реконструкция событий имеет общественно-воспитательную направленность и активно участвует в формировании национального самосознания и интерпретации национального прошлого в свете актуальных реалий, выполняя просветительскую роль, критикуя тиранию, осмысливая культурное наследие и переоценивая исторических героев (например: роман «Судьба не шутит» Шакиба аль-Джабири, поднимающий темы социальной несправедливости, войны, колониализма и безработицы или романы аль-Джабири, в которых отношения между арабским и европейским началом представлены через любовные или семейные конфликты) [10].

В целом, сирийский роман представляет собой сложный и многогранный культурный феномен, отражающий исторические, социальные и культурные реалии сирийского общества, а также его взаимодействие с мировыми литературными традициями.

Результаты и обсуждения

В ходе проведенного исследования была изучена эволюция сирийской прозы с середины 1950-х до конца 1970-х годов как переход от публицистической прозы к сложным художественным

формам, совпадающий с доминированием романа в арабской литературе. Этот период стал решающим в формировании сирийского романа как жанра, интегрирующего социально-исторические, психологические и эстетические измерения.

Также были определены три ключевых этапа развития сирийского романа в XX веке: 1) 1920-1930-е гг. – становление романа и поиск литературных форм; 2) 1940-1960-е гг. – развитие реалистического романа и социальной критики; 3) 1970-1980-е гг. – углубление психологического анализа и расширение тематических границ.

Были выявлены основные темы и проблематика сирийского романа: социальная несправедливость, война, колониализм, взаимодействие Востока и Запада, историческое сознание и национальная идентичность.

Рассмотрены жанровые особенности и формальные эксперименты в сирийском романе: приверженность к реализму с элементами эксперимента, многоголосие, жанровое разнообразие.

Определены факторы, повлиявшие на развитие сирийского романа: эпоха Ан-Нахда, влияние западной литературы (французской, немецкой, русской), слияние традиций [5].

Описана роль сирийского романа в формировании национального самосознания, критике тирании и осмыслении культурного наследия.

В целом, исследование позволило сформировать целостное представление об истории и особенностях сирийского романа XX века, его роли в формировании национального самосознания и его вкладе в арабскую и мировую литературу. Результаты исследования могут служить основой для дальнейших исследований, направленных на более глубокий анализ конкретных аспектов и проблем развития сирийской литературы [7].

Выводы

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Сирийский роман XX века представляет собой сложный и динамичный феномен, отражающий социокультурные и политические трансформации, происходившие в Сирии в течение столетия. Развитие романа прошло несколько этапов, каждый из которых характеризовался своими особенностями:

- От зарождения к расцвету: в начале XX века сирийская литература переживала период становления романа как жанра, характеризующийся поисками литературных форм и синтезом традиционных и западных повествовательных приемов. К середине века, в период подъема национального самосознания и борьбы с колониализмом, сирий-

ский роман стал важным инструментом социальной критики и рефлексии[1].

- Трансформация тематики и формы: в 1970-1980-е годы сирийский роман углубился в психологический анализ и расширил тематические границы, уделяя внимание травматическому опыту войны, моральному выбору и разрушению традиционного уклада. Авторы этого периода стремились к формальным экспериментам, внедряя в свои произведения элементы эссеистики, фольклора и модернистской прозы[5].

- Синтез традиций и современности: сирийский роман XX века представляет собой уникальный синтез традиций арабской литературы и влияний западной литературы, особенно французской, немецкой и русской. Сирийские писатели не просто заимствовали европейские модели, но критически переосмысливали их, адаптируя к собственному социокультурному контексту[9].

- Роль в формировании национального самосознания: сирийский роман играл важную роль в формировании национального самосознания,

осмыслении истории и критике тирании. Литература стала важным инструментом для выражения чаяний простого народа и борьбы за справедливость [10].

- Преемственность и актуальность: традиции, заложенные сирийскими писателями XX века, продолжают развиваться в современной литературе. Современные сирийские романисты осмысливают глобальные вызовы, такие как изгнание, война и миграция, через призму романтико-реалистического синтеза и традиций гуманистического взгляда на человека и историю.

В заключение отметим, что сирийский роман XX века стал важным этапом в развитии арабской литературы, сформировав уникальный тип повествования, сочетающий нарративную плотность, поэтическую образность и философскую нагрузку. Этот культурный феномен не только отражает историческую и социальную реальность Сирии, но и вносит вклад в мировой литературный дискурс, сохраняя при этом национальную и региональную специфику.

Список источников

1. Абдулрахман Б. Развитие жанра исторического романа в современной сирийской литературе. М.: Восточная литература, 1993. 215 с.
2. Воутье Э. Современное сирийское романное творчество с 1967 года по настоящее время. Дамаск: ИФПО, 2007. С. 51 – 86.
3. Орлов-Корф В. История литературы Сирии до XXI века // Проза.ру. 2023. URL: <https://proza.ru/2023/10/29/1056> (дата обращения: 01.03.2025)
4. Хусам аль-Хатыб. Сирийский роман в период культурного подъема. Дамаск: Академия наук, 1981. С. 45 – 68.
5. Абдуссалам аль-Уджайли Социальная реальность в арабском романе. Алеппо: Университетский издательский центр, 1985. С. 29 – 47.
6. Самар Рухий аль-Фейсал. Женские образы в сирийской прозе // Журнал арабской критики. 2022. № 4. С. 117 – 132.
7. Аль-Мусави М.Дж.А. Историческое измерение в арабской прозе // Литературное обозрение Востока. 2021. № 2. С. 56 – 73.
8. Саид Хасан. Трансформация реализма в сирийской прозе XXI века // Ближневосточный гуманитарный вестник. 2023. № 1. С. 22 – 35.
9. Аль-Мумини Ю. Кризис идентичности в сирийском романе после 2011 года // Арабский мир и современность. 2024. № 3. С. 49 – 64.
10. Набиль Сулейман. Поэтика сирийского романа: формы и смыслы // Востоковедческий журнал. 2023. № 5. С. 88 – 102.

References

1. Abdulrahman B. Development of the historical novel genre in modern Syrian literature. Moscow: Vostochnaya literatura, 1993. 215 p.
2. Voutye E. Modern Syrian novel writing from 1967 to the present. Damascus: IFPO, 2007. P. 51 – 86.
3. Orlov-Korf V. History of Syrian literature before the 21st century. Proza.ru. 2023. URL: <https://proza.ru/2023/10/29/1056> (accessed: 01.03.2025)
4. Husam al-Khatib. Syrian novel during the cultural upsurge. Damascus: Academy of Sciences, 1981. P. 45 – 68.
5. Abdussalam al-Ujayli Social reality in the Arabic novel. Aleppo: University Publishing Center, 1985. P. 29 – 47.

6. Samar Ruhiy al-Faisal. Female Images in Syrian Prose. *Journal of Arab Criticism*. 2022. No. 4. P. 117 – 132.
7. Al-Musawi M.J.A. Historical Dimension in Arabic Prose. *Literary Review of the East*. 2021. No. 2. P. 56 – 73.
8. Said Hasan. Transformation of Realism in Syrian Prose of the 21st Century. *Middle East Humanitarian Bulletin*. 2023. No. 1. P. 22 – 35.
9. Al-Mumini Yu. Identity Crisis in the Syrian Novel after 2011. *The Arab World and Modernity*. 2024. No. 3. P. 49 – 64.
10. Nabil Suleiman. Poetics of the Syrian Novel: Forms and Meanings. *Oriental Studies Journal*. 2023. No. 5. P. 88 – 102.

Информация об авторах

Стоянова Н.И., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

Абсаламов А.З., Дагестанский государственный университет

© Стоянова Н.И., Абсаламов А.З., 2025